

10—14 ДЕКАБРЯ 2018
Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18

ВТОРАЯ ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

ДРЕВНИЕ КУЛЬТУРЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ и САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

посвященная 90-летию
со дня рождения
Александра Даниловича Грача

ТЕЗИСЫ

Содержание

Об Александре Даниловиче Граче

Власова Е.В. Александр Данилович Грач	7
Дэвлет М.А. Вспоминая А.Д. Грача	10
Овчинникова Б.Б. Воспоминания о А.Д.Граче	12

Секция 1. Археология Центральной Азии и Южной Сибири

Акулов А. Г. Взлет к востоку: мемориальная архитектура центра Азии на рубеже эпох	15
Астахов С.Н. Стоянка-мастерская по добыче кварцита Ак-Даш (Белый Камень)	22
Боковенко Н.А. Культуры Саяно-Алтая в начале I тыс. до н.э.	27
Бородовский А.П., Оборин Ю.В. Клады и тайники Среднего Енисея хунно-сяньбийского времени	33
Бусова В.С. По следам А.Д. Грача в долине Саглы	38
Варенов А. В. Демонические псы оленных камней Монголии и их китайские соответствия	41
Варенов А. В. Петроглифы в стиле оленных камней из Китая	47
Варенов А. В. Районы распространения погребальных памятников сяньбийского времени во внутренней Монголии	51
Головченко Н.Н. К вопросу об использовании деревянных шейных украшений населением Верхнего Приобья в эпоху раннего железа	55
Горячев А.А., Егорова Т.А. Изображения воинов с оружием в петроглифах эпохи бронзы Семиречья	59
Грушин С.П., Мерц И.В., Фрибус А.В., Мерц В.К. Исследования в Восточном Казахстане и на юге Западной Сибири под эгидой института-музея семьи Рерихов (г. Санкт-Петербург)	65

Дашковский П.К. Социальные отношения и мировоззрение кочевников Центральной Азии скифской эпохи как предмет изучения в творчестве А.Д. Грача	69
Елихина Ю.И. Коллекция В.Л. Котовича из городища Хара-Балгасун, хранящаяся в Государственном Эрмитаже	77
Килуновская М.Е. Наскальные рисунки на юге Тувы (исследования А.Д.Грача и современное состояние памятников)	81
Кисель В.А. Звериный стиль кургана Аржан-2	87
Красниенко С.В. Андроновские могильники на севере Минусинской котловины: ландшафтный контекст и планиграфия	91
Крюкова В. Ю. Миф о Йиме (Видевдат 2): контекст и авестийские параллели	93
Куулар А.И. Судьба одного изваяния из Тувы, исследованного А. Д. Грачом	97
Лурье В.М. К вопросу об истоках сложения домостроительной традиции эпохи поздней бронзы Минусинской котловины	101
Лазаретов И.П. К относительной хронологии окуневских погребальных конструкций	105
Леус П.М. Китайские бронзовые зеркала из могильников Ала-Тей и Терезин в Туве	117
Марсадоллов Л.С. Новая датировка кургана № 9 Куйлуг-Хема I, раскопанного экспедицией А.Д.Грача	124
Миняев С. С. К трактовке роли наборных поясов из памятников эпохи сюнну	131
Мурзина С. Р. К вопросу об историческом месте и компонентном составе могильника Улангом	133
Панкова С.В. меховые одежды из Оглахтинского могильника	137

Папин Д.В. Проблемы формирования культур эпохи финальной бронзы Алтая	138
Паршикова Т.С. Использование методов естественных наук в археологических исследованиях памятников Алтая (1940–1960-е гг.)	141
Пахунов А.С. Фиксация новых гравировок на плитах из погребений Каракола с использованием съемки в инфракрасном свете	145
Переводчикова Е.В. К датировке кургана Аржан-2	149
Поляков А.В. Погребения катакомбного типа в материалах окуневской культуры	152
Садыков Т. Р. Возможности получения дополнительной информации из давно исследованных памятников на дне Тувинского моря	155
Семенов А.В. Археологические памятники в начале Саянского каньона Енисея (Тува)	170
Семенов Вл.А. Алды-бельская культура в Туве	173
Серегин Н.Н. Особенности появления и распространения стремян у тюрок Центральной Азии	178
Соколова Л.А. Технология изготовления таштыкских масок	182
Сотникова С.В. Парные разнополюсные погребения андроновской (федоровской) культуры юга Западной Сибири	196
Тишкин А.А. Металлические детали наборного пояса монгольского времени из кургана №9 памятника Кармацкий (Верхнее Приобье): рентгенофлюоресцентный анализ	200
Фролов Я.В. О параллелях в материалах некрополей скифо-сакского времени из Барнаульского Приобья и Тувы	205
Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю. Изучение древнетюркских изваяний Саяно-Алтая и Тянь-Шаня	208
Чугунов К. В. Тува в первом тысячелетии до н.э.: модель мультикультурности	212

Шульга Д.П. Специфика погребений южных сянну (эпоха Восточной Хань)	223
Шульга П.И., Шульга Д.П. Некоторые сложности интерпретации материалов могильника Мохучахань	226

Секция 2. Археология Санкт-Петербурга

Александров С. В., Боковенко Н. А., Кильдюшевский В. И., Стеганцева В. Я. Материальная культура городской среды XVIII века на примере материалов из раскопок во дворах Восточного крыла Главного штаба 2009–2011 гг.	230
Дьяконов Н.П., Ерёмченко А.В. Утраченные кладбища Санкт-Петербурга: памятники археологии или пространство для озеленения города?	234
Ёлшин Д.Д., Реброва Р.В. Строительные и отделочные материалы в петербургском культурном слое. Проблемы отбора в музейную коллекцию	238
Михайлова Е.Р. Начальный Петербург как памятник археологии	239
Михайлова Е.Р., Мурзенков Д.Н., Федоров И.А., Соболев В.Ю., Шмелев К.В., Тарасов И.И. Археологическое изучение Колтовской слободы в 1998–2018 годах	242
Новоселов Н.В., Гарбуз И.А. Археологическая разведка на территории мызы А.Д. Меншикова «Фаворит» в 2018 году	245
Федоров И. А. Опыт археологического изучения садово-парковых комплексов (на примере сада Каменноостровского дворца)	250
Черленок Е. А. Археология Петербурга: источники по археологии или археологические источники?	254
Шмелев К.В., Тарасов И.И. Погребения военного лагеря на Кронверке. Локальный вариант обряда или традиция московского времени	257

Шуньгина С.Е. Итоги археологической разведки 2016 года на территории бывшего сахарного завода в г. Санкт-Петербурге	259
Сведения об авторах	263

Об Александре Даниловиче Граче

Е. В. Власова

АЛЕКСАНДР ДАНИЛОВИЧ ГРАЧ

Александр Данилович Грач (1928–1981) — великий ученый, основоположник археологических исследований Санкт-Петербурга и один из самых видных археологов-исследователей Центральной Азии.

В студенческие годы А. Д. Грач работал в Керчи в составе Боспорской археологической экспедиции под руководством В. Ф. Гайдукевича. Позже, в 1973–1974 гг., вместе со своей супругой онной Леонидовной Грач он проводил раскопки некрополя боспорского города Нимфея, находки из которого поступили в Эрмитаж.

Именно ему, человеку высокой, истинно петербургской культуры выпало проведение первых научно организованных раскопок на территории Санкт-Петербурга, положивших начало дальнейшему его археологическому исследованию. В 1952 г. по поручению Института Этнографии АН СССР он провел археологические раскопки в Таможенном переулке, на территории, прилегающей к зданию Кунсткамеры, где располагается ИЭ АН СССР – МАЭ РАН. Результаты работ были опубликованы отдельной книгой «Археологические раскопки в Ленинграде. К характеристике культуры и быта населения Петербурга XVIII в.» (Л., 1957 г.). В 1963 г. на месте бывшего кладбища у Благовещенской церкви он открыл захоронение выдающегося ученого-путешественника, первооткрывателя Камчатки С. П. Крашенинникова. Его работы на Комендантском кладбище в Петропавловской крепости (1968–69, 1977–79) позволили атрибутировать захоронения комендантов М. О. Чемезова, Я. Х. Бахмиотова, Н. И. Зиновьева, а также найти и восстановить считавшуюся утраченной могилу одного из выдающихся соратников Петра I — коменданта генерал-лейтенанта Р. В. Брюса (1668–1720), череп которого был передан в мастерскую М. М. Герасимова для антропологической реконструкции и

изготовления скульптурного портрета. Также А. Д. Грач исследовал погост в пос. Суйда Гатчинского р-на, где находились останки А. П. Ганнибала — сподвижника Петра I, прадеда Александра Сергеевича Пушкина.

Человек яркого дарования и огромной творческой энергии, он также вложил все свои силы и в изучение горячо любимой им Тувы, которая стала его второй родиной. Исследование древней и средневековой культуры Тувы — от первых конных маршрутов и археологических наблюдений до руководства крупнейшей в стране Саяно-Тувинской экспедицией и обобщающих трудов по культурогенезу кочевников Центральной Азии — таков короткий, чрезвычайно насыщенный и непростой творческий путь А. Д. Грача. Саяно-Тувинская экспедиция (1965–1984), организатором которой и начальником до 1973 г. он был, проводила работы в зоне затопления при строительстве Саяно-Шушенской ГЭС. Это была самая крупная новостроечная экспедиция в стране. Александр Данилович разработал уникальную в то время концепцию исследования территории будущего водохранилища с тщательным изучением памятников всех исторических эпох. К археологическим раскопкам были привлечены и взрослые, и дети, которые вдохновенно работали, изучая собственную историю.

Человек, обладавший ярко выраженной харизмой, одинаково свободно и уважительно общавшийся с министрами, чабанами, детьми, он был и до сих пор остается для тувинского народа самым любимым археологом. Участвовавшие в раскопках дети называли его «башкы» /отец-учитель/ и вдохновенно работали, изучая собственную историю. В отрядах его экспедиции в детстве и юности трудились люди, которых все хорошо знают: Сергей Кужугетович Шойгу, Наталья Леонидовна Дементьева, Андрей Львович Ургант.

Результаты работ в Центральной Азии отражены в трудах А. Д. Грача: «Древнетюркские изваяния Тувы» (М., 1961), «Древние кочевники в центре Азии» (М., 1980), статьях, его сподвижников и учеников. Сделанные им находки украсили Эрмитаж и Национальный музей им. Алдан-Маадыр Республики Тыва.

Ученый читал курс лекций по археологии Центральной Азии в Ленинградском государственном университете. Его ученики в археологическом кружке Дворца пионеров Ленинграда готовили новое поколение археологов, которое проходило практику на раскопках в Туве; некоторые из них до сих пор продолжают там работать.

Александр Данилович Грач жил в доме № 14 по Крюкову каналу (сначала — в квартире № 36, затем — в квартире № 8). Данью памяти и признательности этому человеку стала бы установка на стене этого дома мемориальной доски: «В этом доме жил археолог Александр Данилович Грач (1928–1981)».

М.А. Дэвлет

ВСПОМИНАЯ А.Д. ГРАЧА

Одним из наиболее впечатляющих и ярких явлений в моей профессиональной жизни был Александр Данилович Грач, наряду с А.П.Окладниковым, М.П. Грязновым и Н.Я. Мерпертом. Познакомил меня с Грачом А.П.Окладников на конференции в Иркутске. Прежде я слушала доклады Александра Даниловича на отчетных сессиях, но не была лично знакома с ним. Позднее, во время аспирантской командировки в Абакан я случайно повстречала Грача у почты. Мы разговорились, и он пригласил меня тем вечером на базу в избушку, где остановились сотрудники его отряда, направлявшиеся в Туву после полевого сезона в Хакасии. На вечерних посиделках Грач предложил мне отправиться на следующий день на экспедиционной машине вместе с его спутниками в Туву, откуда он вывез еще весной школьников для работы в составе Красноярской экспедиции. Я с радостью согласилась. Как и все окружающие сотрудники, я сразу же подпала под влияние его ауры и магнетической харизмы. Завораживали широта его эрудиции, целеустремленность, личное мужество. Тщательный и опытный полевой исследователь, талантливый организатор, он был бесконечно предан археологии – делу всей своей жизни. Молодежь стремилась брать с него пример. Действительно, он был лучшим из лучших. На следующий день мы отправились в Туву, где я «задержалась» на многие годы.

В это время я, по совету Б.А. Рыбакова, занималась наскальными изображениями, а именно Большой Боярской писаницей в Хакасии. А.Д. Грач, можно сказать, был к тому времени основоположником изучения петроглифов в Туве. Он постоянно консультировал меня по вопросам петроглифоведения. Его труды были для меня образцом, я стала его последовательницей и ученицей.

На следующий год Александр Данилович направил меня на раскопки курганного могильника Куйлуг-Хем на правом берегу Улуг-Хема. Ближайшим к

нашему Первому отряду был Четвертый отряд, которым руководил И.У. Самбу. Там трудились в качестве землекопов тувинские школьники. Среди них был Сергей, сын известного знатока Тувинской истории Кужегета Сергеевича Шойгу. Вот как министр обороны нашей страны вспоминает об этом периоде своей жизни: «В конце 1960-х годов с одиннадцатилетнего возраста мне посчастливилось четыре года подряд участвовать в летних полевых работах Саяно-Тувинской археологической экспедиции Ленинградского отделения Института Археологии Академии Наук СССР (ныне Институт истории материальной культуры РАН) – знаменитой СТЭАН... Возглавлял экспедицию (до 1973 г.) один из видных исследователей археологии Центральной Азии, человек с ярко выраженной индивидуальностью и уникальными знаниями, ученый с большой буквы – Александр Данилович Грач. Это был, в хорошем смысле слова, авантюрист и мечтатель. Именно ему принадлежала идея привлечения к раскопкам в Туве ленинградских студентов и школьников, а также учеников местных, тувинских школ. Блестящий организатор, он успешно руководил раскопками и всем нашим большим хозяйством, постоянно ездил от отряда к отряду на сотни километров по всей зоне затопления Саяно-Шушенской ГЭС» (*Шойгу*, Тыва Дэптер, т.1. 2008. С.11–12).

С.К. Шойгу характеризует А.Д. Грача как человека неординарного, яркого, невероятно преданного своему делу и Туве. «Именно он, – писал Шойгу, – ученый из далекого Ленинграда, не только преподавал нам первые уроки археологии, полевой жизни, но и, самое главное, возбудил в нас интерес к прошлому нашего народа, часто скрытому от нас глубинными слоями земли» (*Шойгу*, Тыва Дэптер, т.1. 2008. С.10). Десять лет назад, в связи с юбилеем А.Д. Грача Сергей Кужегетович опубликовал замечательный семитомник «Тыва Дэптер» - «Тувинская тетрадь», содержащий исторические свидетельства о Туве, со словами: «Моей малой Родине и ее людям, а также учителю и другу тувинских мальчишек и девчонок, работавших в отрядах Саяно-Тувинской археологической экспедиции АН СССР Александру Даниловичу Грачу в честь его 80-летия посвящается».

Б.Б.Овчинникова

ВОСПОМИНАНИЯ О А.Д.ГРАЧЕ

«Не говори с тоской: их нет, / Но с благодарностию: были»

В.А.Жуковский

1964 год. Апрель. Москва. МГУ. Проходит X Всесоюзная студенческая археологическая конференция. Именно тогда я, студентка 3-го курса исторического факультета Уральского государственного университета им. А.М.Горького (УрГУ, г. Свердловск – с 2011г. Уральский госуниверситет им. А.М.Горького – это Уральский федеральный университет имени Первого президента Б.Н.Ельцина, г. Екатеринбург), впервые услышала восторженные отзывы студентов-ленинградцев об их научном руководителе – Александре Даниловиче Граче и о Саяно-Тувинской археологической экспедиции. В последствие они стали моими замечательными друзьями – Митя Савинов и Юра Трифионов.

Прошло время ...1966 год. Также Москва, весна, проходит Пленум по итогам полевых археологических исследований всесоюзного масштаба. На этом Пленуме и состоялось мое личное знакомство с А.Д. Грачем – руководителем крупномасштабной в СССР в шестидесятые годы XX века Саяно-Тувинской археологической экспедиции Ленинградского отделения института археологии АН СССР (СТАЭ ЛОИА). Он был председателем секции, на которой я выступила с докладом о погребениях, совершенных по обряду захоронения человека и коня, обнаруженных в Западной Сибири. В сообщении прозвучало предположение, что в погребальном ритуале племен, оставивших эти захоронения, прослеживаются тюркские (южно-сибирские) элементы. Как оказалось, это замечание не осталось без внимания А. Д. Грача, и мне от него поступило предложение поработать на памятниках древних тюрков в Туве в составе СТАЭ ЛОИА. Именно это предложение в последствие сыграло решающую роль в моей профессиональной судьбе и на многие годы связало с Саяно-Тувинской экспедицией.

В июле того же года приехав в Туву, мне не удалось добраться до отряда А.Д. Грача – помешал разлив Енисея. И все же я приняла участие в раскопках СТАЭ, но только в отряде А.М.Мандельштама, с которым продолжала работать все последующие полевые сезоны, позже возглавляя уральский отряд студентов УрГУ.

Нужно отметить, что все пять отрядов СТАЭ в 60-е гг. под общим руководством А.Д.Грача составляли единый монолит. Александр Данилович дал импульс и четко обозначил направления деятельности всей экспедиции. На общих встречах отрядов во время мероприятий, проводившихся в экспедиции, обсуждались те открытия, которые впоследствии, порой, становились сенсационными. Именно тогда в 1966г. судьба свела меня, с преданной ученицей А.Д. Грача - Галкой (Галиной Вацловной) Длужневской. В последствие мы стали близкими подругами. Пройдя с А.Д.Граче мне один полевой сезон, всегда с такой любовью и гордостью отзывалась она о своем научном руководителе.

Несмотря на мои короткие встречи с А.Д.Грачем, могла убедиться в его умении общаться с людьми разных возрастов, национальностей и профессий. Мне кажется, он любил «Голубую Туву» так как никто другой. Мог с воодушевлением и неподдельным восторгом рассказывать и показывать открытые экспедицией памятники, заражая своего собеседника интересом к ним. Темперамент А.Д.Грача не позволял ему замыкаться лишь в научных рамках. Популяризация науки была для него былане только частью деятельности как ученого, но и своеобразным делом, для которого необходимо обладать особым талантом. Работа экспедиции проходила на территориях местных кочевий, где большая часть детей обучалась в школах-интернатах в отрыве от семей, и А.Д. Грач стал активно привлекать к участию в полевых работах и этих ребят, делясь с ними своими знаниями, пробуждая любовь к родному краю, заражая жаждой его познания, порой занимаясь их трудоустройством после работы в экспедиции.

Я хорошо помню его приезд в г.Свердловск для участия в создании фильма о Саяно-Тувинской экспедиции. А.Д. Грач был полностью погружен в процесс: отбирал материал, помогал его монтировать, сам озвучивал. Фильм, несмотря на черно-белый вариант, получился замечательный, он и сегодня великолепно отражает эпоху того времени, специфику экспедиции.

Стиль работы и организаторские способности Александра Даниловича Грача позволили создать коллектив, объединённый общей целью исследования памятников, располагающихся на обширной территории, как в зоне затопления Саяно-Шушенской ГЭС, так и на большей части всего Саяно-Алтая. Хронологический диапазон исследуемых объектов - от древнейших времен до этнографической современности, позволял воссоздать картину исторической перспективы. Сегодня можно сказать, что возглавить этот процесс могла только личность, авторитет которой и научная значимость были высоки как среди коллег-профессионалов, так и среди местной администрации. Александр Данилович также пользовался большим уважением местной элиты и населения.

Талантливый организатор, реалист и романтик, человек, бесконечно преданный своему делу – именно таким остался в моей памяти Александр Данилович Грач.

Секция 1. Археология Центральной Азии и Южной Сибири

Акулов А. Г.

ВЗЛЕТ К ВОСТОКУ: МЕМОРИАЛЬНАЯ АРХИТЕКТУРА ЦЕНТРА АЗИИ НА РУБЕЖЕ ЭПОХ

Ключевые слова: мемориалы, мемориальная архитектура, курганы, херексурсы, оленные камни, эпоха поздней бронзы, Монголия

Отдельную курганную насыпь, появляющуюся в Центральной Азии с афанасьевской миграцией, трудно назвать полноценным архитектурным сооружением. Да и взаимодействие таких насыпей в ансамбле могильника из-за скудости набора их форм сводится лишь к соотношениям величин сооружений и расстояний между ними. Однако, позже, в окуневско-чемурчекское время в Центральную Азию приходят новые перспективные архитектурные концепции (рис. 1, 2-4). В погребальных сооружениях впервые появляется сложная планировка – оси, направления, функциональные зоны – погребальная и ритуальная, структурные узлы маркируются вертикалями, используется цвет камней (Поляков, 2010. С. 78-80; Ковалев, 2012. С. 36-40). В окуневских «курганах с диагональными кладками» (Лазаретов, 2012. С. 220-224) мы наблюдаем сложившийся канон для погребальных комплексов особого типа и назначения. Размеры таких комплексов в плане приближаются к сотне метров. Сооружение погребальных оград дополняется установкой антропоморфных стел. Появляются высокие изваяния со сложной совокупностью изображений и узкой лицевой гранью. Это еще не архитектурная традиция, но набор необходимых компонентов для ее сложения. Он фиксируется, в первую очередь, в Минусинской котловине, однако, уже известен на всем восточном фланге культур евразийских степей.

В начале эпохи поздней бронзы новая волна пришельцев с запада трансформирует культурные традиции центра Азии. Упомянутые

«предархитектурные» идеи, принципы, концепты перетасовываются и по-разному собираются в нескольких складывающихся линиях развития, переплетающихся и взаимодействующих между собой. Именно в эту эпоху развитие социальных структур, обусловленное, видимо, контактами с возникшей китайской цивилизацией дает импульс для возрастания масштаба погребальных сооружений. Появляется возможность усложнения их структуры и абриса дополнительными конструкциями. Высота элементов этих сооружений начинает превышать человеческий рост, благодаря чему у человека в пределах памятника активизируется ощущение пребывания в особом *пространстве-артефакте*. У создателей появляется возможность «проектирования переживаний» не только для близких покойного, но и для любых посетителей. Рубикон монументализма перейден, это полноценная архитектура, а сам погребальный памятник стал *мемориалом*.

Исследования памятников поздней бронзы Монголии и сопредельных территорий дают возможность представить развитие мемориальной архитектуры этого времени лишь в общих чертах, конкретика от нас пока часто ускользает. Это, безусловно, одна большая общность, по всему ее ареалу используются схожие частные архитектурные решения и приемы, тенденция к монументализации мемориалов, судя по редкой еще серии дат, развивается в едином такте. Однако в ней ясно обозначаются две области, западно- и центрально-монгольская (Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2010. С. 107-108), в каждой из которых эти решения и тенденции накладываются на развивающуюся именно здесь основную, принципиальную структуру, модель, в основе которой явно лежит определенный фундаментальный образ. При этом сооружения, построенные по иной, преобладающей у соседей модели, появляются в каждой из этих областей – просто они не являются «генеральной линией».

Мемориальная архитектура в западно-монгольской области консервативна и развивается в рамках *радиально-концентрической* планировочной модели,

вообще присущей круглому степному кургану (рис. 1, 5-8, 15). В рамках монументализации погребальных памятников эта модель находит свое предельное выражение в херексурах с лучами. Внешнее кольцо, наглядно обозначает границу пространства мемориала, зону доминирования центрального сооружения в человеческом восприятии. Сходящиеся к этому сооружению лучи усиливают эффект. Нетрудно заметить принципиальную *статичность* этой архитектурной модели. Недаром здесь отсутствует четкий канон ориентировки и числа лучей, в ее рамках это неважно. Не выявляется канона расположения на мемориалах оленных камней (Ковалев *et al*, 2014. С. 50-51) – артефактов совершенно иной природы, векторной и динамичной. Распространение на каком-то этапе четырехугольных курганов с камнями по углам связано с влиянием восточных соседей и, возможно, совпадает по времени с появлением аналогичных сооружений в Минусинской котловине (Лазаретов, Поляков, 2008. С. 37-43). Существенно возникновение еще на ранних этапах архитектурной формы круглой платформы, огражденной крепидой, позднее эта форма отступает в тень, но блестяще возрождается впоследствии в курганах аржанского типа.

В архитектуре мемориалов Центральной Монголии (восток Хангая, верховья бассейна Селенги) (Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2007. С. 103-105) реализуется принципиально иная модель *восточной ориентации мемориала* (рис. 1, 9-14, 16). Этому принципу подчинено всё – расположение на склонах восточной экспозиции, трапециевидная ограда с фронтальной / фасадной стороной на востоке, дополнительные конструкции внутри ограды (небольшие «усы» или оформленный «проход» на восток от центральной насыпи), каменные курганчики-жертвенники с костями лошади с восточной стороны, установка стел и оленных камней высокой, «лицевой» стороной на восток. Последнее, вдобавок, создает *динамический* архитектурный образ памятника, изначально присущая курганному строительству центрическая, статичная модель размывается, а в

предельном случае (Суртийн дэнж, Жаргалант) – полностью исчезает, заменяясь платформами со стелами и оленными камнями.

Эта модель инновационна, сложна, принятие ее влечет целый ряд следствий. Множественные вертикальные акценты задают *ритм* объектов и пустот, у мемориала появляются не только фасад, но виды сбоку, сзади, в три четверти, правая и левая стороны, пространство внутри него обретает оси и перспективное раскрытие, а при уменьшении или исчезновении центральной насыпи само становится композиционным центром. Сложность структуры нуждается в выработке архитектурно-планировочного канона и мы видим этот канон в крупных престижных мемориалах.

Фундаментальное несходство мемориалов Западной и Центральной Монголии, очевидно, имеет в своей основе разную аранжировку представлений о посмертной судьбе человека. Заложённая в планировке мемориалов Хангая и Селенги архитектурная перспектива на восход, обращенность туда же лицевой гранью оленных камней, динамичность архитектурного образа, сотни жертвоприношений коней, размещенных перед основным сооружением в этом направлении, воплощают в этих памятниках идею «ухода», «путешествия за грань мира». Протагонисты мемориалов покидают Юдоль навсегда, поэтому в отсутствии погребения и сооружения над ним нет никакой беды, все равно они вместе со всеми своими аксессуарами означены оленными камнями. Центрально-монгольский мемориал – не «дом мертвых». Это «терминал», «космопорт». И рвущиеся ввысь олени на стоящих здесь камнях «монголо-забайкальского» типа подчеркивают и представляют суть этих памятников в масштабе одной стелы.

Этот архетипический для человеческой культуры комплекс идей именно в центрально-монгольской мемориальной архитектуре обрел законченное воплощение. Его обаяние побудило строителей мемориалов прочих культур возникающего скифского мира включить найденные решения в свои

архитектурные концепции. Так, на основе традиции круглых платформ и херексуров с лучами, возникают аржанские мемориалы, в которых высокая «западномонгольская» платформа окружена эллиптической зоной каменных колечек и дугами жертвенных курганчиков с востока и юго-востока (рис. 1; 17). Подобные структуры мы видим и в восточно-казахстанских памятниках. Олени же на «саяно-алтайских» камнях приобретают статичную позу, соответствующую местной архитектурной концепции.

Зато центрально-монгольская традиция имеет своеобразный, но, несомненно, в основе восходящий именно к ней извод – минусинский. Мемориалы тагарской культуры. Самый блистательный архитектурный феномен скифского мира (рис. 1, 18, 19).

Вадецкая et al, 2014 – Вадецкая Э. Б., Поляков А. В., Степанова Н. Ф. Свод памятников афанасьевской культуры. СПб. 2014.

Грач, 1980 – Грач А. Д. Древние кочевники в центре Азии. М. 1980.

Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2007 – Ковалев А. А., Эрдэнэбаатар Д. Две традиции использования оленных камней Монголии. // Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии. Барнаул. 2007. С. 99-105.

Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2010 – Ковалев А. А., Эрдэнэбаатар Д. Поздний бронзовый век и начало раннего железного века Монголии в свете открытий Международной Центрально-Азиатской археологической экспедиции. // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Материалы международной научной конференции. Улан-Удэ. 2010. С. 104-117.

Ковалев, 2012 – Ковалев А. А. Чемурчекский культурный феномен: история изучения, датировка, происхождение. // Чемурчекский культурный феномен: исследования последних лет. СПб. 2012. С.35-55.

Ковалев et al, 2014 – Ковалев А. А., Рукавишникова И. В. Эрдэнэбаатар Д. Оленные камни – это памятники-кенотафы // Древние и средневековые изваяния Центральной Азии. Барнаул. 2014. С. 41-54.

Кызласов, 1989 – Кызласов И. Л. Воплощения вселенной // Историко-астрономические исследования. Минувшее, современность, прогнозы. М. 1989. С. 193-212.

Лазаретов, 2012 – Лазаретов И. П. Окуневские курганы с диагональными кладками. Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. СПб. ИИМК РАН. 2012. С 220-224.

- Лазаретов, Поляков, 2008* – Лазаретов И. П., Поляков А. В. Хронология и периодизация комплексов эпохи поздней бронзы Южной Сибири. // Этнокультурные процессы в Верхнем Приобье и сопредельных регионах в конце эпохи поздней бронзы. Барнаул. 2008. С. 33-55.
- Поляков, 2010* – Поляков А. В. Поминальное сооружение окуневской культуры на озере Итколь. // Древние культуры Евразии. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения А. Н. Бернштама. СПб, 2010. С. 75-80.
- Седых, Марсадолов, 2009* – Седых В. Н., Марсадолов Л. С. О возможных прототипах тагарских бронзовых наверший // Теория и практика археологических исследований. Барнаул, 2009. С. 101-110.

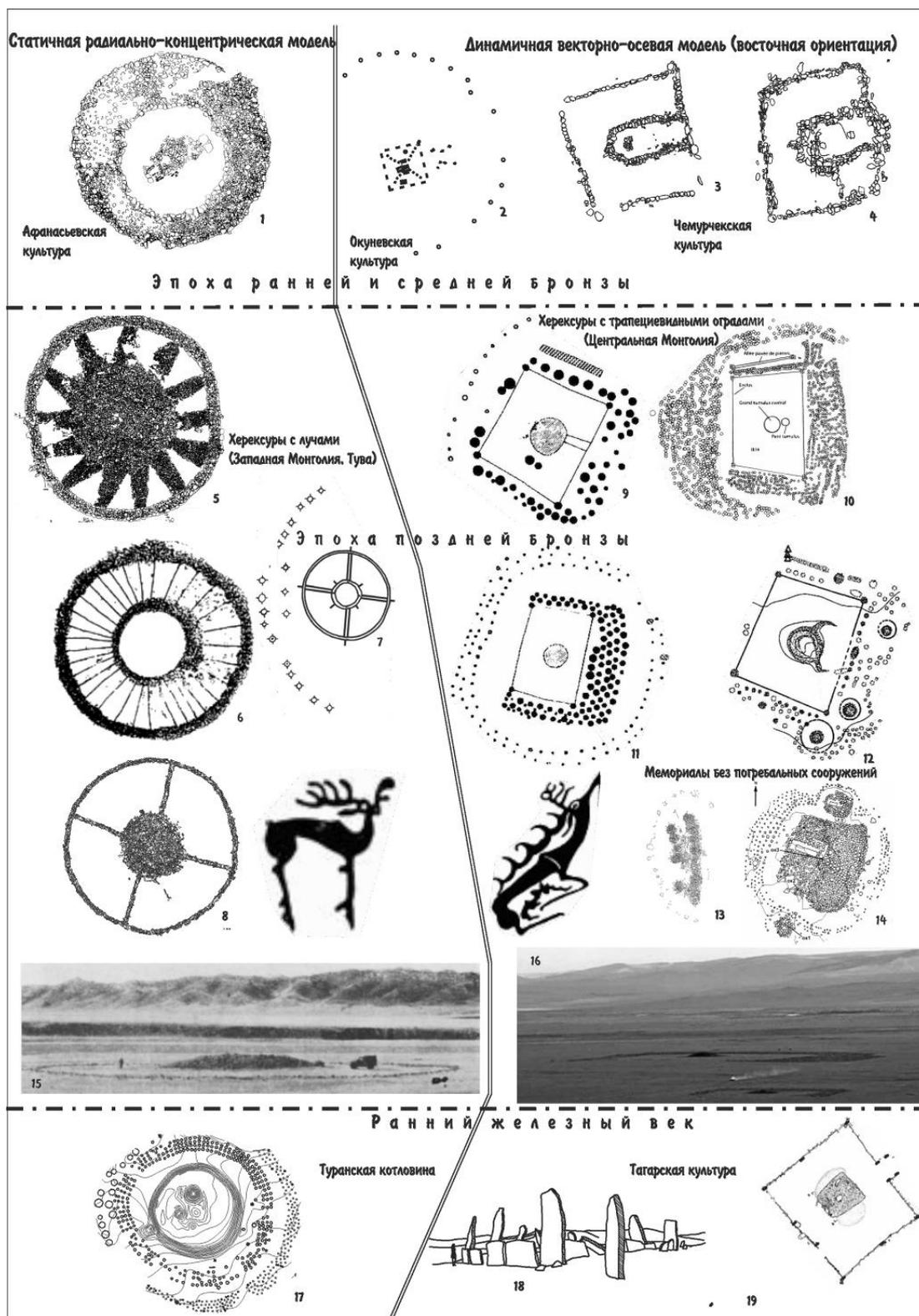

Рис. 1. Две модели организации пространства на мемориалах Центральной Азии. 1 – Восточное; 2 – Туим-кольцо; 3 – Айна-Булак; 4 – Ахтума; 5 – Хар Говь; 6, 15 – Улуг-Хорум; 7, 8 – Улаан худаг-1; 9, 11 – долина р. Хануй; 10 – Цацын Эрег; 12 – Ушкийн Увэр; 13 – Суртийн дэнж; 14 – Жаргалант; 16 – Урт Булагын; 17 – Аржанское поле; 18 – Онхаков; 19 – Тигей (по Вадецкая et al, 2014 (1), Кызласов, 1989 (2); Ковалев, 2012 (3,4), Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2010 (5), Грач 1980 (6, 15), Тишкин 2013 (7,8); Ковалев et al, 2014 (9-14); Седых, Марсадолов, 2009 (19), сетевой ресурс (16)). Север на планах вверх, масштаб разный.

С.Н. Астахов

**СТОЯНКА-МАСТЕРСКАЯ ПО ДОБЫЧЕ КВАРЦИТА АК-ДАШ
(БЕЛЫЙ КАМЕНЬ)**

Ключевые слова: стоянка-мастерская, кварцит, поздняя бронза, кенотаф

Тува – горная страна, богатая каменным сырьем разного вида доступности. Есть и удивительные объекты – как бы высунувшиеся из земли небольшие скалы. Одна такая скала (каменоломня) на левом берегу Улуг-Хема около дороги) Кызыл–Шагонар известна давно. При осмотре этой скалы у ее подножия собрано много сколов, есть и орудия.

Создание Саяно-Тувинской экспедиции стало началом сплошного обследования зоны затопления СШГЭС. В 1965 г на правом берегу р.Улуг-Хем, восточнее р.Эйлиг-Хем в урочище Биче-Оймак, около небольшой скалы было найдено много отщепов и обломков белого кварцита. Они были сколоты с этого гигантского нуклеуса. Размер скалы 8x5 м в плане и метра 4 в высоту (рис. 1).

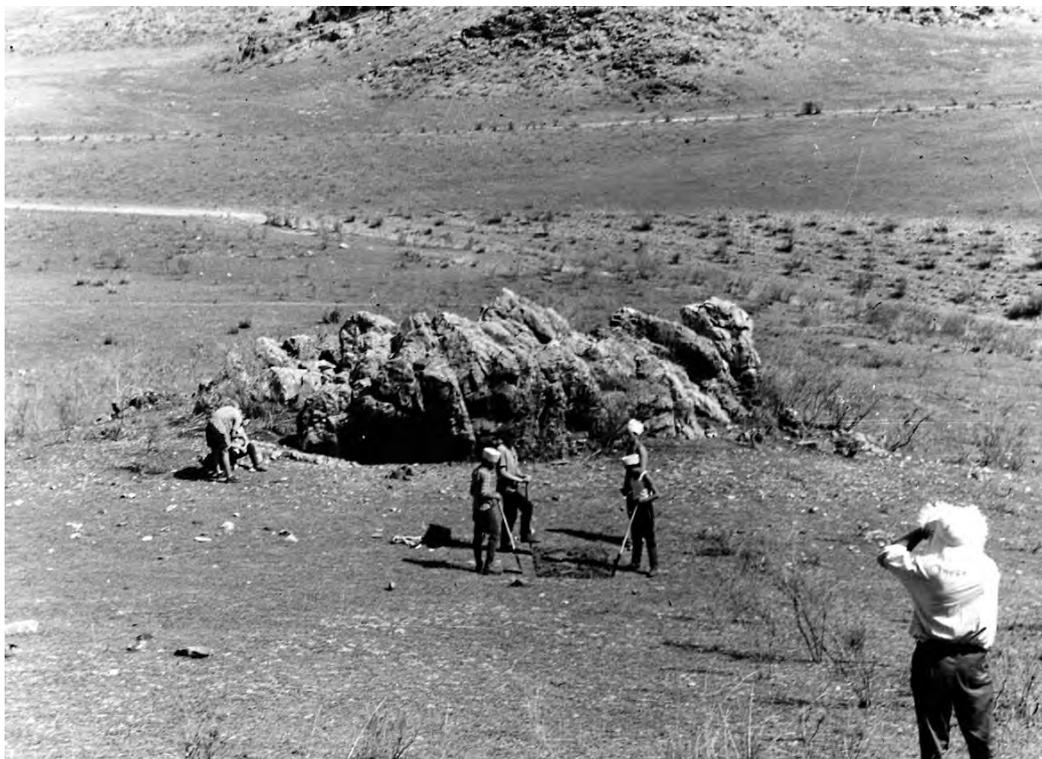

Рис. 1. Общий вид с юга скалы Ак-Даш

Поскольку мой отряд был «палеолитический», начальник экспедиции А.Д. Грач поручил мне заняться этим объектом (Грач, 1966. С.22; Астахов, 1966.

С.24-25). У подножья этой скалы, с южной стороны, почва была усыпана осколками и отщепами. С восточной стороны находок было меньше, к западу они постепенно убывают, но еще встречались на расстоянии метров до 200, а к северу они были единичны. К югу от скалы был заложен шурф 1х2 м, ориентированный по С-Ю. Сразу же под почвой на глубине 0,20 м, в песке был найден обломок керамики, с двумя ямками. Ниже, до 0.6 м, попадались обломки лощеной керамики, венчик слабо отогнутый, еще глубже подвеска из бронзы в виде клыка кабарги и обломок глиняной формы ножа с вогнутом сечением. Очень много отщепов кварцита залегало с самого верха до глубины 1м. Когда выяснилось, что основные находки относятся к поздним периодам, было решено углубить шурф и протянуть его до скалы и там расширить до 2 м. Квадраты 1х1 м небольшого раскопа с юга на север названы буквами Е-Л, а с запада на восток цифрами 21-22 (рис. 2).

Первый слой – от поверхности до 0,15 м. Представляет коричневую супесь, насыщенную массой обломков, среди которых попадаются простые удлиненные отщепы и несколько обломков керамики (рис. 3).

Второй слой – 0,15-0,30 м. Светло-палевая супесь, почти песок, с немногочисленной мелкой галькой. Отщепов в слое немного, а у скалы их нет.

Третий слой – серо-желтый песок. На квадратах у скалы слой начинается сразу под почвой, а южнее он залегает с глубины 25-30 см. Слой выделяется с трудом. Находки те же, что и во втором – отщепы, обломки. Не кв. Е-21 лежали два обломка косточки, там же, на глубине 0,35 м – угольки. На квадратах у скалы на глубине 0,27 м (И,К-21,22) была найдена выкладка из плит размером 70х80 см. Между плитами несколько – обломков кварцита. Ниже верхнего яруса шли еще выкладки из плит до глубины 0,77 м.

Четвертый слой – мелкая галька в песке. Начинается с глубины у скалы 0,30 м, поверхность его к югу постепенно опускается. Он содержит те же находки, что и третий – отщепы, фрагменты керамики.

Пятый слой не так однороден, как лежащие выше. На квадратах у скалы он представлен линзами желтой супесью, между которыми включена галька, на квадратах Е-21,22 ее довольно много. Ниже этой супеси и гальки идет песок, на нем на квадратах И,К-21,22 выложено основание выкладки из 6 крупных плоских камней (рис.3). Форма основания – почти четырехугольная, размером 90 (В-З)х80(С-Ю) см. Под западной стороной выкладки ниже камня был истлевший череп не крупного жвачного животного (баран?). В этом же слое у восточной стены на глубине 0,8 м лежала разложившаяся половина нижней челюсти такого же животного. Ниже выкладки, в песке, были найдены только два валунчика. В слое – немногочисленные отщепы, фрагменты керамики, угольки, кусок истлевшей древесины (рис.2,3).

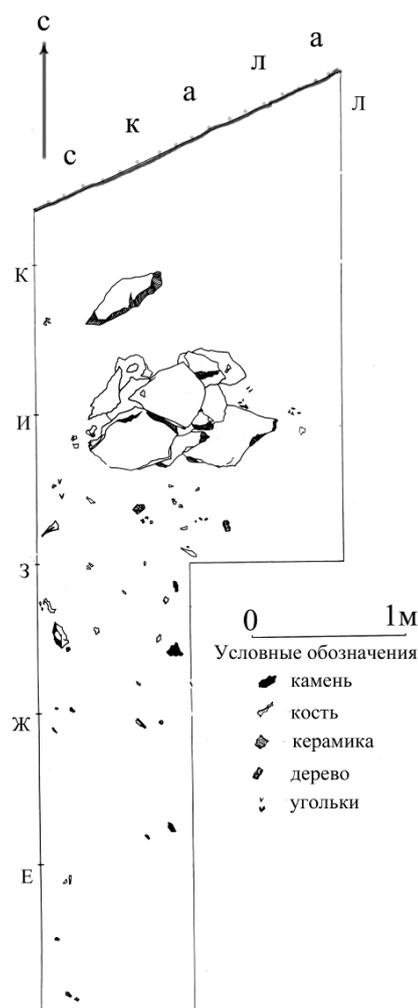

Рис. 2. План нижнего слоя стоянки-мастерской.

Мощности слоев несколько меняются в разных местах раскопа. С пятого слоя на площади квадратов К, Л-21,22 был прокопан шурф до глубины 3 м. Получен следующий разрез: от 1,00 м до 2,70 м – песок слоистый. Слои падают то по, то против современного склона; 2,70-3,00 м – суглинок серо-зеленый, плотный, с обломками выветрившейся зеленой породы. 3,00 м и ниже – песок.

Рис. 3. Фото нижнего яруса выкладки и западной стенки раскопа

Датировка кварцитового инвентаря слоев пока затруднительна. Он был передан для исследования другому специалисту по более поздней эпохе. Результат мне неизвестен. А.Д. Грач отнес эту первую стоянку-мастерскую к эпохе бронзы (*Грач, 1966. С. 22*) Каменный инвентарь в целом однороден, керамика встречена трех типов – очень тонкая, плотная, без орнамента, а её фрагменты так малы, что трудно определить форму сосуда, есть гладкая плотная керамика, слегка лощеная, красноватая, с насечками на венчике, и грубая с "жемчужинами" под слабо отогнутым и украшенным защипами венчиком. Литейная форма от ножа, подвеска в виде клыка кабарги и развитые типы

керамики позволяют датировать стоянку-мастерскую, во всяком случае, ее верхние слои, концом бронзового времени.

Но есть один примечательный объект – это кладка в несколько ярусов из плит с черепом (головой), барана под ней, угольками, отщепами кварцита, небольшим валуном, похожим на отбойник – интересный набор, как сопроводительный инвентарь погребенному. Можно ли допустить, что это сооружение кенотаф? Характерно само примечательное место, явно известное всем много лет, даже теперь оно привлекает внимание. Если это кенотаф, то нижний слой можно отнести к позднему неолиту, по аналогии с первым слоем Тоора-Даш, который в свое время я видел.

По словам местного жителя-тувинца, ломку кварцита на кресала производили еще 50-100 лет назад. В период низкой воды скала доступна для исследования.

Астахов, 1966 - Астахов С.Н. Изучение памятников каменного века в долине Енисея. М., 1966 - С. 24-25.

Грач, 1966 - Грач А.Д. Работы в зоне водохранилища Саяно-Шушенской ГЭС. М., 1966- С. 24-25.

Н.А.Боковенко

КУЛЬТУРЫ САЯНО-АЛТАЯ В НАЧАЛЕ I ТЫС. ДО Н.Э.

Ключевые слова: Алтай, Тува, Хакасско-Минусинские котловины, сако-скифское время, тагарская, алды-бельская, уюкская, Майэмир, Аржан-1

Саяно-Алтай – представляет собой горно-степную страну с многочисленными реками и озерами, а также разнообразными полезными ископаемыми (медь, олово, золото, серебро и т.п.), что привело к появлению и развитию здесь различных культур начиная с палеолита. Эта особенность региона, способствовала развитию технологий металлообработки и совершенствованию различных орудий. А уникальный набор растительного и животного мира стимулировал создание наиболее удобных систем экономики у древних обществ, связанные, прежде всего, со скотоводством, которые развивались и совершенствовались в зависимости от климатических изменений в различные исторические периоды.

В конце II – начале I тыс. до н.э. закономерный переход пастушеских племен к новому хозяйственно-культурному типу – кочевому скотоводству, и формирование схожих культур сако-скифского облика были обусловлены рядом причин природного и социально-экономического характера.

Усилиями многих ученых, исследовавших этот регион, после обобщения огромного материала были созданы периодизации археологических культур, которые традиционно локализуются по трем регионам Саяно-Алтая: Хакасско-Минусинские степи, Алтай и Тува.

Происхождение тагарской культуры сако-скифского типа исследователями трактуется не однозначно. В основном, выдвигаются две точки зрения: 1/ традиционная (С.А.Теплоухов, М.П.Грязнов, С.В.Кисилев, Г.А.Максименков и др.), связывающая происхождение тагарской культуры от предшествующей карасукской культуры; 2/ поликультурная (Н.Л.Членова), по которой, в карасукскую эпоху одновременно существовали две культуры, а в

раннескифское время (VIII-VII вв. до н.э.) – еще четыре культурные группы. Эта схема развития древних культур Минусинской котловины вызвала обоснованную критику со стороны исследователей. Также, в раннетагарских памятниках прослеживаются элементы, генетически связанные с западными районами и позволяющие усматривать казахстано-среднеазиатский импульс культурных инноваций на Среднем Енисее в первой половине I тыс. до н.э. (Н.Л.Членова, М.Л.Подольский, Н.А.Боковенко).

Новые исследования памятников конца эпохи бронзы в этом регионе в основном подтверждают традиционную периодизацию культурных пластов (карасукский – каменоложский – баиновский), с другой стороны, новые радиоуглеродные даты памятников создают предпосылки для пересмотра хронологических рамок некоторых этапов (П.Е.Паульс, Н.Ю.Кузьмин, И.П.Лазаретов, А.В.Поляков, Н.А.Боковенко и др.) и удревнения тагарской культуры до IX-X вв. до н.э. (Алексеев, Боковенко, Васильев и др., 2005).

Аналогичная ситуация наблюдается и на Алтае: первоначальные периодизации М.П.Грязнова уточняются и в связи с появлением новых памятников (типа Курту II) вычленяется куртуский этап (VIII–VII вв. до н.э.) и затем майэмирский (VII–VI вв. до н.э.) (Грязнов, 1992).

В.А. Могильников (1997) предложил несколько иную периодизацию раннескифских памятников Алтая: майэмирская культура (куртуский этап – VIII–VII вв. до н.э.; карбанский этап – VII – первая половина или начало VI в. до н.э.). Л.С. Марсадолов (2000) выделял на этом же материале два этапа: VIII–VII и VI–III вв. до н.э.

Систематизировав весь доступный материал, ряд исследователей предложили следующую культурно-хронологическую схему для скифской эпохи Алтая (Суразаков, 1989; Тишкин, 2007). Аржано-майэмирское время – бийкенская культура, которая делится на три последовательных этапа: куртуский (IX – первая половина VIII в. до н.э.), семисартский (VIII – первая

половина VII в. до н.э.), бойтыгемский (вторая половина VII – третья четверть VI в. до н.э.).

Археологические материалы скифской эпохи Тувы позволили Л.Р.Кызласову (1958) выделить уюкскую культуру (VII-III вв. до н.э.), а С.И.Вайнштейну (1958) – казылганскую культуру. Оба автора отмечали несомненное сходство выделенных ими культур с культурами скифского типа Центральной Азии и Казахстана.

С 1965 года А.Д.Грачом проводились широкомасштабные исследования Саяно-Тувинской экспедиции ЛОИА АН СССР (ИИМК РАН), которые дали возможность уточнить и обосновать некоторые вопросы хронологии скифского времени. А.Д.Грач выделил памятники предскифского периода (Грач, 1971) и выдвинул гипотезу о существовании в Туве не единой уюкской (казылганской) культуры скифского типа, а двух последовательно сменяющих друг друга: алды-бельской (VII-VI вв. до н.э.) и саглынской (V-III вв. до н.э.). Алды-бельская культура, по его мнению, обнаруживает большое сходство с тасмолинской культурой Казахстана и майэмирскими памятниками Алтая. Раскопки Аржана-1, а также новых скифских памятников Тувы позволили А.Д.Грачу (1975), вслед за М.П.Грязновым, начало скифской эпохи отнести к VIII в. до н.э., считая Аржан царским курганом начального этапа алды-бельской культуры. Позже, А.Д.Грач (1980; 1983) выделил в алды-бельской культуре два этапа: аржанский (VIII-VII вв. до н.э.) и усть-хемчикский (VII-VI вв. до н.э.).

М.Х.Маннай-оол (1970) лишь уточнил периодизацию уюкской культуры Л.Р.Кызласова и вслед за ним, к начальному этапу относит захоронения на древнем горизонте в цистах. Вл.А.Семенов и К.В. Чугунов также часть цистовых захоронений монгун-тайгинского типа отнесли к эпохе ранних кочевников (Семенов Вл., 1990; Он же, 1997; Чугунов, 1994). Но различия в устройстве погребальных сооружений и антропологических типов в уюкской культуре

позволили М.Х.Маннай-оолу говорить о многоэтничности населения Тувы в скифское время, некоторые группы которого связаны с Монголией.

Захоронения на горизонте в цистах относят либо к первому этапу уюкской культуры (Л.Р.Кызласов, М.Х.Маннай-оол), либо к предшествующему, монгун-тайгинскому времени (А.Д.Грач).

Современные исследования полностью подтверждают отнесение Л.Р.Кызласовым захоронений на горизонте к раннескифскому времени и возможном приходе их с запада (Казахстана). Так, автором данной работы, в Усинской долине обнаружен комплекс Баданка IV (VIII –IX вв. до н.э.), где погребенный со взнузданным конем лежал на древнем горизонте в круглой каменной ограде (Боковенко, 1995).

Уточняется периодизация эпохи бронзы, исследуются новые скифские памятники и публикуются уже раскопанные. Так, Д.Г.Савинов считает, что, помимо Аржана и памятников аржанского типа, которые ещё предстоит выделить в самостоятельную культуру, существовало три больших археологических культуры (или общности): алды-бельская, саглынская и кокзельская (Савинов, 2002). Раскопки курган Аржан-2 (середина – вторая половина VII в. до н.э.) заполнили лакуну элитных погребений после Аржана-1 (Чугунов, Наглер, Парцингер, 2002; Чугунов, 2004), а материалы которого позволили синхронизовать его с памятниками сарагашенского этапа тагарской культуры Среднего Енисея (Чугунов, 2013).

В процессе изучения скифского материала у исследователей возникли ряд спорных моментов: 1 – об отнесении памятников монгун-тайгинского типа к эпохе бронзы или скифскому времени, 2 – о датировке Аржана-1 рубежом IX-VIII в. до н.э. (М.П.Грязнов, А.М.Мандельштам, Ю.А.Заднепровский и др.) или VII-VI вв. до н.э. (Л.Р.Кызласов, Н.Л.Членова), 3 – о монокультурности (Л.Р.Кызласов, С.И.Вайнштейн, М.Х.Маннай-оол, А.М.Мандельштам) или

поликультурности (А.Д.Грач, Д.Г.Савинов, Вл.А.Семенов, К.В.Чугунов) памятников скифского времени.

Таким образом, выявляются различные связи культур Саяно-Алтая раннескифского времени с культурами Казахстана, Средней Азией и Монголией.

По новым археологическим данным регион Казахского Алтая в процессе формирования раннесакской культуры приобретает одно из доминирующих положений. Кроме уже выявленных памятников в районе Майэмира, Солонечного Белка и др., в последнее время, исследуются элитные памятники VIII в. до н.э. в урочище Элике Сазы, где по морфологическим признакам эти памятники близки Аржану-1 и Аржану-2 в Туве. Тем более что в эпоху поздней бронзы в Казахстане фиксируются мощные металлургические центры и центры металлообработки, что нигде на остальных территориях не наблюдается.

Алексеев, Боковенко, Васильев и др., 2005 – Алексеев А.Ю., Боковенко Н.А., Васильев С.С., Дергачев В.А., Зайцева Г.И., Ковалюх Н.Н., Кук Г., Ван дер Плихт Х., Посснерт Г., Семенов А.А., Скотт Е.М., Чугунов К.В. Евразия в скифскую эпоху. Радиоуглеродная и археологическая хронология. СПб.: Теза. 2005.

Боковенко, 2005 – Боковенко Н.А. Новый памятник аржанского этапа в центре Азии // Южная Сибирь в древности. СПб. 1995.

Грач, 1971 – Грач А.Д. Новые данные о древней истории Тувы // УЗ ТНИИЯЛИ. Вып.15. Кызыл. 1971.

Грач, 1975 – Грач А.Д., Алды-Бельская культура раннескифского времени в Туве // Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий. Новосибирск. 1975.

Грач, 1980 – Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. М.: Наука, 1980.

Грач, 1983 – Грач А.Д. Историко-культурная общность раннескифского времени в Центральной Азии // АС ГЭ. Вып.25. Л. 1983.

Грязнов, 1992 – Алтай и приалтайская степь // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Серия: Археология СССР. Т. 10. М.: Наука. 1992.

Савинов, 2002 – Савинов Д.Г. Ранние кочевники Верхнего Енисея. Археологические культуры и культурогенез. // СПб: СПбГУ. 2002.

Семенов, 1990 – Семенов Вл. А. Улуг-Хорум и Аржан (к интерпретации модели мира древних кочевников Тувы) // Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири. Томск, 1990.

- Семенов Вл., 1997* – Семенов Вл.А. Монгун-Тайга. СПб. 1997.
- Суразаков, 1989* – Суразаков Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа. Проблемы хронологии и культурного разграничения. Горно-Алтайск, 1989.
- Тишкин, 2007* – Тишкин А.А. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. Барнаул. 2007.
- Чугунов, 1994* – Чугунов К.В. Монгун-тайгинская культура эпохи поздней бронзы Тувы (типологическая классификация погребального обряда и относительная хронология) \ \ Петербургский археологический вестник. Вып. 8. СПб, 1994.
- Чугунов, 2013* – Чугунов К.В. Актуальные проблемы хронологии памятников эпохи ранних кочевников Центральной Азии и Сибири // Вестник ТГУ. История. №2 (22). Томск. 2013.
- Чугунов, Наглер, Парцингер, 2002* – Чугунов К.В., Наглер А., Парцингер Г. Элитное погребение эпохи ранних кочевников в Туве (предварительная публикация полевых исследований российско-германской экспедиции в 2001 году) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2. 2002.

А.П. Бородовский, Ю.В. Оборин

КЛАДЫ И ТАЙНИКИ СРЕДНЕГО ЕНИСЕЯ ХУННО-СЯНЬБИЙСКОГО ВРЕМЕНИ

Ключевые слова: Средний Енисей, клад, тайник, хунно-сяньбинское время

Клады хунно-сяньбийского времени Среднего Енисея, включая территории Республики Хакасия и юга Красноярского края, отличаются не только многочисленностью, но и различием вариантов. Эти предметные комплексы расположены в: Назаровской котловине (Касангольский клад, Шарыповский клад), Чулымско–Енисейской котловине (Первый Джиримский клад, Второй Джиримский клад/тайник, Ширинский клад/тайник) и Минусинской котловине – (Аскыровский клад, Потрошиловский клад, Первый Уйбатский клад, Второй Уйбатский клад/тайник, Сагархайский клад/тайник, клад с острова Гладкий, Аскизский клад/тайник, Второй Джиримский клад/тайник, Шунерский клад, Лугавский клад, Усть–Камыштинский клад/тайник) (рис. 1). Территориальная «плотность» размещения этих археологических объектов существенно падает с юга на север региона. Дальнейшая пространственная систематизация расположения кладов и тайников Среднего Енисея с железными инструментами возможна так же в рамках двух контекстов: гидрографического и орографического. Исходя из этих критериев с территориальной точки зрения, клады и тайники Среднего Енисея хунно–сяньбийского времени можно разделить на две группы. Клады и тайники, связанные с гидрографическим характером залегания: Аскыровский клад, клад с острова Гладкий, Шарыповский клад, 2 Ширинский клад, Лугавский клад, Шунерский клад (рис. 1, 1, 7, 8, 10, 13, 14). Клады и тайники, связанные с орографическим характером залегания: Касангольский клад, Сагархайский клад, Уйбатский клад, Усть–Камыштинский клад, Первый и Второй Аскизский и Джиримский клад (рис. 1, 3–6, 9–12).

Предметный комплекс «тагарских бронз» в кладах Среднего Енисея

состоит из нескольких разновидностей бронзовых изделий (котлы, навершия, зеркала с кнопчатой рукоятью на четырех ножках, подквадратные поясные обоймы с прорезями, конические пронизи). Наиболее часто встречаемой комбинацией таких предметов, является сочетание зеркал с кнопчатыми рукоятями на четырех ножках, подквадратных поясных обоймы с прорезями, и конических пронизей, представленной в материалах нескольких кладов (Июсского, Шарыповского, Первого Уйбатского, Саяногорского). В составе этих вещевых комплексов, могут отсутствовать или присутствовать различные железные предметы, включая различные подборки инструментов. Наряду с этим, следует подчеркнуть, что по отдельности – зеркала (Первый Джиримский клад, Лугавский клад) и конические пронизи (Аскыровский клад) встречаются еще в нескольких собраниях не только на Среднем Енисее, но и на сопредельных территориях. Например, в таежном Притомье (Бурбинский клад).

Другим значительным массивом предметов, входящих в собрание целого ряда кладов Среднего Енисея являются «хуннские бронзы». Среди этих вещей – разнообразные пряжки с неподвижным язычком, пластины с противостоящими быками (яками), фрагменты пластин со змеями, и решетчатым орнаментом, пластины с драконом, пластина со стоящим хищником, с повернутой назад головой, пряжка с головой быка, ложечковидные подвески, скобкообразные подвески и полусферические пуговицы, многочисленные кольца, «перьевидные» подвески и обломки металлических котлов хуннского типа.

По наличию и повторяемости комплектов железных инструментов (различных топоров – часто парных, пешней, кирок, тесел и др.) для Среднего Енисея можно выделить целую группу не больших (тайников) и значительных по количеству предметов кладов. Среди этих комплексов можно назвать клад из Усть–Камыштинский клад (2 экз.), Ширинский клад (у п. Жемчужного) (2 экз.), Второй Уйбатский клад (2 экз.), Аскизский клад (2 экз.), клад с острова Гладкий (6 экз.), Касангольский клад (6 экз.), Сагархайский клад (5 экз.), Второй

Джиримский клад (4 экз.), Шарыповский клад (2 экз.), Аскыровский клад (11 экз.), Лугавский клад (5 экз.). Необходимо отметить, что в состав этих кладов входит не только различное количество предметов (от двух экземпляров орудий до одного десятка инструментов), но и характерно сочетание нескольких комплектов изделий. Во-первых, наличие парных комплектов проушных топоров (Аскыровский, Ширинский клады и клад с острова Гладкий). Во-вторых, комплектация топоров пешневидными орудиями (Сагархайский, Касангольский, Джиримский, Усть-Камыштинский клады). В-третьих, сочетание находок проушных железных топоров с молотами, тятками (заступами), теслами и бородками (желобчатыми инструментами) (Касангольский, Шарыповский, Лугавский, Второй Уйбатский клады и клад с острова Гладкий). Таким образом, для этой группы кладов характерна как взаимовстречаемость различных инструментов, так и разные варианты их комплектации.

На основании этого можно сделать ряд выводов: 1) полный комплект инструментов мог состоять из одной или нескольких пар топоров, пешней, тятки, молота, тесла и желобчатой стамески (бородка); 2) комплекты таких инструментов в различных вариантах сочетания, представлены, как в тайниках, так и значительных по количеству вещевых кладах имеющих или не имеющих своих вместилища; 3) присутствие этих предметов в кладах, как наиболее поздних изделий позволяет синхронизировать эти вещевые комплексы. Следует отметить, что наличие сочетания рубящих и пешневидных орудий представлено уже с раннего тагарского времени. В частности, это представлено в вещевых комплексах Первого и Второго Терских кладов. Признаки преемственности можно вывить и на уровне морфологии конкретных предметов, например, пешней. Форма этих инструментов практически не изменилась на протяжении очень длительного промежутка времени (от периодов развития тагарской культуры к хуннскому времени за исключением материала для их изготовления -

от меди до железа). При этом особенно важно, что на территории Среднего Енисея представлена группа кладов хунно-сяньбийского времени, в которую не входили эти инструменты. Среди них: Июсский клад, клад у аала Сапогов, клад у п. Красный Июс, Идринский клад. Такие особенности явно связаны как со специализацией, так и хронологической особенностью упомянутых кладов.

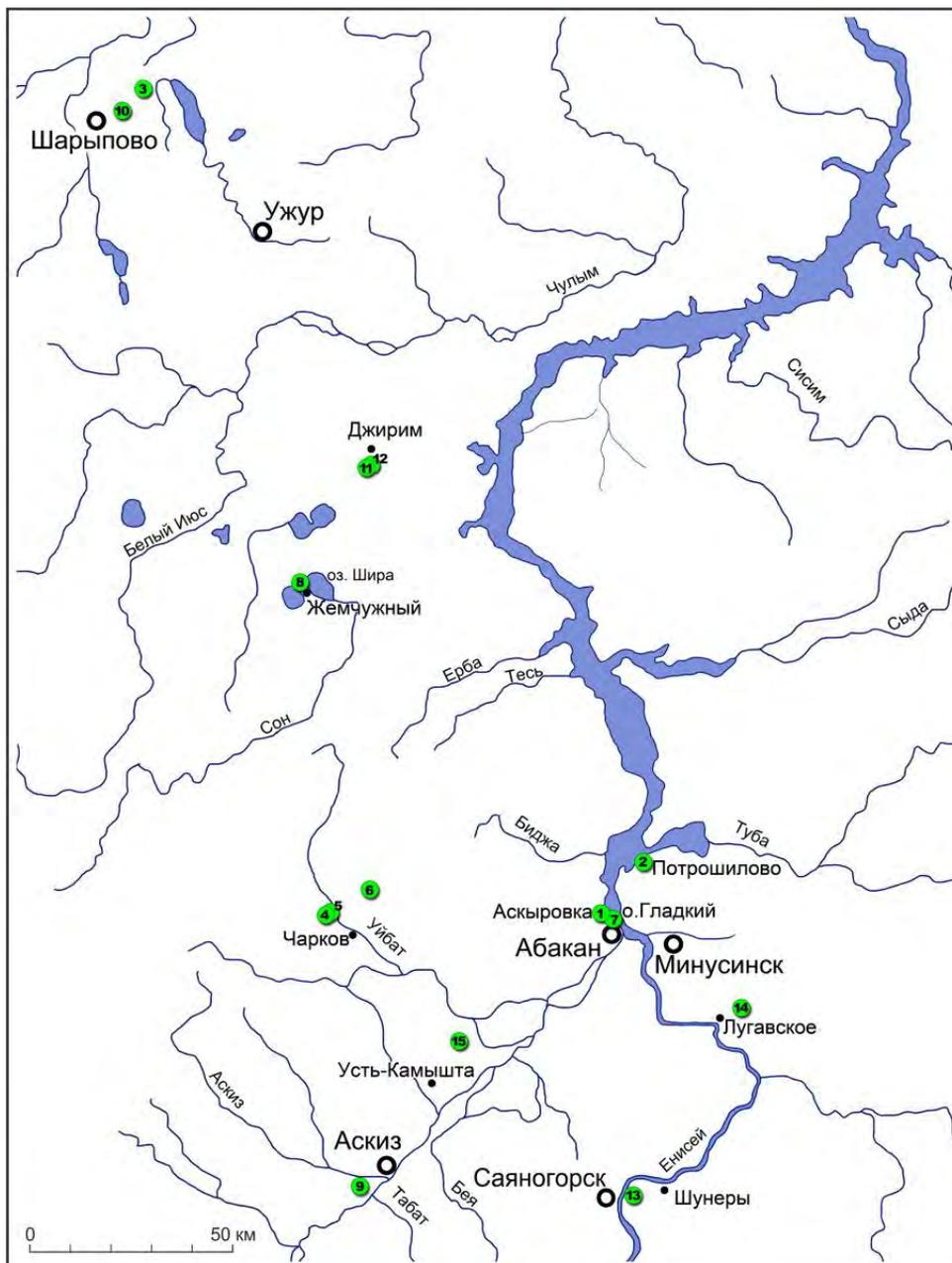

Рис. 1. Картография кладов Среднего Енисея с железными предметами. 1 – Аскыровский клад (п. Аскыровка, Усть-Абаканский район Хакасии); 2 – Потрошиловский клад (с. Потрошилово, Минусинский район Красноярского края); 3 – Касангольский клад (д. Касанголь, Шарыповский район, Красноярский край); 4 – Первый Уйбатский клад (Усть-Абаканский район, Республика Хакасия); 5 – Второй Уйбатский клад-тайник (Усть-Абаканский район, Республика Хакасия); 6 – Сагархайский клад-тайник (г. Сагархая, Усть-Абаканский район, Республика Хакасия); 7 – Клад с острова Гладкий (Усть-Абаканский район, Республика Хакасия); 8 – Ширинский клад-тайник (пос. Жемчужный, Ширинский район, Республика Хакасия); 9 – Аскизский клад-тайник (ст. Аскиз, Аскизский район Республика Хакасия); 10 – Шарыповский клад (г. Шарыпово Шарыповского района Красноярского края); 11 – Первый Джиримский клад (д. Джирим, Ширинский район, Республика Хакасия); 12 – Второй Джиримский клад-тайник (д. Джирим, Ширинский район, Республика Хакасия); 13 – Шунерский клад (с. Шунеры, Минусинский район, Красноярский край); 14 – Лугавский клад (с. Лугавское, Минусинский район, Красноярский край); 15 – Усть-Камыштинский клад-тайник (с. Усть-Камышта, Аскизский район, Республика Хакасия).

В.С. Бусова

ПО СЛЕДАМ А.Д. ГРАЧА В ДОЛИНЕ САГЛЫ

Ключевые слова: Тува, Убсу-Нурская котловина, Саглынская долина, курганы, разведка

В 1950-60-ые гг. I археологическим отрядом Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции Института Этнографии Академии Наук СССР под фактическим начальством А.Д. Грача (начальник экспедиции профессор Л.П. Потапов) были проведены разведки, а затем и полномасштабные полевые исследования на юго-западе Тувы в Овюрском районе. В 70-ые гг. XX века раскопки были продолжены Александром Даниловичем в составе Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. В числе ряда обследованных долин (Боора-Шай, Хорумнуг-Ой и т.д.) на маршруте от Хандагайты в Западную Туву наиболее перспективной для дальнейших раскопок за счет своей насыщенности памятниками разных эпох оказалась Саглынская долина, раскинувшаяся между перевалами Арзайты и Колчан внутри двух горных систем Танну-Ола и Цаган-Шибэту (*Грач, 1957*). Результаты работы экспедиции А.Д. Грача были представлены в ряде статей и докладов (*Грач, 1954; 1955; 1958; 1967; 1975*), а в 1980 году вышла полноценная монография (*Грач, 1980*).

Все публикации и отчёты А.Д. Грача сопровождались качественными рисунками и фотографиями, но даже при такой подробной документации неопубликованными оказались генеральные планы большинства исследованных могильников – в книге «Древние кочевники в центре Азии» представлены только Саглы-Бажи VI и Улуг-Хорум (*Грач, 1980: 182*). В 2018 году отдельным отрядом Тувинской археологической экспедиции ИИМК РАН была предпринята разведка в Саглынской долине для уточнения местонахождения уже частично изученных памятников и мониторинга их современного состояния. В результате чего, был собран материал для постановки на охрану, тех могильников, которые

ранее на ней не стояли и были найдены новые погребальные комплексы I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.

Генеральный план Саглынской долины с выявленными могильниками не был опубликован, но о его существовании упоминается в отчёте за полевой сезон 1960 года (Грач, 1961). В последующих отчетах вся нумерация давалась по этому плану, а географические привязки имели достаточно пространственный характер, с учётом того, что топонимические названия с тех пор в ряде случаев изменились (Грач, 1961; 1962). В результате, наша разведка носила ознакомительный характер и была похожа на детективное расследование об археологии археологических экспедиций. Необходимость создания нового генерального плана для этой долины стала очевидной.

С помощью спутниковых карт в программе Qgis были предварительно намечены маршруты и обозначены примерные места раскопанных курганов. В течении трёх дней удалось объехать все описанные А.Д. Грачом раскопанные объекты и подтвердить их местоположение (взять gps-координаты): начиная от перевала Арзайты в самой западной части долины – могильники Саглы-Бажи II, I, III, Саглы-Бажи IV и VI, Кюзленги I и Улуг-Хорум. Были выявлены новые могильники на берегу реки Теректиг и на северном склоне горы Шомогду-Ула. В последний день работы велись вблизи села Саглы (в прошлом Кызыл-Тей) и почти на границе с Монголией: могильники Даган-Тэли I, Дужерлиг-Ховузу I и далее за самим селом на левом берегу реки Орта-Халыын, где раскинулось гигантское могильное поле эпохи бронзы длиной в несколько километров.

С помощью металлодетектора в отвалах курганов Саглы-Бажи I, к. 3 и Дужерлиг-Ховузу I, к. 1 были найдены два наконечника стрел из медного сплава и железный пластинчатый нож в к. 1, Даган-Тэли I.

Наиболее интересным оказалось горное плато высотой 1970-2000 метров над уровнем моря, на котором расположен могильник Даган-Тэли I. Здесь экспедицией А.Д. Грача, начиная с 1975 года, были раскопаны 4 кургана

саглынской культуры с мерзлой линзой и нанесены на план другие объекты на этом могильнике (выкладки и курган). Интересно, что на этом могильном поле прослеживаются цепочки западин, ориентированные по сторонам света, без каких-либо наземных каменных конструкций. В перспективе представляется возможным уточнение границ могильника с помощью методов малоглубинной разведочной геофизики (электроразведка, магниторазведка, георадиолокация), дальнейшие раскопки с применением современных технологий консервации изделий из органических материалов и доисследование межкурганного пространства ранее изученных объектов.

Грач, 1954 – Грач А.Д. Обследование археологических памятников Западной Тувы // УЗ ТНИИЯЛИ. 1954. Вып. II. С. 155-168.

Грач, 1955 – Грач А.Д. Археологические исследования в Западной Туве // Краткие сообщения Института этнографии. Вып. 23. М.-Л. 1955

Грач, 1958 – Первый сезон полевой работы Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции // Тезисы докладов на сессии Учёного совета ИЭ АН СССР, посвящённой итогам экспедиционных исследований 1957 г. 1958. С. 6-9 (в соавторстве с Л.П. Потаповым)

Грач, 1967 – Могильник Саглы-Бажи II и вопросы археологии Тувы скифского времени // СА. 1967. №3. С. 215-233.

Грач, 1975 – Новые исследования в Саглынской долине // АО 1975 г. М., 1976. С. 228-230.

Грач, 1980 – Грач А.Д. Вопросы изучения петроглифов Тувы // Новейшие исследования по археологии Тувы и этногенезу тувинцев. Кызыл, 1980. С. 119-130.

Архивные материалы

Грач, 1957 – Грач А.Д. Археологические исследования в Западной Туве. 1953–1955 гг. // Архив ИА. Ф-1. Р-1. № 1372. 81 л.

Грач, 1961 – Грач А. Д. Отчет о полевых исследованиях, проведенных в 1960 г. Первым археологическим отрядом Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции Института этнографии Академии наук СССР. // Архив ИА. Ф-1. Р-1. № 2158. 112 л.

Грач, 1962 – Грач А. Д. Отчет о полевых исследованиях, проведенных Первым археологическим отрядом Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции ИЭ АН СССР в 1961 г. // Архив ИА. Ф-1. Р-1. № 2382. 70 л.

А. В. Варенов

ДЕМОНИЧЕСКИЕ ПСЫ ОЛЕННЫХ КАМНЕЙ МОНГОЛИИ
И ИХ КИТАЙСКИЕ СООТВЕТСТВИЯ

Ключевые слова: Оленные камни, фантастические хищники, наскальные изображения, неолитическая крашенная керамика, семантика.

В верхней части оленного камня № 15 из Ушкийн-Увэра, что в Хубсугульском аймаке МНР, выбита сцена с двумя похожими на крупных собак пятнистыми хищниками, съедающими коня (рис. 1, 3). В.В.Волков и Э.А.Новгородова, первооткрыватели памятника, описали ее как «сцену с кошачьими хищниками, съедающими коня» (Волков, Новгородова, 1975. С. 81). На оленном камне № 4 из этого же памятника (рис. 2, 1) изображена стая из пяти подобных зверей, преследующих лошадь (рис. 2, 2). В.В.Волков и Э.А.Новгородова писали о них: «Очевидно, это стая барсов, представленная в момент охоты на бегущего перед ними коня» (Там же, С. 82). Но из крупных кошек никто (кроме гепардов) не преследует свою добычу и никогда (кроме львов, вернее, львиц) не охотится группами, предпочитая индивидуальную охоту из засады. Преследование добычи стаями характерно для собак и других канисовых.

Стилистически близкая композиция встречена в ущелье Суюйкоу (Нинся-Хуэйский автономный район КНР). Там стилизованные олени окружают сцену терзания (рис. 1, 2), где два хищника, похожих на псов, приготовились вцепиться в человеческую фигурку (рис. 1, 1). Д.Г.Савинов, анализирувавший рисунки хищников на оленных камнях, считал их персонажи были «скорее всего, хтонического происхождения» (Савинов, 1994. С. 132). Композиционно схожая с Ушкийн-Увэром и Суюйкоу сцена отлита на тыльной стороне бронзового зеркала, обнаруженного в погребении M1612 могильника Шанцуньлин в пров. Хэнань КНР (рис. 3, 1) (Шанцуньлин, 1959. С. 27). Она изображает двух хищных зверей, готовых растерзать (или сцепиться из-за) травоядного (рис. 1, 4). Зеркало

из Шанцуньлина дает более точную дату для композиций из Ушкийн-Увэра и Суюйкоу. Большинство его погребений датируется одним временем – второй половиной IX – первой половиной VIII вв. до н.э. (*Комиссаров, 1985. С. 9–10*).

Но корни традиции изображать двух похожих на собак зверей, готовых разорвать свою жертву, уходят в Китае гораздо глубже эпохи Чжоу. На неолитическом сосуде расписной керамики со стоянки Дадивань в уезде Циньань пров. Ганьсу нарисованы две собаки, готовые подрасться из-за рыбы, лежащей между ними (рис. 1, 5). Считается, что орнаментальные пояса на неолитической керамике Китая обозначали различные уровни Вселенной. Пояс с собаками и рыбой на кувшине из Дадивань ограничен сверху двумя горизонтальными линиями и может представлять Преисподнюю (нижний мир) (рис. 3, 2). По данным В.В.Евсюкова, в китайском неолите образ рыбы символизировал человеческую душу (*Евсюков, 1988. С. 84–85, 89–90*). Так что сцена на кувшине из Дадивань, скорее всего, запечатлела ее посмертные испытания в Преисподней, возможно, как залог будущего возрождения. Наскальные композиции из Суюйкоу и Ушкийн-Увэра, так же, как и изображения на зеркале из Шанцуньлина, могли иметь аналогичное значение. Данная иконографическая традиция доживает, как минимум, до IV–III вв. до н.э. На обушке трубчатой втулки боевого топора культуры Дянь из погребения 12 могильника Шичжайшань отлиты два ящера и лежащая между ними рыба (рис. 1, 6; 3, 3) (*Пилацзоли, 1990. С. 81*).

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект 18-09-00557: «Изучение памятников наскального искусства в археологии Китая (эпохи Древности и Средневековья)»

Волков, Новгородова, 1975 – Волков В. В., Новгородова Э. А. Оленные камни Ушкийн-Увэра (Монголия) // Первобытная археология Сибири. Л., 1975.
Евсюков, 1988 – Евсюков В. В. Мифология китайского неолита. По материалам росписей на керамике культуры Яншао. Новосибирск, 1988.

- Комиссаров, 1985* – Комиссаров С. А. Шанцуньлин – опорный памятник конца Западного Чжоу // Дальний Восток и Центральная Азия. М., 1985.
- Савинов, 1994* – Савинов Д. Г. Оленные камни в культуре кочевников Евразии. СПб., 1994.
- Nowgorodowa, 1980* – Nowgorodowa E. Alte Kunst der Mongolei. Leipzig, 1980. (на нем. яз.).
- Гай Шаньлин, Гай Чжихао, 2002* – Гай Шаньлин, Гай Чжихао. Нэй Мэнгу яньхуа дэ вэньхуа цзеду [盖山林, 盖志浩. 内蒙古 岩画的文化解读]. Дешифровка культуры петроглифов Внутренней Монголии. Пекин, 2002. (на кит. яз.).
- Пилацзоли, 1990* – Пилацзоли Мисеэр (Pirazzoli Michele). Дянь вэньхуа дэ няньдай вэньти [皮拉里米歌. 滇文化解題]. Проблема хронологии культуры Дянь // Каогу. 1990. № 1. (на кит. яз.).
- Чжунго тунци цюаньцзи, 1994* – Чжунго тунци цюаньцзи [中国铜器全集. 第14卷. 滇昆明]. Полное собрание бронзовых изделий Китая. Т. 14. Дянь – Куньмин. Пекин, 1994. 1993. (на кит. яз.).
- Чжунго тунци цюаньцзи, 2005* – Чжунго тунци цюаньцзи [中国铜器全集. 第16卷. 銅鏡]. Полное собрание бронзовых изделий Китая. Т. 16. Бронзовые зеркала. Пекин, 2005. (на кит. яз.).
- Шанцуньлин, 1959* – Шанцуньлин Гого муди [上村嶺虢國墓地]. Могильник царства Го в Шанцуньлине. Пекин, 1959. (на кит. яз.).

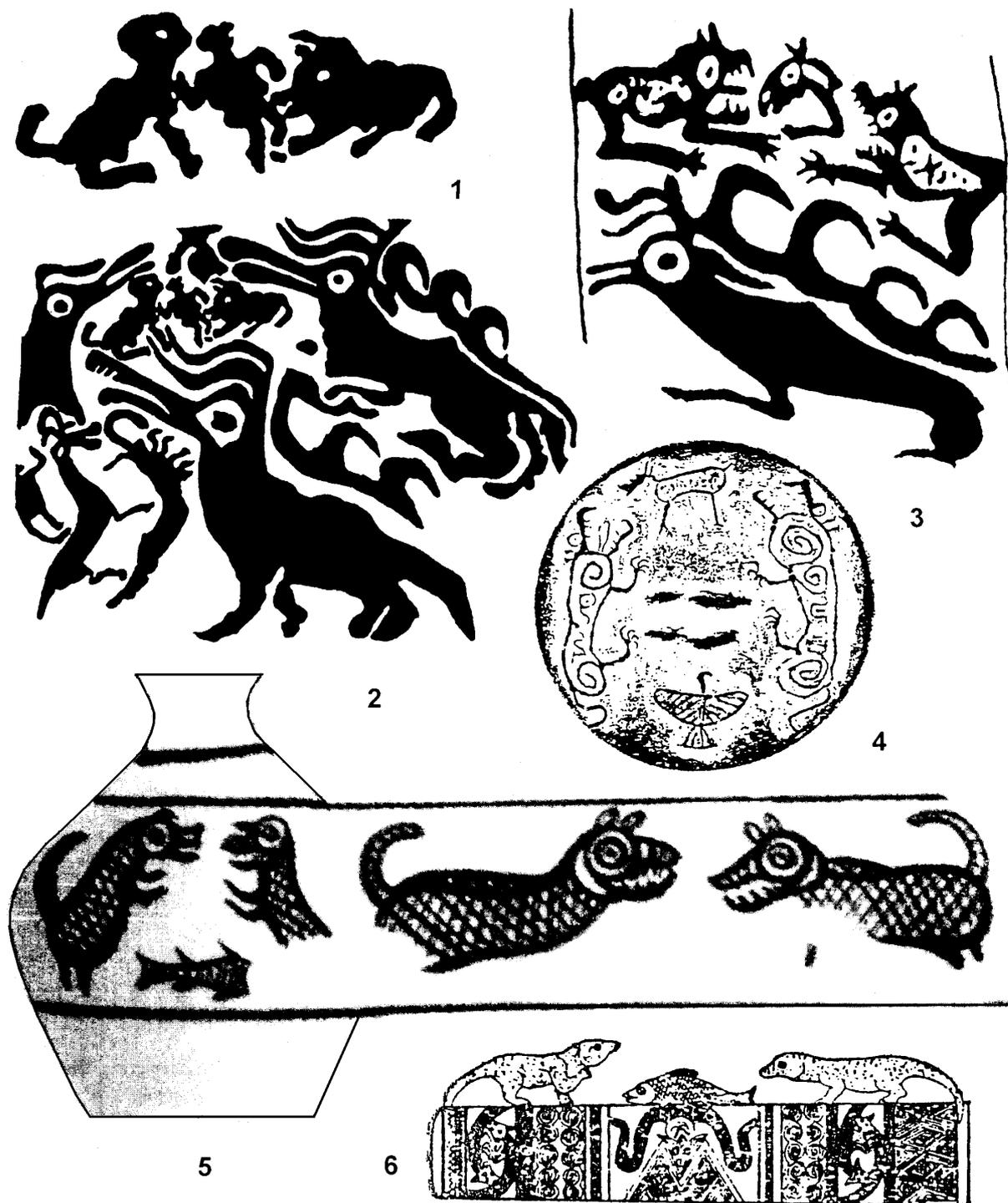

Рис. 1. Сцены с двумя хтоническими хищниками: 1, 2 – из Суяйкоу (уезд Хэлань); 3 – из Ушкийн-Увэра (Хубсугульский аймак, Монголия); 4 – из Шанцуньлина (пров. Хэнань); 5 – из Дадивань (уезд Цинъань, пров. Ганьсу); 6 – из Шичжайшань (пров. Юньнань). Все – разных масштабов. Масштабирование рисунков и компоновка таблицы выполнены А.В.Вареновым по: [1, 2 – Гай Шаньлинь, Гай Чжихао, 2002. С. 408; 3 – Nowgorodowa, 1980. S. 178; 4 – Чжунго тунци цюаньци, 2005. С. 4; 5 – прорисовка по фотографии, сделанной А.В.Вареновым в Музее пров. Ганьсу; 6 – Пилацзоли Мисеэр, 1990. С. 81].

Рис. 2. Олений камень № 4 из Ушкийн-Увэра (Хубсугульский аймак, Монголия): 1 – общий вид; 2 – деталь с хищниками, преследующими коня. Фото А.В.Варенова (2013 г.).

Рис. 3. Сцены с двумя хтоническими хищниками: 1 – из Шанцуньлина (пров. Хэнань); 2 – из Дадивань (уезд Цинъань, пров. Ганьсу); 3 – из Шичжайшань (пров. Юньнань). Все – разный масштаб. Масштабирование рисунков и компоновка таблицы выполнены А.В.Вареновым по: [1 – Чжунго тунци цюаньцзи, 2005. С. 6; 2 – из музея пров. Ганьсу, фото А.В.Варенова (2012 г.); 3 – Чжунго тунци цюаньцзи, 1993. С. 88].

А. В. Варенов

ПЕТРОГЛИФЫ «В СТИЛЕ ОЛЕННЫХ КАМНЕЙ» ИЗ КИТАЯ

Ключевые слова: Синьцзян, Нинся, Внутренняя Монголия, петроглифы в «стиле оленных камней», семантика.

На территории Китайской Народной Республики петроглифы «в стиле оленных камней» (далее также «стилизованные олени») открыты в трех административно-территориальных единицах провинциального уровня: 1) в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР), лежащем к западу от Монголии; 2) в южной части Автономного района Внутренняя Монголия, лежащем к югу от нее; 3) в Нинся-Хуэйском автономном районе, находящемся еще дальше на юг. В Синьцзяне петроглифы «в стиле оленных камней» встречаются в китайской части Монгольского Алтая, во Внутренней Монголии – в горах Иньшань и степи Уланьча к северу от них, а в Нинся – в горах Хэланьшань.

К настоящему времени в Синьцзяне обнаружено порядка 50–60 оленных камней, из них 10–12 – в монголо-забайкальском стиле, а остальные – в «общеевразийском», т.е. без изображений оленей. Камней саяно-алтайского стиля в Китае нет. Во Внутренней Монголии и в горах Хэланьшань нет вообще никаких оленных камней – ни общеевразийских, ни монголо-забайкальских, ни саяно-алтайских. Поскольку китайские археологи специально не выделяют петроглифы «в стиле оленных камней» в ряду других наскальных изображений, мы сформировали анализируемый в данной работе корпус рисунков путем сплошного просмотра китайских публикаций петроглифов из соответствующих районов.

В Синьцзяне стилизованные олени встречены в уездах Фуюнь (Кёктокай), Алтай, Цзимунай (Зимунай) (всё – округ Алтай) и в непосредственно примыкающем к ним с юго-востока уезде Цитай (Гучун) (Чанцзи-Хуэйский автономный округ), что включает в себя крайнюю южную оконечность

китайского Алтая. Горы Хэланьшань лежат на границе между Нинся-Хуэйским автономным районом и Автономным районом Внутренняя Монголия (КНР), протянувшись примерно на 200 км в длину, со средней высотой около 2000 м над уровнем моря. Местонахождения наскальных рисунков расположены, в основном, по восточному склону, в пределах Нинся. На начало 90-х годов. XX в. китайскими учеными в горах Хэланьшань выявлено свыше 10000 и научно зафиксировано (описано, сфотографировано и скопировано) около 2000 петроглифов. Правда, изображений «в стиле оленных камней» среди них немного.

Стилизованные олени встречены только в южной части Внутренней Монголии, прилегающей к Нинся, преимущественно в горах Иньшань, в том числе, в уезде Дэнкоу, ближе всего расположенном к горам Хэланьшань – три экземпляра, чуть севернее – два в хошуне Улатэхоуци, один – в хошуне Улатэчжунци и еще один – еще ближе к Монголии, в степи Уланьча, в объединенном хошуне Дархан-Маоминьань. В целом, с монгольскими и горно-алтайскими изображениями стилизованных оленей больше всего схожи рисунки из Синьцзяна и Внутренней Монголии, территориально наиболее близкие к ним, а район китайского Алтая представляется очень перспективным для дальнейшего поиска изображений стилизованных оленей.

Среди особенностей китайских петроглифов «в стиле оленных камней» можно отметить, так же, как и для стилизованных оленей из иных регионов, более свободное, по сравнению с изваяниями, построение композиций и большую вариабельность фигур, наличие изображений не только самцов, но и самок. Считается, что в наскальных композициях со стилизованными оленями воспроизведены сюжеты, общие для петроглифов и для каменных изваяний. В их основе, по мнению Д.Г.Савинова, лежит представление о жертвенных оленях-тотемах, чья смерть обеспечивает обновление природного мира и социума (Савинов, 1994. С. 139–142). Впрочем, еще Э.А.Новгородова считала

изображения стилизованного оленя «тотемным образом» (*Новгородова, 1984. С. 106–109*).

Однако на оленных камнях и в наскальных композициях стилизованных оленей никто из хищников не терзает и не разрывает на части. В сценах терзания там фигурируют иные персонажи. Наскальные сцены охоты на стилизованных оленей могут быть результатом добавления в более позднее время фигурок лучников и/или собак к уже существовавшим ранее композициям. Аргумент Э.А.Новгородовой, что «воин (охотник) всегда пеший (что важно для определения даты рисунка), вооружен луком и стрелами», не кажется убедительным (*Новгородова, 1984. С. 98–100*).

По вопросу семантики монголо-забайкальских оленных камней и выбитых на них оленей нам уже приходилось высказывать мнение, что «каждый оленный камень монголо-забайкальского стиля олицетворяет первопредка того или иного древнего коллектива (племени?), а отдельные фигуры оленей соответствуют входившим в данный коллектив социальным (скорее всего, родовым) группам» (*Варенов, 2016. С. 210*). Не случайно количество оленей на каждой отдельной стеле, как правило, четное, а часто и кратное четырем (12, 16, 20, 24 экз.), что хорошо соответствует фратриальной структуре общества, каждая фратрия в котором имела дуально-экзогамную родовую организацию.

Тогда изображение отдельного стилизованного оленя на скальной плоскости свидетельствовало о желании члена древнего социума обозначить свой род, аналогично нанесению на скалы тамги в более поздний период. Две разнополюх фигуры оленей на одной скальной плоскости отражали ситуацию, когда художник хотел отметить не только свой род, но и род жены, связанный с его собственным в рамках дуально-родовой организации. Естественно, что с точки зрения всего племени и его первопредка, воплощенного в оленном камне, все роды гендерно равны, поэтому на стелах и нет изображений важенок (олений-самок).

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект 18-09-00557: «Изучение памятников наскального искусства в археологии Китая (эпохи Древности и Средневековья)»

Варенов, 2016 – Варенов А. В. О китайских неолитических корнях оленных камней монголо-забайкальского стиля и их социально-семантической интерпретации // *Stratum plus. Археология и культурная антропология*. 2016. № 2.

Новгородова, 1984 – Новгородова Э. А. Мир петроглифов Монголии. М., 1984.

Савинов, 1994 – Савинов Д. Г. Оленные камни в культуре кочевников Евразии. СПб., 1994.

А. В. Варенов**РАЙОНЫ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ПОГРЕБАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ
СЯНЬБИЙСКОГО ВРЕМЕНИ ВО ВНУТРЕННЕЙ МОНГОЛИИ**

По данным китайских археологов, погребальные памятники сяньбийского времени (I в. до н.э. – V в. н.э.) распространены в северном, восточном и южном районах Внутренней Монголии, причем на севере – в целом, более ранние, а на юге – более поздние. Главным административным центром северного района является г. Хулуьньбэйэр, вокруг которого расположено 8 могильников:

1. Могильник Чжалайноэр расположен в аймаке Чэньбаэрху г. Хулуьньбэйэр. В 1959 г. раскопано 2 погребения, в 1960 – 31 погребение, в 1984 – 1 погребение, в 1986 – 15 погребений и в 1994 – 3 погребения, всего 52 погребения.

2. Могильник Ваньгун расположен в аймаке Чэньбаэрху г. Хулуьньбэйэр, в 1963 г. раскопано 4 погребения.

3. Могильник Лабудалинь расположен в аймаке Ээргунаю г. Хулуьньбэйэр. В 1987 г. раскопано три, а в 1992 г. еще 24 могилы.

4. Могильник Циця расположен в аймаке Ээргунаю г. Хулуьньбэйэр, в 1988-1990 гг. раскопано 5 погребений.

5. Могильник Ихэула расположен в аймаке Синьбаэрху г. Хулуьньбэйэр, в 1996 гг. раскопано два погребения.

6. Могильник Туаньцзе расположен в уезде Хайлаэр (Хайлар) г. Хулуьньбэйэр, в 2001 г. раскопано 7 погребений.

7. Могильник Иминьчэчжань расположен в Эвенкийском автономном аймаке г. Хулуьньбэйэр, в 1979 г. раскопано 4 погребен.

8. Могильник Мэнгэньчулу расположен в Эвенкийском автономном аймаке г. Хулуьньбэйэр, в 1980 г. раскопано 7 погребений.

В восточном районе исследовано шесть могильников сяньбийского времени, приуроченных к округам с административными центрами в городах

Синань (Улан-Хото) (один памятник), Тунляо (три памятника) и Чифэн (два памятника):

9. Могильник Бэйманиту расположен в сомоне Кэючжун, аймака Синань, в 1991 г. раскопано 26 погребений.

10. Могильник Люцзяцзы расположен в сомоне Кэцзохоу г. Тунляо, в 1984 г. раскопано 30 погребений.

11. Могильник Шэгэнь расположен в сомоне Кэцзохоу г. Тунляо. Памятник, открытый в 1973 г. представляет собой разрушенный (развезанный) могильник.

12. Могильник Синьшэньтун расположен в аймаке Кэцзохоу г. Тунляо, в 1989 г. раскопано 2 погребения.

13. Могильник Наньянцзяинцзы расположен в сомоне Балиньцзо г. Чифэн, на левом берегу реки Маэргутулуень. В 1962 г. раскопано 20 погребений.

14. Погребение Сусытай находится в уезде Линьси г. Чифэн, исследовано в 1981 г.

В южном районе Внутренней Монголии погребальные памятники сяньбийского времени обнаружены в 29 пунктах, часто на памятнике раскопано лишь по одному захоронению:

15. Погребение Яньчи находится в 23,5 км к северо-востоку от г. Эрляньхаотэ (Эрэн-Хото) сейма Силиньголэй, исследовано в 1999 г.

16. Памятник Хэжимуту расположен в аймаке Чжэнлань на юге сейма Силиньголэй. В 1990 г. случайно найдена бронзовая пластина с изображением трех оленей.

17. Могильник Дундацзин расположен на севере уезда Шанду. В 1998 г. раскопано 18 погребений.

18. Могильник Саньдаовань расположен в аймаке Чаюхоу сейма Уланьча. Всего раскопано 50 погребений – 48 исследованы в 1983 г. и еще два в 1984 г.

19. **Погребение Эрланьхугоу** находится в аймаке Чаюхоу сейма Уланьча.
20. **Могильник Шицзягоу** расположен в уезде Чжоцзы сейма Уланьча. Памятник насчитывает до 60 погребений, одно из них исследовано в 1997 г.
21. **Могильник Чжаоцзяфан** находится в аймаке Чаюхоу сейма Уланьча. Открыт весной 1969 г., общее количество могил неизвестно.
22. **Могильник Циланшань** расположен в аймаке Чаючжун сейма Уланьча. В 1995 г. раскопано 20 погребений.
23. **Могильник Багоу** расположен в уезде Синхэ сейма Уланьча. В 1988 г. раскопано три погребения.
24. **Погребение Сяхэйгоу** находится в аймаке Чаюцянь сейма Уланьча, раскопано в 1985 г.
25. **Могильник Хух-Усу (Хухэусу)** расположен в аймаке Чаюцянь сейма Уланьча. В 1995 г. исследовано два погребения.
26. **Могильник Питяогоу** расположен в уезде Токэто г. Хух-Хото. В 1958 г. исследовано три погребения.
27. **Могильник Сигоуцзыцунь** расположен в уезде Хэлиньгээр г. Хух-Хото. В 1986 г. исследовано два погребения.
28. **Могильник Мэйдайцунь** расположен в районе Сайхань у г. Хух-Хото. В 1955 и 1962 гг. исследовано два погребения.
29. **Погребение Дасюэлу** находится в Хух-Хото, исследовано в 1975 г.
30. **Погребение Таохэци** находится в аймаке Тумотэцзо г. Хух-Хото, исследовано в 1980 г.
31. **Погребение Линпияоцунь** находится в уезде Хэлиньгээр, г. Хух-Хото, исследовано в 1982 г.
32. **Погребение Тяньмилян** находится в районе Сайхань г. Хух-Хото.
33. **Могильник Шаяоди** расположен в аймаке Дамао г. Батоу. С 1935 по 1939 г исследовано 6 погребений.

34. Могильник у Монгольской Школы расположен в уезде Гуян, г. Баотоу. В 1985 г. исследовано 9 погребений.

35. Погребение Бубудай находится в уезде Гуян г. Баотоу, исследовано в 1999 г.

36. Погребение Яоцици находится в семье Тумотэю г. Баотоу, исследовано в 1986 г.

37. Погребение Уцзягэдань находится в районе Цзююань г. Баотоу, исследовано в 1986 г.

38. Могильник Ашаньгоумэнь расположен в районе Цзююань г. Баотоу. В 1994 г. исследовано два погребения.

39. Могильник Люэргэлян расположен в районе Ситугаосинь г. Баотоу. В 1997 году исследовано два погребения

40. Могильник Батувань расположен в аймаке Ушэнь г. Ордос. В 1973 г. исследовано 15 погребений.

41. Погребение Будунгоу находится в уезде Дуншэн г. Ордос, исследовано в 1980 г.

42. Могильник Дафаньпу расположен в аймаке Чжуньгээр г. Ордос. В 1983 г. исследовано четыре погребения

43. Погребение Эрлибань находится в аймаке Чжуньгээр г. Ордос, исследовано в 1994 г.

Н.Н. Головченко

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ДЕРЕВЯННЫХ ШЕЙНЫХ
УКРАШЕНИЙ НАСЕЛЕНИЕМ ВЕРХНЕГО ПРИОБЬЯ В ЭПОХУ РАННЕГО
ЖЕЛЕЗА

Ключевые слова: деревянные украшения, гривны, эпоха раннего железа, Верхнее Приобье.

Начало систематического изучения памятников эпохи палеометалла Верхнеобского региона было положено трудами М.П. Грязнова в первой половине XX в. В дальнейшем на данной территории было исследовано порядка полутора тысяч погребений эпохи раннего железа. Большая их часть оказались разграбленными. В тех же захоронениях, где присутствовал сопроводительный инвентарь органика, в том числе и дерево, как правило, не сохранилась.

Общеизвестно, что шейные украшения в виде обруча были широко распространены в древности у народов Европы и Азии с периода бронзового века и до средневековья. Известные многим народам гривны, по-видимому, символизировали особое общественное положение лиц их носивших. У персов подобное явление зафиксировал Ксенофонт. Описывая гибель Артапата, одного из скиптроносцев Кира, он отмечает, что последний «носил золотой акинак, у него также имелась гривна, браслеты и другие украшения, какие носили знатные персы». В другом месте «Киропедии», Ксенофонт описал, как Кир одарил царя киликийцев, дав ему «дары которые считаются самыми почетными у царя, а именно: коня с золотой уздой, золотой гривной, браслетом и золотым акинаком» (*Ksenofont. Anab. I, VIII. 27*). На широкое использование гривен причерноморскими скифами указывает Геродот.

Однако, очевидно, речь в письменных источниках идет, прежде всего, о драгоценных украшениях, сделанных из металла. В собраниях историко-краеведческого музея Алтайского государственного педагогического университета под инвентарным номером 64 хранятся разрозненные фрагменты,

предположительно представляющие собой некое сломанное деревянное изделие (рис. 1), которое судя по подписи на бирке, было интерпретировано сотрудником музея, осуществляющим комплектование фонда в 1990-х годах, как гривна. К данному фонду не однократно обращались специалисты археологи из Барнаула и Новосибирска, при этом в описание некоторых фондов вносились определенные коррективы, но описываемая находка интерпретировалась довольно однозначно. Между тем, деревянных украшений в погребальных комплексах Верхнего Приобья практически не обнаружено, что заставляет нас более пристально присмотреться к данному собранию.

Совокупная длина фрагментов изделия составляет 55 – 60 см, что соответствует размеру проволочных бронзовых гривен, обнаруженных в синхронных могильниках Верхнего Приобья (к примеру, гривны из некрополей Новотроицкое-1, -2 имеют размеры от 50 до 70 см). Если принять во внимание размеры черепов и рост погребенных на Масляхе-1 и -2¹, то можно предположить, что деревянная гривна, сделанная для одного из них, скорее всего, была в один оборот с несколько разведенными концами. Такой тип гривен широко распространен по всему степному поясу Евразии эпохи раннего железа. Близкими размерами обладают и деревянные гривны пазырыкской археологической культуры (*Феномен...*, 2000. Рис. 137), которые выполнены гораздо изысканней изучаемой находки, обладают орнаментом и несут большую художественную нагрузку.

Технологически деревянные гривны могли изготавливаться несколькими способами: либо основа будущего украшения целиком оформлялось из целого фрагмента дерева², или же она оформлялось по частям, впоследствии

¹ Рост мужчин 162,9 – 164,5 см, женщин – 153,2 – 154,6 см (Рыкун, 1999). Предварительные результаты обследования черепов изложены в статье М.П. Рыкун.

² В качестве примеров подобного изделий можно привести гривны из кургана 1 пазырыкского могильника Ак-Алаха-3 (Полосьмак, Баркова, 2005. Рис. 2.44) и кургана 11 сакского могильника Берел (Алтынбеков, 2014. С. 178-179).

стыкующихся между собой³; либо изделие изготовлялось из особо подобранной ровной ветки.

Нами была предпринята попытка реконструкции гривны. Был отобран ровный, равномерно утолщенный березовый прут, за тем, он был обшкурен и подправлен ножом. После чего, прут аккуратно был согнут вокруг круглого основания диаметром около 50 см и крепко зафиксирован обмоткой. В таком виде заготовка сохла около одной недели. Высохнув прут, приобрел форму гривны, и был подвергнут обработки абразивным материалом. В итоге получилась своеобразный вариант деревянной «гривны» (рис. 1). Возможны реконструкции гривен и другими способами (*Алтынбеков, 2014*).

Получившийся результат оказался внешне похожим на изучаемые фрагменты, из чего казалось возможным прийти к выводу, что население Верхнеобского бассейна эпохи раннего железа могло пользоваться подобным алгоритмом для изготовления деревянных нашейных украшений.

Алтынбеков, 2014 – Алтынбеков К. Возрожденные сокровища Казахстана: опыт научной реконструкции. Алматы: Остров Крым, 2014. 360 с.

Полосьмак, Баркова, 2005 – Полосьмак Н.В., Баркова Л.Л. Костюм и текстиль пазырыкцев Алтая (IV – III вв. до н.э.). Новосибирск: ИНФОЛИО, 2005. 232 с.

Рыкун, 1999 – Рыкун М.П. Материалы по краниологии населения Северного Алтая раннего железного века (каменная культура) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. №2. 1999. С. 78–86.

Феномен..., 2000 – Феномен алтайских мумий / В.И. Молодин, Н.В. Полосьмак, Т.А. Чикишева и др. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2000. 320 с.

³ Как это имеет место быть с пазырыкской гривной из кургана №3 могильника Верх-Кальджин II (Феномен..., 2000, рис. 137).

Рис. 1. Обломки и реконструкция деревянной гривны из погребения 12 кургана 8 могильника
Масляха-1.

А.А. Горячев, Т.А. Егорова

ИЗОБРАЖЕНИЯ ВОИНОВ С ОРУЖИЕМ В ПЕТРОГЛИФАХ ЭПОХИ БРОНЗЫ СЕМИРЕЧЬЯ

Ключевые слова: Семиречье, эпоха бронзы, наскальное искусство, петроглифы, композиция, воины, оружие, сражение, сакрализация, традиция.

В наскальном искусстве Семиречья изображения воинов с оружием занимают значительное место в композициях, датируемых эпохой бронзы. Они встречаются как в крупных памятниках, таких как петроглифы урочища Тамгалы (Танбалытас), в горах Кулжабасы, Ешкиолмес и Баянжурек, так и в небольших рядовых скоплениях наскальных рисунков Жетысуского/Джунгарского и Илейского/Заилийского Алатау, Шу-Илейских гор и Юго-Западного Прибалхашья. Разработанная за последние десятилетия периодизация наскальных рисунков бронзового века региона позволяет рассмотреть эволюцию образов воинов с оружием на разных хронологических этапах всей эпохи (Кадырбаев, Марьяшев, 1977; Марьяшев, Горячев, 2002; Марьяшев, Железняков, 2013).

В раннебронзовый период в петроглифах Семиречья в сценах жертвоприношений, поединков встречается такое вооружение, как палица. Иконография персонажа с этим оружием рассмотрена на основе примеров из ущелья Тамгалы, его округи и в горах Кулжабасы (Максимова и др., 1985; Марьяшев, Горячев, 2002). За подобными образами в научной литературе закрепилось название «палиценосец» (рис. 1, 1–4, б). Еще одним нередким атрибутом палиценосца являлась булава на ремне. В эпоху поздней бронзы данные персонажи практически исчезают.

К числу наиболее ранних видов оружия, отраженных в наскальном искусстве Семиречья, относятся лук и стрелы. Лучники являются персонажами сцен охоты и жертвоприношений. Исследованные ранние петроглифы в горах

Кулжабасы и Аккайнар дополняют образ лучника сценами «священной» охоты воинов, ряженных в «волчьи маски» (Байпаков, Марьяшев, 2009, с. 66).

В период средней бронзы (петроглифы тамгалинской традиции) фигуры лучников распространяются повсеместно. В эпоху поздней бронзы среди сюжетов чаще встречаются батальные сцены с изображением противостояния двух групп лучников. Если форма лука за этот период практически не меняется, то в изображениях стрел показаны детальные формы наконечников стрел и оперения (Марьяшев, Горячев, 2002, с. 184).

В древних петроглифах отражено использование другого вида оружия – топора и как охотничьего, и как боевого, и как ритуального инструмента. Например, в сцене жертвоприношения из урочища Тамгалы быка убивает топором персонаж, на поясе которого укреплен булава, облик его в целом близок образу «палиценосца». Батальная сцена сражения на топорах из Каракыра состоит из ритмически повторяемых парных фигур (рис. 1, 5). Воины из урочища Тамгалы с поднятыми вверх топорами показаны в исполнении танцевальных движений (рис. 1, 8), что позволяет специалистам видеть в подобных сюжетах «устойчивость архаики доисторических обрядов» (Новгородова, 1984).

Достаточно часто встречаемым видом оружия в петроглифах Семиречья являются чеканы (рис. 1, 9). Они отмечены как в ритуальных композициях с жертвоприношениями, так и в батальных сюжетах. Необычным оружием, близко напоминающим боевой топор в поединке из урочища Каракыр в руках противников показаны серповидные клинки (рис. 1, 7). На рисунке – два типа этого оружия. У воина, изображенного слева, на тонкой ручке насажены два серпообразных клинка с заостренным концом. Правый воин сражается широкими короткими изогнутыми, сужающимися к низу клинками. По определению М.В. Горелика, этот тип вооружения определяется как однолезвийное клинковое оружие (Горелик, 2003. С. 33–37, табл. XVIII).

Подобные секачи с коротким широким клинком применялись, по мнению исследователя, только в пешем бою.

Батальные сюжеты в петроглифах периода поздней бронзы достаточно разнообразны. Помимо сцен единоборств и сражения противоборствующих групп воинов встречаются композиции с нападением вооруженных дубинками воинов на безоружных людей. Яркими сюжетами выделяются изображения воинов-лучников на боевых колесницах. Колесницы и повозки встречаются и в более ранних рисунках, но тогда они не были связаны с фигурами вооруженных персонажей. В эпоху поздней бронзы в ущелье Теректы (западные отроги Жетысуского Алатау) отмечена сцена преследования одной боевой колесницы с лучником другой (Марьяшев, Горячев, 2002. С. 224).

В урочище Ойжайлау отмечена необычная для петроглифов эпохи бронзы Семиречья сцена сражения двух всадников, вооруженных боевыми клевцами или чеканами (рис. 2). Сюжет боя всадников с чеканами в руках повторяется на боковой грани этой же скалы. Конь и лошадь под всадниками имеют характерные челки, которые позволяют их датировать периодами поздней и финальной бронзы.

Данные композиции позволяют предположить их ритуальный характер, символизирующий военное противостояние и, вероятно, относящихся к начальным этапам формирования конного воинства. Подобный символизм свидетельствует об усилении роли военного сословия в эпоху поздней бронзы на территории Семиречья, что связано с усилением межплеменной розни, борьбы за территорию и формирования общественной структуры по типу военной демократии.

Работа выполнена при финансовой поддержке Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан (ИРН проекта AP05135512 «Хантауский транзитный коридор в эпоху палеометалла»)

Байпаков, Марьяшев, 2009 – Байпаков К.М., Марьяшев А.Н. Петроглифы Ак-Кайнара. Алматы: «Credos», 2009. 104 с.

Горелик, 2003 – Горелик М.В. Оружие древнего Востока (IV тысячелетие – IV в. до н.э.). 2-е изд. доп. СПб: ТПГ «Атлант», 2003. 336 с.

Кадырбаев, Марьяшев, 1977 – Кадырбаев М.К., Марьяшев А.Н. Наскальные изображения хребта Каратау. Алма-Ата: Наука, 1977. 231 с.

Максимова и др., 1985 – Максимова А.Г., Ермолаева А.С., Марьяшев А.Н. Наскальные изображения урочища Тамгалы. Алма-Ата: «Өнер». 144 с.

Марьяшев, Горячев, 2002 – Марьяшев А.Н., Горячев А.А. Наскальные изображения Семиречья. Издание 2-е. Алматы: Фонд «XXI век», 2002. 264 с.

Марьяшев, Железняков, 2013 – Марьяшев А.Н., Железняков Б.А. Древности Кулжабасы. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2013. 150 с.

Новгородова, 1984 – Новгородова Э.А. Мир петроглифов Монголии. М.: Наука, 1984. 168 с.

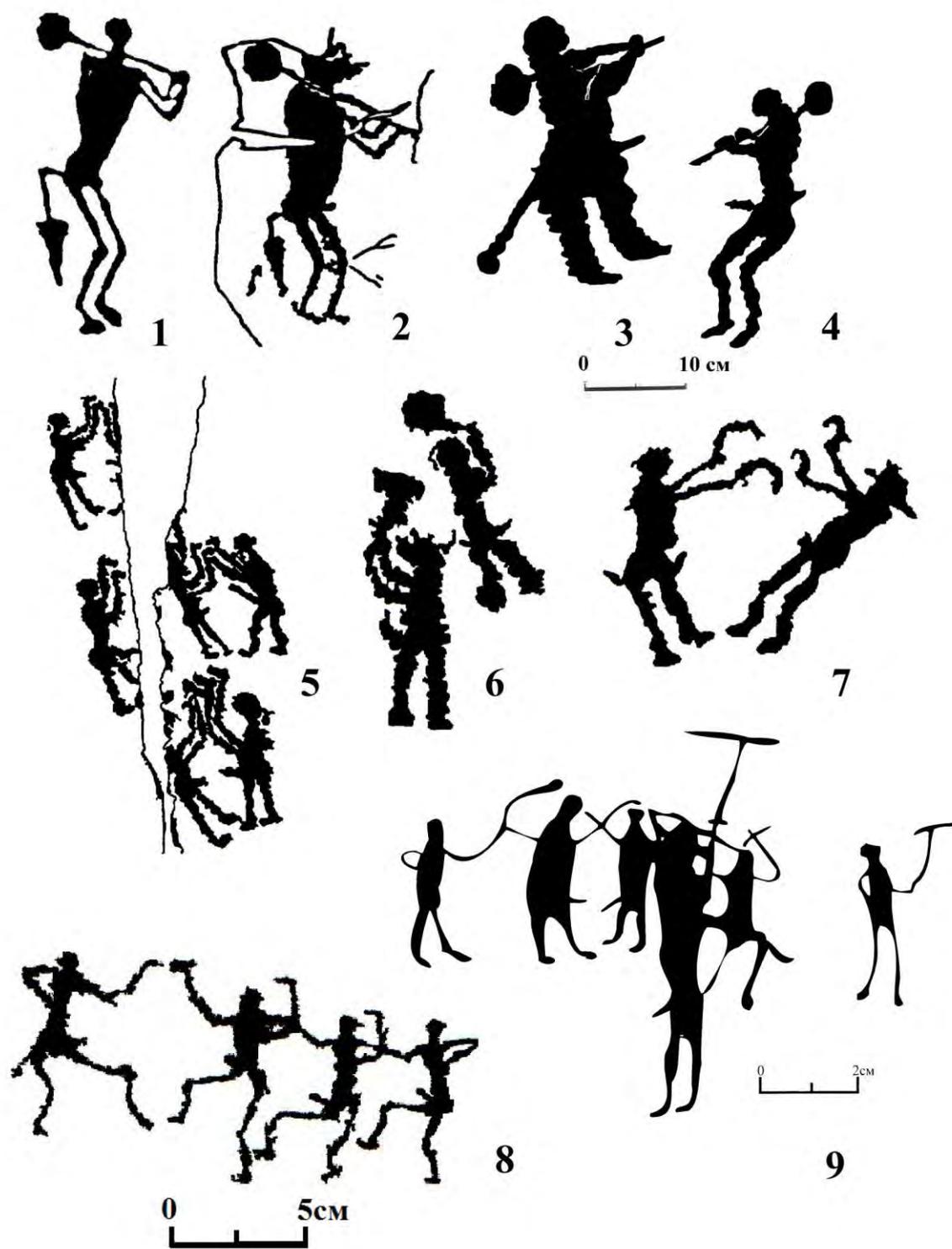

Рис. 1. Изображения антропоморфных персонажей с оружием из Семиречья: 1–4, 8 – Тамгалы; 5–7 – Каракыр; 9 – Ешкиолмес

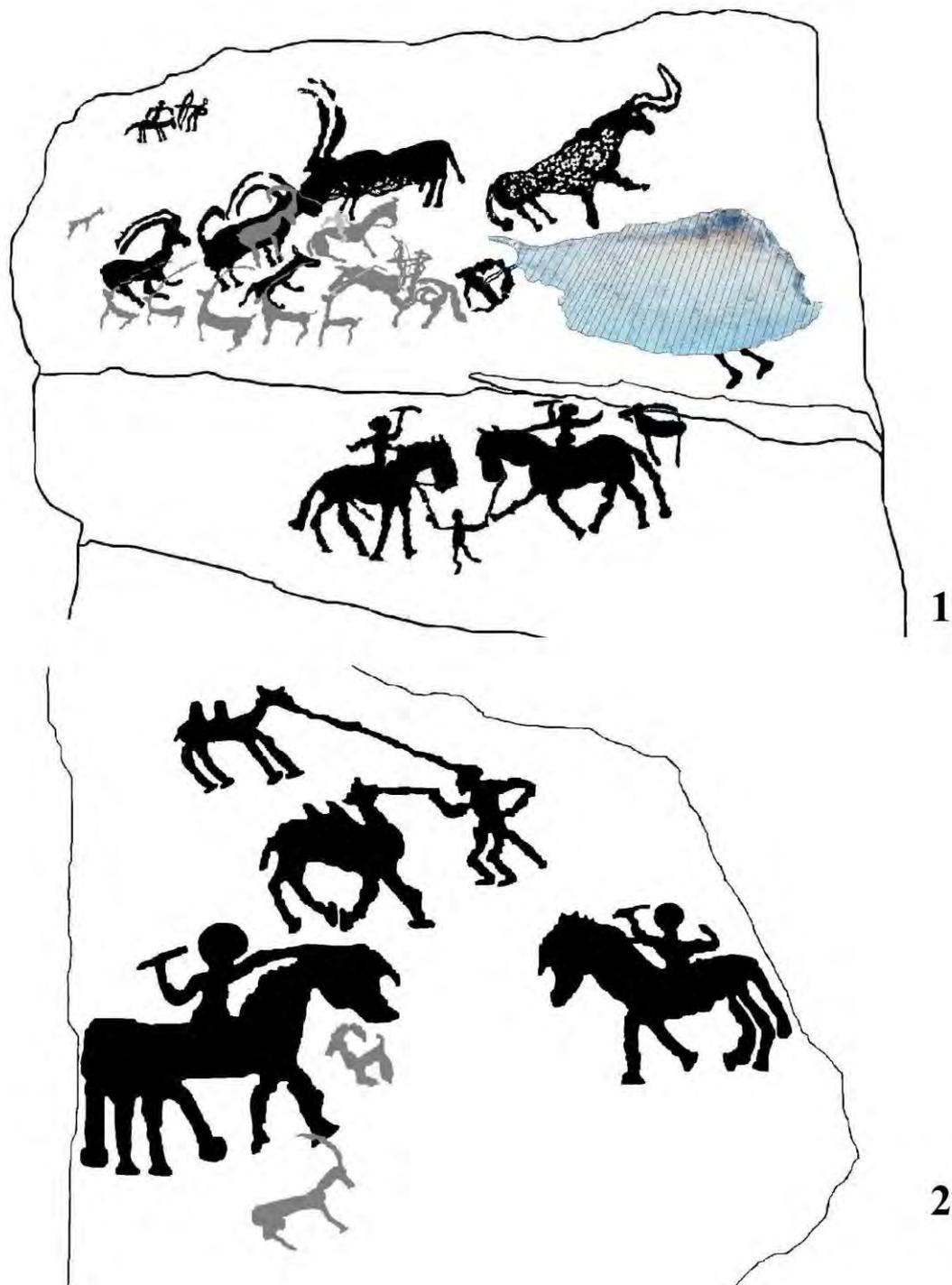

Рис. 2. Композиции с конными воинами из урочища Ойжайлау

С.П. Грушин, И.В. Мерц, А.В. Фрибус, В.К. Мерц
ИССЛЕДОВАНИЯ В ВОСТОЧНОМ КАЗАХСТАНЕ И НА ЮГЕ
ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ПОД ЭГИДОЙ ИНСТИТУТА-МУЗЕЯ СЕМЬИ
РЕРИХОВ (Г. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ)

Ключевые слова: погребальные памятники, неолит, бронзовый век, ранний железный век, раннее средневековье

В 2014–2018 гг. при поддержке музея-института семьи Рерихов (г. Санкт-Петербург) совместными экспедициями Алтайского, Кемеровского и Павлодарского государственных университетов проводились исследования на разновременных археологических памятниках Верхнего Прииртышья (Восточный Казахстан) и Верхнего Приобья (юг Западной Сибири). За этот период были открыты и исследованы уникальные объекты, их краткой характеристике посвящена данная работа.

На территории Западной Сибири исследования проводились на грунтовом могильнике Чумыш-Пережат, открытый С.П. Грушиным в 2013 г. Памятник расположен в западных отрогах Салаирского кряжа. Масштабные полевые исследования позволили выявить и исследовать разновременные погребения. Объекты были сосредоточены на площадке террасы высокого правого берега Чумыша. К настоящему времени исследовано несколько разновременных комплексов, относящихся к эпохе неолита, андроновской, ирменской культурам бронзового века, к эпохе раннего железа и раннего средневековья (*Фрибус, Грушин, 2015. С.196–199; Фрибус и др., 2018. С. 42–47 и др.*).

Наибольший интерес представляют комплексы, относящиеся к эпохе неолита и раннего средневековья. Датировка неолитических погребений Чумыша-Пережата базируется на серии радиоуглеродных дат. С учетом калибровки, они укладываются в конец VI – первую половину V тыс. до н.э., что указывает на раннюю позицию памятника и в определенной степени объясняет его специфику на фоне других могильников, исследованных в Верхнем Приобье

и сопредельных регионах (Фрибус, Грушин, 2017а. С. 188–192). Из неолитических могил происходит ряд уникальных находок, в частности обломок рыбки-блесны прибайкальского типа, костяной кинжал со скульптурным навершием в виде головы лося. По материалам одного из погребений предложена новая реконструкция некоторых элементов неолитического костюма (Фрибус, Грушин, 2017б. С. 20–34).

Раннесредневековые погребения демонстрируют процессы взаимодействия степного и лесного (таежного) населения в районах западного Присалаирья. «Южные» черты прослеживаются в обряде погребения человека в сопровождении лошади, а также наличии серии предметов тюркского облика. В некоторых погребениях присутствуют вещи типично самодийского облика, основной ареал которых связан с более северными районами. В качестве примера можно привести находку классической бляхи с изображением «медведей в жертвенной позе».

В целом раннесредневековые погребения могильника Чумыш-Пережат по целому комплексу признаков не вписываются в рамки выделенных на сегодняшний день культурных образований и обладают выраженной локальной спецификой, которая требует своего объяснения.

На территории Восточного Казахстана исследования проводились на могильнике Семиярка-IV, расположенном на правом берегу Иртыша. Памятник был выявлен В.К. Мерцем в конце 1990-х гг. и насчитывает не менее 37 земляных курганов, круглых и квадратных каменных оград. Он занимает территорию южной части вдающегося в пойму коренного берега Иртыша в 5 км к востоку от с. Семиярка в Бескарагайском районе Восточно-Казахстанской области Республики Казахстан.

Наиболее ранними из исследованных объектов являются две круглые ограды диаметром 7–9 м, сложенные из крупных каменных блоков и мелких камней, уложенных на древнюю поверхность. В центре каждого сооружения

располагались разграбленные в древности могилы, ориентированные по линии З-В. В ограде №1 на глубине 2,71 м в деревянном срубе в один венец, находились разрозненные кости человека и керамическая банка, украшенная горизонтальной «елочкой». Обломки еще одного сосуда были найдены в грабительском лазе. В ограде №2 на глубине 0,91 м находился каменный ящик, верхняя часть которого была выполнена в виде цисты. В западной части сооружения лежали разрозненные кости мужчины 45–55 лет и обломки горшка. Особенности погребальных конструкций и инвентаря, позволили отнести данный комплекс к верхнеиртышскому варианту андроновской культуры (Ткачева, Ткачев, 2008) и датировать его в пределах XVIII–XVI вв. до н.э.

К периоду поздней бронзы относится культурный слой, зафиксированный при исследовании ограды №2. На этом участке выявлены прокалы, очаги, канавы, зольные ямы. Культурный слой содержал многочисленные кости животных (МРС, КРС, лошади), фрагменты керамики, вкопанный горшок, бронзовые предметы (стамеска, нож, всплески металла), металлургические шлаки, обломки литейных форм, каменные наковальня и каменный пест. На этом участке было исследовано вторичное погребение человека, содержащее установленный на основание череп без нижней челюсти и ребра. Данный комплекс относится к саргаринско-алексеевской культуре, датируемой 2 пол. II тыс. до н.э. (Мерц, 2006. С. 76).

Поздний комплекс обнаружен у северо-западного края могилы в ограде №1. Он состоит из керамического сосуда с пиктограммами и каменного жертвенника. Данные находки можно датировать VI в. до н.э. (Маргарян, Таиров, 2017. С. 33) и связывать с культурными влияниями тасмолинского населения раннего железного века Центрального Казахстана.

Таким образом, могильник Семиярка-IV является разновременным памятником, отражающим последовательное развитие населения пограничья Среднего и Верхнего течения Иртыша на протяжении II – 1 пол. I тыс. до н.э.

Дальнейшие исследования этого памятника позволят существенно уточнить особенности проходивших здесь культурно-исторических процессов.

Работа выполнена частично при поддержке проектов №33.2597.2017 /ПЧ «Культура и искусство древних народов Сибири (исследование наименее изученных периодов, территорий и узловых дискуссионных проблем)»; гранта РФФИ (проект № 18-09-00779 "Антропологические и археологические грани этногенеза населения юга Западной и Средней Сибири в эпохи неолита и ранней бронзы"

Маргарян, Таиров, 2017 – Маргарян К.Г., Таиров А.Д. Каменные жертвенники Северного Казахстана // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2017. Тт. 17. № 2.

Мерц, 2006 – Мерц В.К. Археологические работы в Бескарагае // Алтай в системе металлургических провинций бронзового века. Барнаул, 2006.

Ткачева, Ткачев, 2008 –Ткачева Н.А., Ткачев А.А. Эпоха бронзы Верхнего Прииртышья. Новосибирск, 2008.

Фрибус, Грушин, 2015 – Фрибус А.В., Грушин С.П. Культурно-хронологические комплексы грунтового могильника Чумыш-Перекаат (предварительное сообщение по результатам работ 2014 г.) // Человек и север: антропология, археология, экология. Тюмень, 2015.

Фрибус, Грушин, 2017а – Фрибус А.В, Грушин С.П. Неолитический комплекс могильника Чумыш-Перекаат //Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда. Барнаул, 2017.

Фрибус, Грушин, 2017б – Фрибус А.В, Грушин С.П. Перья птиц в системе оформления неолитического костюма (по материалам могильника Чумыш-Перекаат на юге Западной Сибири // Записки Института истории материальной культуры РАН. СПб. №16.

Фрибус и др., 2018 – Фрибус А.В., Грушин С.П., Сайберт В.О., Трусова Е.В. Проблемы хронологии древних и средневековых комплексов могильника Чумыш-Перекаат в Западном Присалаирье // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Барнаул, 2018. Вып. 2.

П.К. Дашковский

СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И МИРОВОЗЗРЕНИЕ КОЧЕВНИКОВ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ СКИФСКОЙ ЭПОХИ КАК ПРЕДМЕТ ИЗУЧЕНИЯ В
ТВОРЧЕСТВЕ А.Д. ГРАЧА

Ключевые слова: кочевниковедение, научное наследие, А.Д. Грач, кочевники, социальная организация, мировоззрение.

В отечественном кочевниковедении советского периода выдающаяся роль принадлежит А.Д. Грачу – крупнейшему специалисту своего времени в области истории кочевников Центральной Азии (Дьяконова, Савинов, 1981. С. 28–35; Савинов, Длужневская, 1998. С. 7–9). В орбите его интересов была история кочевников Центральной Азии эпохи поздней древности и средневековья. При этом в рамках такого широкого направления особое внимание ученый уделял рассмотрению этнокультурных, социальных и религиозных процессов в скифскую эпоху. В данном сообщении планируется остановиться на особенностях рассмотрения ученым вопросов социогенеза и мировоззрения кочевников в скифскую эпоху.

В своих исследованиях А.Д. Грач исходил из того, что население Южной Сибири и сопредельных территорий представляло собой «широкую общность родственных этнических групп» (История Сибири, 1968. С. 228–229; Грач, 1971. С. 97). В этой связи археолог наметил дифференциацию кочевых обществ Центральной Азии, используя в реконструкции материалы археологических исследований различных регионов. Общей чертой стратификации номадных объединений скифского времени исследователь считал наличие трех социальных групп. В первую А.Д. Грач включил «царские погребения» пазырыкской культуры (Пазырык, Башадар, Туэкта), большие курганы алды-бельской культуры в Турано-Уюкской котловине, «царские» курганы в долинах Бесшатыр и Чиликты в Казахстане. Главным признаком археолог называл грандиозность насыпей и усыпальниц (Грач, 1975. С.161–164; 1980. С.46–47).

Вторую группу А.Д. Грач обозначил как погребения «родовой, дружинной аристократии». В ее состав входили погребения тасмолинской культуры в Казахстане, погребения пазырыкской культуры с сопроводительными захоронениями коней на Алтае, уступавшие по размерам и пышности большим Пазырыкским, погребения алды-бельской (VII–VI вв. до н.э.) и саглынской (V–III вв. до н.э.) культур в Туве, уступавшие «царским». То, что раньше подобные памятники приписывались рядовому населению, А.Д. Грач объяснял их ограбленностью и отличиями от «царских». Раскопки автора в Туве на могильниках Саглы-Бажи-II, IV, V, Хемчик-Бом-III, Дужерлинг-Ховузу-I, Даган-Тэли-I, в ходе которых были обнаружены богатые неограбленные захоронения, позволили исследователю обосновать существование такой категории, как «погребения аристократии» (Грач, 1975. С. 164–166; 1980. С. 47–48). Учитывая, что типология ученого была опубликована до выхода работ В.М. Массона, А.И. Тереножкина, Б.Н. Мозолевого, Г.Н. Курочкина, Е.П. Бунятян, Г.Ф. Генинга, А.С. Суразакова, посвященных или затрагивавших вопросы социальной типологии погребений кочевников, вычленение А.Д. Грачом данного социального слоя имело важное методологическое значение в отходе от упрощенных представлений о социальной структуре ранних кочевников. Третью группу составили захоронения «рядовых кочевников» и предполагаемых «рабов». Археолог вынужден был констатировать слабую изученность погребений третьей категории в центрально-азиатском регионе и поэтому не смог дать их полноценную характеристику (Грач, 1975. С.166; 1980. С. 48).

Достаточно полное исследование могильника Саглы-Бажи-II и в особенности анализ возрастных групп погребенных в саглынских срубках убедили ученого в господстве у номадов скифского времени «неразделенной семьи», состоявшей из двух поколений. Указывая на высокий социальный статус женщин у кочевников, А.Д. Грач пошел гораздо дальше других исследователей, отрицая в большинстве случаев факт «соумирания» женщин. Специальная

методика раскопок тувинских срубов продемонстрировала многоактность коллективных захоронений. Многоактными исследователь считал большинство парных и коллективных захоронений в «царских» курганах (Грач, 1975. С. 166–175; 1980. С. 48–56, 78). Антропологические данные и наблюдения автора за положением погребенных в саглыньских срубах, широкие этнографические параллели обозначили возрастное подразделение тувинского населения скифской эпохи: люди от 25 лет и старше; мужчины и женщины от 16 до 25 лет; подростки от 9 до 16 лет; дети от рождения до 7–8 лет (Грач, 1975. С.175; 1980. С. 56–57). Таким образом, А.Д. Грач одним из первых дал многокомпонентную характеристику социальной организации ранних кочевников центральноазиатского региона исключительно на основе археологических источников.

Не меньшего внимания заслуживают разработки А.Д. Грача в области изучения религиозного мировоззрения древних кочевников Центральной Азии. В своей обобщающей монографии по истории ранних кочевников Тувы, ученый представил отдельный параграф, посвященный верованиям и особенностям погребального обряда номадов. В результате своих научных изысканий кочевниковед сделал вывод о том, что погребения разных культур скифского времени в Центральной Азии отражают комплекс представлений, получивший в этнографии наименование идеи «живого мертвеца». Такая идея связана с верованиями в посмертное существование людей (Грач, 1980. С.75). Тем самым исследователь, вероятно, попытался показать влияние образа жизни и социально-экономических процессов на формирования религиозно-мифологических представлений древних обществ. Кроме того, он указал на сходство отдельных элементов в религиях номадов центрально-азиатского региона. В частности, общераспространёнными в этот период в кочевой среде были культ солнца, культ коня, культ Великой богини, комплекс анимистических представлений и т.д. (Грач, 1979. С.12-13; 1980. С. 62-76).

Отдельная попытка была предпринята А.Д. Грачом (1980. С. 62-76) по интерпретации семантики некоторых элементов погребального обряда (положение умершего человека в погребении), а также дана краткая характеристика мумификации у кочевников. Важно отметить, что А.Д. Грач указывал на существование определенных устойчивых мировоззренческих представлений, которые стали формироваться, очевидно, еще в скифскую эпоху, а затем сохранялись вплоть до этнографической современности. К их числу ученый относил представление о Великой богине, образ которой в скифское время запечатлен на антропоморфных подвесках из курганов саглынкской культуры и на ткани из Пазырыкских курганов. Аналогичные представления выявлены и в последующие периоды. Другим примером устойчивости мировоззренческих позиций является культ коня, отмеченный у разных кочевых народов как Центральной Азии, так и за ее пределами (Грач, 1980. С. 66-69, 73-74). В последующий период исследователями будет дополнительно рассмотрена роль лошади в религиозно-мифологической системе номадов Саяно-Алтая, в том числе и в контексте формирования устойчивого мировоззренческого комплекса, воплощенного в разных формах обряда (Боковенко, 1986; Нестеров, 1990; Дашковский, 2003; и др.).

А.Д. Грач (1980. С. 62-65) остановился и на проблеме синкретизма религии кочевников скифской эпохи. В частности, анализируя результаты исследования т.н. храма солнца – Улуг-Хорум, исследователь ставит вопрос о сущности «солнечной религии» номадов. Археолог обращает внимание на проблему влияния зороастризма на мировоззрение кочевников скифо-сакского круга. А.Д. Грач (1980. С. 64-65) проводит определенные параллели с «храмами солнца» саглынской культуры и процессами развития и распространения зороастризма. При этом он отметил, что первые могли быть посвящены персонифицированному солнечному божеству – Ахура-Мазде, Митре или синкретичному богу, сочетавшему черты двух выше указанных

сверхъестественных существ. Однако ученый понимал, что доказательств влияния зороастризма на религиозную систему носителей саглынской культуры недостаточно. В этой связи он справедливо делает вывод о том, что солярный культ номадов имеет индо-иранские истоки (Грач, 1980. С. 65).

Дальнейшее изучение проблемы синкретизма религии центрально-азиатских кочевников позволили внести дополнения и коррективы в разработки А.Д. Грача и других археологов, отмечавших влияние зороастризма (*Боковенко, 1996; Кузнецов, 2001; Дашковский, 2011; и др.*). Следует отметить также, что выявленный А.Д. Грачом т.н. храм солнца относится современными исследователями к такому типу памятников как керексуры. Несмотря на различные культурно-хронологические интерпретации, тем не менее, ряд специалистов связывают такой вид памятников именно с культом солнца (*Худяков, 1987; Скрынникова, 2000; и др.*). Кроме того, следует обратить внимание и на то, что Ахура-Мазда в зороастрийской традиции не являлся солнечным божеством. В религиоведении Ахура-Мазда всегда рассматривался как верховное божество, творец всего мира (*Дрезден, 1977; Бойс, 1994. С. 31-32; и др.*). В данном случае, А.Д. Грач, ссылаясь на мнение Б.А. Литвинского (1972), пытавшегося идентифицировать сведения о «солнечном боге» массагетов с Ахуро-Маздой, Митрой или синкретичным божеством, соединяющих черты вышеназванных мифологических персонажей. К моменту мировоззренческих исследований Б.А. Литвинского и А.Д. Грача зороастризм и другие иранские религии, были уже достаточно хорошо изучены и представлены в русскоязычной литературе (*Снесарев, 1960; Дьяконов, 1961; Луконин, 1977; Фрай, 1972; Дрезден, 1977; и др.*). Вероятно, ученые просто не акцентировали внимание на данный нюанс, стремясь уловить общую линию сопоставления мировоззренческих систем номадов с иранскими религиозными традициями.

Некоторые аспекты мировоззрения номадов археолог рассматривал через изучение произведений скифо-сибирского искусства (*Грач, 1972; 1980. С. 77-91;*

и др.). Исследователь пришел к выводу о том, что произведения искусства номадов отражают магические и тотемические представления. Так, например сцена терзания не только символизировала силу, жестокость, победу и славу, но и должна была содействовать победе над врагом (*Грач*, 1980. С. 83). Археолог не называл конкретных тотемов у древних кочевников Тувы. В то же время, апеллируя к разнообразным данными по верованиям традиционных обществ, кочевниковед тем самым, очевидно, полагал, что каждый животный образ скифского искусства мог олицетворять тот или иной тотем. Ученый активно привлекал не только этнографические источники, преимущественно по тюркоязычным кочевым народам Центральной Азии, а также материалы по истории религий народов Ирана, Ближнего Востока и Китая. В целом, в методологическом и методическом аспектах исследование А.Д. Грача построено на традиционных для того периода времени принципах эволюционализма и сравнительных историко-этнографических исследованиях, хотя он был знаком уже и с разработками Д.С. Раевского (1977) в области мировоззренческих реконструкций, основанных на структурно-семиотическом подходе.

Таким образом, А.Д. Грач на основе анализа археологического материала представил направления социальных и мировоззренческих реконструкций социальных отношений и мировоззрения номадов. Дальнейшие исследования в указанных направлениях в определенной степени опирались на методический подход, и выводы ученого, хотя и были существенно дополнены с учетом расширения источниковой базы и новых методологических подходов к исследованию.

Бойс, 1994 – Бойс М. Зороастрийцы. Верования и обычаи. СПб., 1994.

Боковенко, 1986 – Боковенко Н.А. Начальный этап культуры ранних кочевников Саяно-Алтая (по материалам конского снаряжения). Автореферат дис. к.и.н. Л., 1986.

Боковенко, 1996 – Боковенко Н.А. Проблема реконструкции религиозных систем номадов Центральной Азии в скифскую эпоху // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. СПб., 1996.

- Грач, 1971* – Грач А.Д. Новые данные о древней истории Тувы // УЗ ТНИИЯЛИ. Кызыл, 1971. Вып. XV.
- Грач, 1972* – Грач А.Д. Произведения скифо-сибирского звериного искусства в пределах этнокультурных зон азиатских степей // Третья Всесоюзная конференция по вопросам скифо-сарматской археологии (скифо-сибирский звериный стиль). М., 1972.
- Грач, – Грач А.Д.* Принципы и методика историко-археологической реконструкции форм социального строя (по курганным материалам скифского времени Казахстана, Сибири и Центральной Азии) // Социальная история народов Азии. М., 1975.
- Грач, 1979* – Грач А.Д. Культ великой богини в Центральной Азии // Краткое содержание докладов среднеазиатско-кавказских чтений. Л., 1979.
- Грач, – Грач А.Д.* Древние кочевники в центре Азии. М., 1980.
- Дашковский, 2003* – Дашковский П.К. Лошадь в религиозно-мифологической системе номадов Горного Алтая VI-II вв. до н.э. // Археология и этнография Алтая. Горно-Алтайск, 2003. Вып. 1.
- Дашковский, 2011* – Дашковский П.К. Мироззрение кочевников Саяно-Алтая и сопредельных территорий поздней древности и раннего средневековья (отечественная историография и современные исследования). Барнаул, 2011.
- Дрезден, 1977*– Дрезден М. Мифология древнего Ирана // Мифология древнего мира. М., 1977.
- Дьяконов, 1961* – Дьяконов М.М. Очерк истории Древнего Ирана. М., 1961.
- Дьяконова, Савинов, 1981* – Дьяконова В.П., Савинов Д.Г. А.Д. Грач – исследователь Центральной Азии // Краткое содержание докладов среднеазиатско-кавказских чтений. Ноябрь 1981 г Л., 1981.
- История, 1968* – История Сибири. Л., 1968. Т. I.
- Кузнецов, 2001* – Кузнецов Б.И. Бон и маздаизм. СПб., 2001.
- Литвинский, 1972* – Литвинский Б.А. Древние кочевники «Крыши мира». М., 1972.
- Луконин, 1977* – Луконин В.Г. Искусство древнего Ирана. Л., 1977.
- Нестеров, 1990* – Нестеров С.П. Конь в культурах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху средневековья. Новосибирск, 1990.
- Раевский, 1977* – Раевский Д.С. Очерки идеологии скифо-сакских племен. Опыт реконструкции скифской мифологии. М., 1977.
- Савинов, 1998* – Савинов Д.Г., Длужневская Г.В. Этапы жизни ученого // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. СПб., 1998.
- Скрынникова, 2000* – Скрынникова Т.Д. Семантика херексурсов // История и археология Дальнего Востока. Владивосток, 2000.
- Снесарев, 1960* – Снесарев Г.П. Маздеическая традиция в погребальном обряде народов Средней Азии // XXV Международный конгресс востоковедов. М., 1960.

Фрай, 1972 – Фрай Р. Наследие Ирана. М., 1972.

Худяков, 1987 – Худяков Ю.С. Керексуры и оленные камни // Археология, этнография и антропология Монголии. Новосибирск, 1987.

Ю.И. Елихина

**КОЛЛЕКЦИЯ В.Л. КОТОВИЧА ИЗ ГОРОДИЩА ХАРА-БАЛГАСУН,
ХРАНЯЩАЯСЯ В ГОСУДАРСТВЕННОМ ЭРМИТАЖЕ**

Владислав Людвигович Котович (20.03.1872–3.10.1944) — русский и польский востоковед. Окончил в 1895 г. Петербургский университет и был оставлен на кафедре.

Городище Хара-Балгасун («чёрный город») — древняя столица Уйгурского каганата в VIII—IX вв., называвшаяся также Орду-Балык («столичный город») или Балыклык, расположено на территории Монголии, на левом берегу реки Орхон. Этот город был основан примерно в 715 г. уйгурским ханом Пейло. Столица уйгуров имела чёткую планировку, в ней были построены многоэтажные здания, крепость, дворец и другие сооружения. От некогда укрепленного города остались руины укрепленной части столицы и следы городских кварталов. Крепость в плане была почти квадратной, в ней находились несколько ворот и много башен. Стены ее были сложены из необожженного кирпича, для укрепления кладки применялись горизонтальные деревянные связки, уложенные через каждые пять рядов кирпича.

В городе были каменные стелы с тюркскими и уйгурскими письменами, каменные изваяния животных. К юго-западу от крепости располагался торговоремесленный центр. Вода к городу подводилась арыками, следы которых сохранились до настоящего времени (*Майдар*, 1981. С. 55).

В эпоху раннего средневековья важную роль в политической, военной и этнокультурной истории Центральной Азии играли сначала тюрки, а затем уйгуры. Уйгуры входили в состав Тюркского каганата (VI-VIII в.в.). С 745 г. на территории Монголии образовался Уйгурский каганат, который в 840 г. был разгромлен енисейскими кыргызами. Последние захватили столицу уйгуров, Хара-Балгасун, и до начала X в. господствовали в центре Азии. В X в.

господство в степях Монголии перешло к киданям, выходцам из Южной Маньчжурии. Образованное ими государство Ляо в начале XII в. распалось под ударами чжурчжэней и китайцев.

Хара-Балгасун был обнаружен в 1871 г. российским путешественником И.О. Падериным, затем описан в 1889 г. Н.М. Ядринцевым, в 1891 г. В.В. Радловым и Д.А. Клеменцем. Раскопки проводились в 1949 г. совместной советско-монгольской археологической экспедицией под руководством С.В. Киселева.

В 1912 г. В.Л. Котвич был в Монголии. При его участии был открыт в развалинах Хара-Балгасуна орхонский памятник. Экспедиция В.Л. Котвича работала в Хара-Балгасуне в течение всего одного месяца, в августе 1912 г. Вероятно, экспедиция собирала преимущественно подъемный материал. В.Л. Котвичем был написан краткий отчет о поездке и находках (*Котвич*, 1914. С. VI-VII). Предметы были переданы в МАЭ, где они находились до 1931 г., затем находки передали в Государственный Эрмитаж.

Коллекция находок, происходящих с территории уйгурского городища Хара-Балгасун, насчитывает 89 предметов. К ним относятся фрагменты надписей на камнях, архитектурные фрагменты, буддийские терракотовые образки (тиб. tsha-tsha) и миниатюрные субурганы, железные и чугунные предметы, керамика, фрагменты дерева, кости животных и железный шлак. Эта коллекция не публиковалась и до сих пор не введена в научный оборот.

Надписей на камнях сохранилось восемь: три надписи выполнены руническим письмом, пять – согдийским.

В развалинах уйгурской столицы был обнаружен гранитный памятник, поставленный в честь уйгурского кагана Бас-и (808-821 гг.), с надписями на трех языках: китайском, уйгурском (орхонским алфавитом) и согдийском. Дело в том, что уйгурские ханы привлекали к строительству городов и крепостей согдийских архитекторов и строителей. Фрагменты согдийской надписи имеются и среди

находок В.Л. Котвича. Причем два фрагмента соединяются между собой, судя по надписи.

В 1949 г. находки гончарной керамики и черепицы в ходе раскопок на площади города и крепости Орду-Балыка были обнаружены С.В.Киселевым. Эти находки позволили установить синхронность и принадлежность к уйгурской культуре развалин жилых кварталов, крепости и цитадели Орду-Балыка (Киселев, 1957. С. 94-95). Типичными для уйгурского времени являются концевые диски черепицы с растительным орнаментом. Подобная черепица была найдена в разных местах, в том числе и в Пор-Бажыне в Туве.

В 1976 г. сборы гончарной керамики на площади Орду-Балыка проводил Д. Цэвээндорж. В 1979 г. такие сборы были проведены Д. Цэвээндоржем и Ю.С. Худяковым. Результаты этих работ были опубликованы в 1982 г. (Худяков, Цэвээндорж, 1982. С. 87-93). Были выделены различные формы уйгурской гончарной посуды, и характерные элементы ее орнаментации. Большую часть находок из коллекции В.Л. Котвича составляют фрагменты керамики.

Фрагменты уйгурской гончарной керамики были обнаружены В.Е. Войтовым в ходе раскопок поминальных сооружений рядовых кочевников уйгурского времени на памятнике Бага-Арцат-Ам, расположенном на левом берегу р.Орхон, в окрестностях Орду-Балыка. В Туве подобные фрагменты найдены на нескольких городищах, которые функционировали в период Уйгурского каганата (Худяков, 1989. С. 145).

Таким образом, керамика уйгурского времени хорошо изучена и опубликована. Находки В.Л. Котвича представляют собой типичные образцы. В большинстве случаев тулово сосудов украшалось штампованным орнаментом. По мнению большинства исследователей, уйгуры изготавливали и тарную, и кухонную, и столовую посуду на гончарном круге. В середине IX в. после разгрома Уйгурского каганата, разрушения и сожжения Орду-Балыка, уничтожения других ремесленных центров кыргызами уйгурская традиция в

изготовлении гончарной керамической посуды была полностью утрачена. Изготовление керамической посуды с помощью гончарного круга и отработанной технологии в кочевых культурах Центрально-азиатского историко-культурного региона справедливо считается важным показателем высокого уровня гончарного ремесленного производства.

К буддийским находкам В.Л. Котвича, происходящим с территории Хара-Балгасуна, относятся образки (ца-ца), миниатюрные субурганы и архитектурный фрагмент субургана.

Таким образом, коллекция В.Л. Котвича требует изучения и введения в научный оборот.

Киселев, 1957 – Киселев С.В. Древние города Монголии // Советская археология, 1957. С. 92–101.

Котвич, 1912 – Котвич В.Л. Поездка в долину Орхона летом 1912 г. // ЗВОРАО. 1914. Т. XXII. Вып. 1–2. С. VI–VII.

Майдар, 1981 – Майдар Д. Памятники истории и культуры Монголии. М: Мысль, 1981.

Худяков..., 1982 – Худяков Ю.С., Цэвээндорж Д. Керамика Орду-Балыка // Археология Северной Азии. Новосибирск: Издательство «Наука» СО, 1982. С. 85–94.

Худяков, 1989 – Худяков Ю.С. К истории гончарной керамики в Южной Сибири и Центральной Азии // Керамика как исторический источник. Новосибирск: Издательство «Наука» СО, 1989. С. 134–152.

М.Е. Килуновская

**НАСКАЛЬНЫЕ РИСУНКИ НА ЮГЕ ТУВЫ (ИССЛЕДОВАНИЯ А.Д.ГРАЧА И
СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПАМЯТНИКОВ)**

Ключевые слова: Тува, Убсу-Нурская котловина, Южный Торгалык, Саглы, петроглифы

Первые крупномасштабные исследования наскальных рисунков на юге Тувы были проведены А.Д. Грачом в 1953 и 1955 годах, когда он работал в составе Саяно-Алтайской экспедиции Института этнографии АН СССР. В 1953 г. им были обнаружено 5 пунктов с петроглифами в Бай-Тайге и Барун-Хемчике: Чуруктуг-Кырлан, Чуруктуг-Малдыг-Хая, Биче-Хая, Теве-Хая и обследованы писаница Бижиктиг-Хая, Ээрбекские скалы и Хая-Ужу (*Грач*, 1954; 1955; 1957). Последние три памятника были на тот момент единственными известными в Туве. В 1955 г. А.Д.Грач исследовал 26 пунктов: 3 в Монгун-Тайге и 23 в Овьюре (в Хандагайтинской котловине в долине р.Хорумнуг-Ой, которые представляют собой часть Убсунурской котловины и ограждены отрогами Западного Тану-Ола) (*Грач*, 1958). Публикация А.Д.Грача была первой обобщающей работой по наскальному искусству Тувы. Впервые он обратился к вопросам датировки наскальных рисунков, опираясь на аналогии с четко датированными памятниками из могильных и поселенческих комплексов. Он определил критерии выделения памятников скифского, тюркского и монгольского времени. Им же были освящены и вопросы семантики рисунков на скалах. В основу его интерпретации была положена идея тотемизма (*Грач*, 1957, 1958, 1980). Одновременно с его исследованиями были опубликованы наблюдения зоолога Р.Л.Потапова, который определил виды животных, изображенных на скалах, и пришел к выводам о распространении на юге Тувы диких лошадей, верблюдов и яков, на основании чего приходит к выводу об изменении климата, который сейчас стал более засушливым. По его мнению, например, в Монгун-Тайге и

Овьуре было много больше лесов, в которых водились дикие звери (*Потанов, 1957, 1958*).

В 2009 и 2010 годах нами проводился мониторинг объектов культурного наследия Тувы, целью которого было проследить степень сохранности уже известных памятников, и поиск новых. В Овьюрском кожууне Республики Тыва обследовались местонахождения наскальных рисунков, которые А.Д.Грач обозначил как Овьур I-XXIII и 1, но к сожалению он не представил планов памятников, подробной карты региона и прорисовок рисунков, однако им были сделаны очень подробные описания местонахождений и высококачественные фотографии. Благодаря этому мы смогли отождествить большую часть памятников и оценить степень их сохранности. Мы зафиксировали пункты Овьур V-XII, XIV-XXI (рис.1). Остальные мы не нашли. Однако на подъезде к Овьурам на южных склонах мелкосопочника, выходящего на оз.Убсу-Нур в 3 км к СВ от пос.Ханадагайты, нами было обследовано пять местонахождений наскальных рисунков: Кызыл-Тейлер 1-4 и Ак-Тырык, на которых выявлено около 70 плоскостей с более 300 рисунками, относящимися к скифскому, гунно-сарматскому и кыргызскому времени. Открытием было местонахождение петроглифов напротив могильника Саглы на левом берегу р.Саглы около аржаана Адарган. Петроглифы находятся вокруг аржаана. Все рисунки выбиты на отдельно лежащих валунах серого цвета, которые разбросаны по всему склону горы до средней вершины и датируются эпохой бронзы - скифским временем. Представлен целый комплекс с оленями в монголо-забайкальском стиле (*Килуновская, 2011, 2012*). В эти же годы мы начали исследования около пос.Торгалык (Дус-Даг) на памятниках Кара-Туруг (рис.2) и Мортук (рис.3), которые продолжали и в 2018 г. (*Килуновская, 2018. С.35-54*).

Нужно отметить, что очень большое количество плоскостей с наскальными изображениями в Овьуре находится под угрозой уничтожения (рис.4). Скалы очень сильно разрушаются, расслаиваются и зарастают

лишайниками. Обломки скал с петроглифами находятся под плоскостями с рисунками. Необходимо разработать детальный план по спасению памятников древнего искусства и продолжать работы по их фиксации и публикации.

Исследование проведено в рамках выполнения программы фундаментальных научных исследований государственных академий наук по теме государственной работы: №0184-2018-0009 «Взаимодействие древних культур Северной Евразии и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV тысячелетие до н. э. – I тысячелетие до н. э.)»

Грач, 1954 – Грач А.Д. Обследование археологических памятников Западной Тувы // УЗ ТНИИЯЛИ. 1954. Вып. II. С.155-168.

Грач, 1955 – Грач А.Д. Археологические исследования в Западной Туве // Краткие сообщения Института этнографии. Вып.23. М.-Л. 1955

Грач, 1957 – Грач А.Д. Петроглифы Тувы. I (проблемы датировки и интерпретации, этнографические традиции) // Сборник МАЭ. Вып. XVII. 1957. С.385-460

Грач, 1958 – Грач А.Д. Петроглифы Тувы II (публикация комплексов, обнаруженных в 1955 г.) // Сборник МАЭ, вып. XVIII, М.-Л. 1958. С.339-384.

Грач, 1980 – Грач А.Д. Вопросы изучения петроглифов Тувы // Новейшие исследования по археологии Тувы и этногенезу тувинцев. Кызыл, 1980. С.119-130.

Килуновская, 2011 – Килуновская М.Е. Новые петроглифы на южном склоне восточного Танну-Ола в Туве // Археология Южной Сибири. Вып.25. Кемерово. 2011. С.86-91.

Килуновская, 2012 – Килуновская М.Е. Мониторинг археологических памятников Республики Тыва // Археологические памятники России: охрана и мониторинг. Группа археологического мониторинга ИИМК РАН (2001–2010). СПб. 2012 С.102-176.

Килуновская, 2018 – Килуновская М.Е. Археологические памятники на границе Тувы и Монголии (проблемы культурной принадлежности и хронологии)// Научное обозрение Саяно-Алтая. № 1 (21), 2018. Серия: Археология. Выпуск 5. Абакан. 2018. С.35-54.

Потапов, 1957– Потапов Р.Л. К истории фауны Центральной Азии. (О наскальных изображениях животных в Туве) // Сборник МАЭ, вып. XVII, М.-Л.1957. С.429-431..

Потапов, 1958 – Потапов Р.Л. О некоторых наскальных изображениях, обнаруженных в горах Танну-Ола и Монгун-Тайга // Сборник МАЭ, вып. XVIII, М.-Л.1958. С.385-389.

Рис.1 Местонахождение петроглифов Овюр: 5 – Овюр XVI; 6 - Овюр XV; остальное Овюр XII.

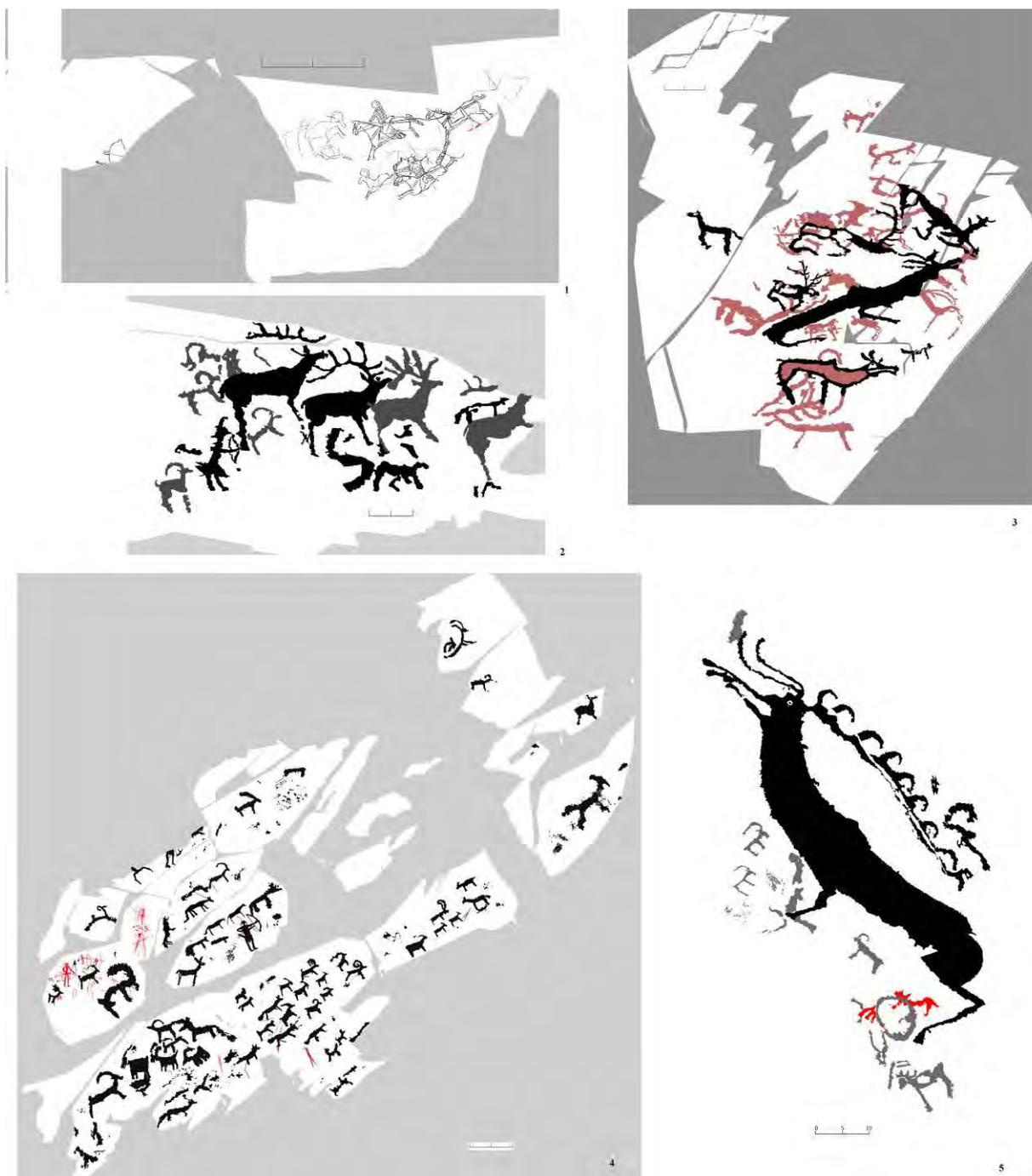

Рис.2 Местонахождение петроглифов Кара-Туруг 1: 1 – плоскость 17 – 20; 2 – плоскость 6 – 3; 3 – плоскость 6 – 3; 4 – плоскость 5 – 1; 5 – плоскость 7 – 1

Рис.3 Местонахождения петроглифов Мортук 1 (1, 3) и Мортук 2 (2)

Рис.4 Разрушение скал на местонахождении петроглифов Овюр XII.

В.А. Кисель

ЗВЕРИНЫЙ СТИЛЬ КУРГАНА АРЖАН-2

Ключевые слова: курган Аржан-2, VII в. до н.э., древние кочевники, звериный стиль, мастерская

Находки из погребально-поминального памятника Аржан-2 (вторая половина VII в. до н.э.) представляют собой ценнейший источник по культуре и искусству древних кочевников. Среди них множество предметов украшено изображениями, выполненными в русле скифского звериного стиля. При этом фигуры животных отличаются друг от друга художественными особенностями.

К.В. Чугунов, исследовав аржанское собрание, разделил вещи по декору на 4 группы: I – тяготеющие к раннескифскому искусству казахстанско-центральноазиатского региона, II – близкие к архаической скифо-сибирской петроглифике, III – с фигурами, отмеченными «запятювидными знаками», IV – с явным доминированием орнаментальных элементов (Чугунов, 2011. С. 39-44). Стройное на первый взгляд деление при внимательном рассмотрении вызывает сомнения, поскольку изящные фигуры лошадей и оленя на «царских» головных уборах вошли в одну группу со схематичными рыбами на сбруе, а сходные изображения на обруче гривны и стержнях шпилек оказались в разных группах.

На наш взгляд, находки из Аржана-2 распадаются на три стилистических комплекса. Изделия I комплекса отделаны фигурами в условно «безыскусственном» зверином стиле. Его образы немногочисленны – кошачий хищник, кабан, архар. Они представлены изолированно в стандартных позах (кошачий хищник – стоя или лежа с вытянутыми вперед лапами, кабан и архар – стоя на кончиках копыт, лежа с подогнутыми ногами, лежа с вытянутыми вперед ногами). Изображения имеют отличительные черты: у хищников – округлая форма глаз и ушей, укороченные пальцы, у травоядных животных – миндалевидная форма глаз. Специфическим признаком, за единственным исключением, служит отсутствие у архаров рифления на рогах.

Предметы II комплекса покрыты изображениями в «изысканном» зверином стиле. В число персонажей входят: кошачий хищник, олень, архар, джейран (?), горный козел, кабан, лошадь, зебу, верблюд, неопределимые безрогие копытные, хищная птица. Они редко показаны изолированно и чаще всего входят в сложные композиции. Животные выделяются разнообразием поз (кошачий хищник – стоя или лежа с вытянутыми вперед лапами, с вывернутым крупом или полусвернуто, когда задняя стопа помещена на бедро, олень – стоя на кончиках копыт, лежа с подогнутыми или вытянутыми вперед ногами, архар, джейран (?) и горный козел – лежа с подогнутыми или вытянутыми вперед ногами, с вывернутым крупом, лошади, зебу и верблюд – лежа с подогнутыми ногами, кабан – лежа с вытянутыми вперед ногами, хищная птица – сидя с повернутой назад головой). Характерными деталями служат: у хищников – преимущественно каплевидная форма глаз и ушей, у травоядных животных – миндалевидная и каплевидная форма глаз и ушей. Рога у архаров и джейранов (?), за единственным исключением, имеют рифление. В «изысканном» стиле сочетаются экспрессия и декоративность. Орнаментальными элементами выступают: изогнутая капля и «сложный завиток» (фигура в виде изогнутой капли или буквы «S», дополненная закругленными или заостренными выступами).

Вещи III-его комплекса декорированы в «имитационном» зверином стиле. Его образы во многом совпадают со II комплексом, правда, отсутствуют горный козел, лошадь, зебу, верблюд, но появился волк (?). «Имитационный» стиль характеризуется орнаментализмом. Главным орнаментальным элементом является завиток из трех дуг, сходящихся в одной точке.

Очевидно, I комплекс отразил самобытное искусство древних кочевников, а II комплекс продемонстрировал овладение степняками художественных достижений других культур. Вместе с тем фигуры обоих комплексов восходят к общей художественной основе и имеют признаки одного из вариантов раннего

звериного стиля. Так, у оленей показаны извивающиеся рога, а у кошачьих хищников – крупные пальцы, оскаленная пасть и закрученный конец хвоста. В тот же хронологический период на других произведениях древних кочевников рога оленей изображались с S- или дуговидными отростками, а стопы и окончания хвостов кошачьих хищников передавались в форме кружка или кольца. Изображения I и II комплексов имеют близкие подобия в древнекочевнических памятниках Казахстана. Однако уверенно сопоставить их с какой-либо конкретной художественной школой нельзя. Основной причиной служит редчайшая особенность II комплекса – наличие фигур животных с вывернутым крупом. Для звериного стиля VII в. до н.э. это уникальная черта. Кроме Аржана-2, подобное, пожалуй, известно только в мог. Байке-2, к. 7 (Казахстан) на костяном футляре с «загадочной картинкой», где у джейрана (?) вывернут круп (*Казахстан...* 2017. С. 67, рис. 14, 1, цв. вклейка, фото 1, 5). На аржанских же предметах в такой позе представлены не только копытные, но и кошачий хищник. Это указывает на полное освоение и свободное применение нового мотива мастерами II комплекса.

Творцами III комплекса стали ювелиры, не принадлежавшие к древнекочевническому миру. Они могли быть представителями культур Китая и Синьцзяна, работавшими по заказу кочевников. По всей видимости, эти мастера трудились вместе с создателями II комплекса, на что указывает не только большинство общих образов, но и единый специфический признак травоядных – продольное разделение голов за счет продолжения линии рта до глаза. Такое могло произойти только в том случае, если мастера тесно общались и перенимали изобразительные приемы друг у друга. Лучшим местом для этого являлась литейно-ювелирная мастерская, находившаяся при ставке вождя кочевников либо в подконтрольном ему земледельческом поселении.

Должно быть, курган Аржан-2 был сооружен представителями политического образования, по культуре родственного кочевникам Казахстана,

но вполне самостоятельного. У этого племенного объединения нашлись возможности для организации интернациональной мастерской, работавшей на высшую знать и создавшей собственный вариант звериного стиля.

Казахстан... 2017 – Казахстан в сакскую эпоху. Алматы, 2017.

Чугунов, 2011 – Чугунов К.В. Искусство Аржана-2: стилистика, композиция, иконография, орнаментальные мотивы // Европейская Сарматия. СПб., 2011.

С.В.Красниенко

АНДРОНОВСКИЕ МОГИЛЬНИКИ НА СЕВЕРЕ МИНУСИНСКОЙ КОТЛОВИНЫ: ЛАНДШАФТНЫЙ КОНТЕКСТ И ПЛАНИГРАФИЯ

Памятники андроновской археологической культуры (АК) открыты на огромной территории от Каспийского моря до Среднего Енисея и от Южного Урала до Копетдага. Но название своё эта культура получила по случайно обнаруженному в Назаровской котловине практически разрушенному могильнику (1914 г.).

За прошедшие с этого события более чем 100 лет только в "большой" Минусинской котловине были исследованы путём раскопок более 50 (к 1986 году - 36 по данным Э.Б.Вадецкой) в основном погребальных памятников. И это на территории небольшой окраинной "провинции" андроновской АК (или "культурной общности" по А.А.Формозову). Однако, даже это небольшое для Южной Сибири количество памятников и полученная информация послужили основой для большого количества публикаций.

Север Минусинской котловины - Назаровская котловина - за последние годы также внёс свой вклад в формирование и развитие карты памятников андроновской АК. Уже после выхода универсальной книги Э.Б.Вадецкой (1986) количество выявленных памятников превысило 40. В числе этих памятников 12 могильников, из которых 11 подверглись раскопкам.

Полученный информационный массив позволил сделать наблюдения или закрепить уже сделанные выводы о закономерностях функционирования погребальных памятников этой эпохи. Прежде всего, это касается наблюдений о ландшафтной приуроченности древних кладбищ.

Как отмечают исследователи андроновских могильников в Минусинской котловине, все могильники расположены на берегах водоёмов. Это наблюдение справедливо и в отношении памятников Назаровской котловины. Часть могильников здесь - Инголь, Кошколь, гора Явал-Таг/Сухое озеро, Болото -

расположены на берегах озёр, в непосредственной близости от уреза воды. Остальные - Андронов, Орак /Могильник у Красной горы, Косоколь, Кадат IX, Ашпыл, Развилка II, Татарка, Водохранилище - расположены на берегах рек или ручьёв, которые, возможно, когда-то были реками. Важно отметить, что вторая группа располагается на бóльшем расстоянии от воды, чем первая. Такое взаимодействие андроновских памятников (не только могильников, но и поселений) с водоёмами может косвенно свидетельствовать о относительно засушливом климате в этот период. В пользу такого вывода свидетельствуют и результаты исследования, проведённого методом геохимической индикации ландшафтно-климатических условий (М.А.Кулькова, С.В.Красниенко 2010).

Планиграфические наблюдения были получены на более ограниченном материале. Наибольшее число погребений было исследовано при раскопках могильников Ораки, Ашпыл, Кошколь, Косоколь. Здесь удалось выявить некоторые закономерности в расположении погребальных комплексов. Могила располагались рядами, вдоль береговой линии водоёмов. Менее отчётливо этот принцип соблюден в могильнике Ашпыл.

Э.Б.Вадецкая обобщила основные особенности андроновских могильников: сложность атрибутирования до раскопок, стратиграфическое соотношение с предшествующим и последующими археологическими культурами. В полной мере эти явления присутствуют и в андроновских могильниках Назаровской котловины. В частности, андроновские погребения памятников Ашпыл и Кошколь были открыты благодаря исследованиям тагарских могильников. Особенностью лесостепных районов является слабое присутствие карасукско-ирменского и синхронного компонентов, в частности, открытие погребений этого времени только на юге Назаровской котловины (Орак III).

Заключая вышеизложенное, можно сделать вывод, что дальнейший поиск погребальных памятников андроновской АК тесно связан с раскопками тагарских могильников ранних этапов.

В. Ю. Крюкова

МИФ О ЙИМЕ (ВИДЕВДАТ 2): КОНТЕКСТ И АВЕСТИЙСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Ключевые слова: Авеста; Видевдат; Йима; мифология

При составлении авестийского Видевдата компиляторы поместили в число его *фрагардов*, глав, эпизоды мифа о Йиме, первом иранском правителе, получившем от верховного божества чудесные орудия, трижды расширившем обитаемую иранцами землю, построившем крепость-Вар для сохранения избранных людей и животных во время природного катаклизма.

Долгое время Видевдат оставался в глазах исследователей сводом жреческих правил, касающихся, в первую очередь, обрядов ритуальной чистоты и похоронно-поминального цикла. Еще Дармстетер в предисловии к своему переводу Видевдата отмечал, что главы, имеющие отношение к мифологии, не соответствуют общему содержанию этого памятника, а некоторые из них уместнее было бы выделить в отдельное собрание (*Darmesteter, 1887*). Постепенно, особенно после выхода статьи Шерве в очередном выпуске «The Idea of Iran» (*Skjaervo, 2007*), это представление стало меняться.

Авестийский Видевдат сложно назвать цельным произведением – фрагменты и отдельные пассажи неоднородны, содержат повторы и не всегда объяснимые глоссы. Тем не менее, представляется, что древние компиляторы, пусть даже используя различные источники, преследовали цель формирования единого корпуса, и именно то, что сегодня можно было бы назвать мифологической основой, составило стержень, объединивший различные тексты и темы Видевдата. Именно в этом контексте следует рассматривать повествование о Йиме (Видевдат 2).

При обращении к содержанию Видевдата как правило основное внимание уделяется конкретным описаниям обрядов, которые рассматриваются как ритуалы, направленные против демонов, о чем свидетельствует и название памятника. Тем не менее, следуя мифологическому контексту, можно назвать

одну из наиболее общих тем Видевдата, а именно тему *земли* в самом широком спектре значений. Так, первый фрагард посвящен перечислению зороастрийских земель – и именно он задает тон всему памятнику; во втором фрагарде излагается миф об устроении земли Йимой и строительстве бункера на время природного катаклизма, опустошившего землю. Третий фрагард полностью посвящен земле, открывая циклы глав, имеющих дело с ритуальными очищениями, в том числе связанными с осквернением земли. Один из последних фрагардов обращается к водам и небесному свету, отсылая нас к истории о самоосвещенном светом Варе Йимы, снабженного водными источниками. Таким образом, содержание памятника охватывает тему важнейших зороастрийских стихий – земли, воды, воздушного пространства.

Идея трехчастного строения мира, изложенная в истории Йимы, находит параллели в других авестийских насках и фрагардах самого Видевдата, например, при описании ям для совершения омовений, которые сооружаются группами по три. Или в описании территории, пробегаемой человеком, осквернившимся мертвечиной – она также состоит из трех участков, а именно трех кругов, при этом степень оскверненности согрешившего уменьшается при приближении к населенному пункту, месту концентрации праведности и ритуальной чистоты (Видевдат, фрагард 8). В мифе о Йиме тройное увеличение обитаемой земли, помимо прочего является преамбулой к строительству трехчастной конструкции, Вара. Сооружение должно стать укрытием для праведников во время наступления природного катаклизма (в иранской традиции это зима). Структура Вара, а именно три концентрических круга, обычно рассматривается как фигура на плоскости, ее описанию и соотнесению с известными археологическими памятниками посвящена обширная литература. Тем не менее, Э. Пирарт обратил внимание на то, что авестийские слова, использованные в описании трехчастного Вара Йимы, отражают не плоскостную модель, а последовательность «этажей» (*Pirart, 2007. P. 165; Крюкова, 2008. С.*

21-23). В 14-ом фрагарде Видевдата имеется аллюзия этого сооружения, опосредованно также связывающая его с обителью праведников на небесах, упомянутой в авестийских Яштах. Видевдат 14.14 повествует о строительстве (во искупление греха убийства выдры, обеспечивающей плодородие – снова тема, связанная с землей) сходного с Варом Йимы «дома со скотным хлевом» и «прекрасно расстеленными ложами», происхождение которых восходит к описанию райских чертогов Аши и Ардви Суры Анахиты (Крюкова, 2012. С. 166-178).

Обители праведников, описанные в авестийских Йаштах, посвященных Ардви Суре Анахите (Йашт 5) и Аши (Йашт 17, который во многом послужил образцом при составлении пятого Йашта), отчасти возвращают нас к древнеиранской картине мира с неким домом или крепостью в центре, представленной Фравардин-Йаштом: водные источники Ардви Суры стекают с вершины гор многочисленными протоками, рядом с каждым из которых стоит «прекрасный дом» (Йашт 5. 101-102), снабженный многочисленными окнами и колоннами. Очевидно, эта аллюзия не случайна. Именно домом, «Домом песнопений» называет рай Заратуштра, противопоставляя его аду – «Дому лжи».

Вар, построенный Йимой, снабжен единственным «окном»-дверью, «самоосвещающим изнутри» световым окном. Вероятно, о таком же сооружении идет речь в Йасне, когда описывается тысячеколонный небесный дворец божества послушания Сраоши, расположенный на вершине Хараити, который «самоосвящен изнутри, звездами покрыт снаружи» (Йасна 57.21) (Крюкова, 2008. С. 21-22).

Крюкова, 2008 – Крюкова В. Ю. Представления о смерти как осквернении в зороастризме // Центральная Азия. Традиция в условиях перемен. СПб., 2008. Вып. II. С. 21-47.

Крюкова, 2012 – Крюкова В. Ю. Восстановление утраченного мира как искупительная жертва (Видевдат 14) // Жертвоприношение в архаике: атрибуция, назначение, цель. СПб., 2012. (Теория и методология архаики; вып. 5). С. 166-178.

Darmesteter, 1887 – Darmesteter J. The Zend-Avesta. Part I. The Vendidad. Oxford University Press, 1887.

Pirart, 2007 – Pirart É. Georges Dumézil face aux démons iraniens.P., 2007.

Skjaervo, 2007 – Skjaervo P. O. The Videvdad: Its Ritual-Mythical Significance // The Age of the Parthians, The Idea of Iran 2, London and New York, 2006 [2007]. P. 105-41.

А.И. Куулар

**СУДЬБА ОДНОГО ИЗВАЯНИЯ ИЗ ТУВЫ, ИССЛЕДОВАННОГО А. Д.
ГРАЧОМ**

Первым и единственным до сих пор обобщающим исследованием по каменным изваяниям Тувы является книга А.Д. Грача «Древнетюркские изваяния Тувы» (1961). В основу работы А. Д. Грача были положены результаты полевых исследований Саяно-Алтайской экспедиции и Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции Института этнографии АН СССР в период с 1953 по 1960 г.

Одно из 58 исследованных А. Д. Грачом на территории Тувы изваяний – изваяние №37, найденное в Овюрском районе (Грач, 1961. С. 41, рис. 73) (рис. 1), имеет удивительную судьбу.

Рис. 1. Изваяние №37 из Овюрского района [по: Грач, 1961, с. 41, рис. 73].

Это средневековое изваяние было обнаружено на правом берегу р. Ортаа-Халыын, в 3 км от поселка Саглы Овюрского района.

Изваяние представляет собой поясное изображение мужчины с сосудом в правой руке и оружием в левой. Такая позиция рук и атрибуты свойственны изваяниям древнетюркской традиции. На макушке головы изваяния выделен головной убор, на лице показаны большие миндалевидные глаза, надбровья совмещенные с носом, объемно моделированные скулы, заостренный подбородок. Сосуд, помещенный между большим и указательным пальцами имеет форму кувшина-кружки, пальцы рук детализированы. Под поясом горизонтально изображено клинковое оружие в ножнах.

Изваяние №37, по мнению А. Д. Грача, является «одним из самых выразительных древнетюркских изваяний Тувы» (Грач, 1961. С. 41). Так случилось, что в настоящее время оно находится на Новодевичьем кладбище, на надгробии могилы поэта Велимира Хлебникова (1885 – 1922). Изваяние закреплено в лежачем положении (рис. 2).

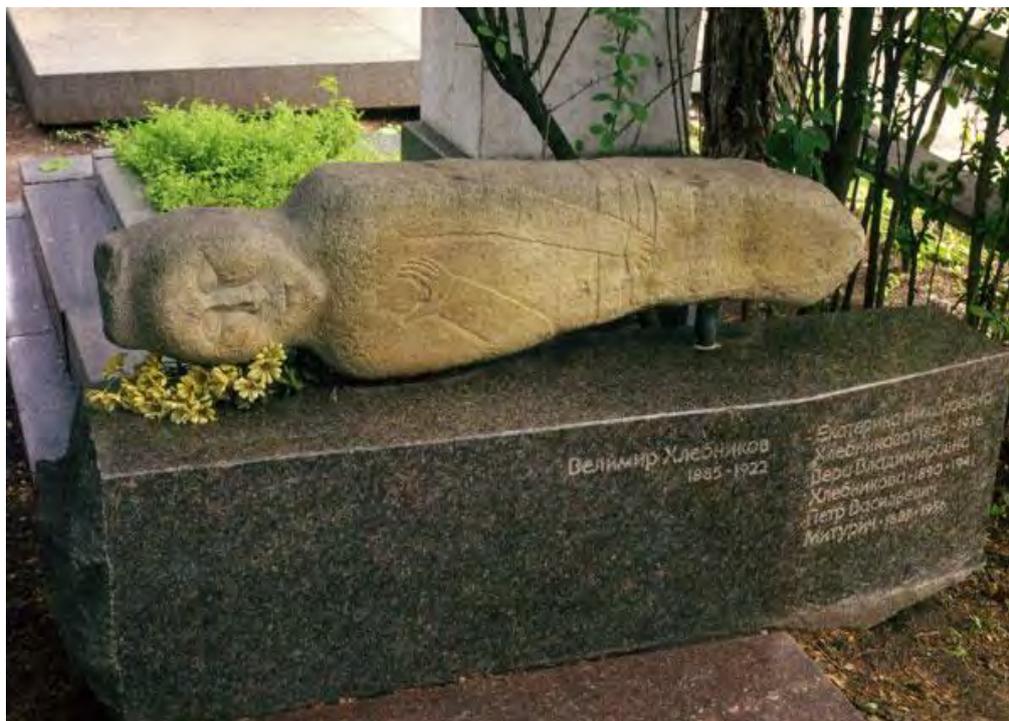

Рис. 2. Средневековое каменное изваяние из Тувы на могиле поэта В. Хлебникова

Можно предположить, что рассматриваемое изваяние в числе других было привезено А.Д. Грачом в Санкт-Петербург после окончания работ археологических экспедиций в Туве (1950 – 1960), и сдано им в Музей

антропологии и этнографии. Однако в силу разных обстоятельств, таких как недостаток помещений для хранения такого рода находок и несовершенство учетной документации, многие каменные изваяния были утеряны (*Кисель*, 2008. С. 54). Однако изваяние №37 постигла другая участь.

Мы попытались выяснить, каким образом изваяние попало на Новодевичье кладбище.

Известно, что Велимир Хлебников умер и был похоронен в деревне Санталово в 1922 г. – задолго до работ А. Д. Грач Туве. В 1960 г. было решено перезахоронить останки поэта на Новодевичьем кладбище. Идея установить каменное изваяние на могилу В. Хлебникова принадлежит его племяннику Маю Митуричу (1925 – 2008). В этом своем намерении Митурич руководствовался стихотворением В. Хлебникова «Каменная баба» (1919). Вот отрывок из этого стихотворения:

...А девы каменные нивы –
 Как сказки каменной доски.
 Вас древняя воздвигла треба.
 Вы тянетесь от неба и до неба.
 Они суровы и жестоки,
 Их бусы – грубая резьба.
 И сказок камня о Востоке
 Не понимают ястреба.
 Стоит с улыбкою недвижимой,
 Забытая неведомым отцом,
 И на груди ее булыжной
 Блестит роса серебряным сосцом

(*Хлебников*, 1987. 206 стих).

Май Митурич обратился за помощью к археологу Федорову Григорию Борисовичу (1917 – 1993). Г. Б. Федоров многие годы занимался

археологическими исследованиями в Молдавии, был начальником Прутско-Днестровской экспедиции. Кроме археологии он увлекался написанием рассказов для детей. Ему принадлежит известное произведение «Дневная поверхность» (1977), посвященное теме археологических раскопок.

После нескольких неудачных попыток получить изваяние в музеях или в археологических экспедициях Г. Б. Федорову помог случай. Вот как он сам об этом пишет: «Мой друг и коллега, работающий в Киргизии, на берегу огромного горного озера Иссык-Куль обследовал один из находящихся там курганов. Он обнаружил редчайшую находку. Стоявшая на вершине кургана «каменная баба» каким-то образом соскочила с каменного пьедестала и стала постепенно погружаться, уходить в глубь земляной насыпи кургана. Когда мой коллега обнаружил ее, в насыпи еле-еле виднелась лишь самая макушка, совершенно неприметная для неспециалиста. Вот это удача – «баба» и не в музее, и не предмет почитания местных жителей, даже совсем им неизвестная. Мой коллега выкопал «бабу», привез ее в Москву и передал мне, а я в Союз писателей... Мы установили статую на могиле Хлебникова» (Федоров, 1977. С. 50).

Эту невероятную историю о вывезенном из Киргизии изваянии нельзя признать правдивой по той причине, что на надгробии могилы поэта Велимира Хлебникова лежит не иссык-кульское изваяние, а изваяние, найденное А. Д. Грачом в Туве.

Грач, 1961 – Грач А. Д. Древнетюркские изваяния Западной Тувы. – М.: Изд-во вост. лит-ры, 1961. – 94 с.

Хлебников, 1987 – Хлебников В. Творения. – М.: Советский писатель, 1987. – 736 с.

Кисель, 2008 – Кисель В. А. Каменные изваяния МАЭ РАН (непростая судьба) // Древние и средневековые кочевники Центральной Азии. – Барнаул: Азбука, 2008. – 256 с.

Федоров, 1986 – Федоров Г. В. Возвращенное имя. – М.: Советская Россия, 1986. – 72 с.

В.М. Лурье

**К ВОПРОСУ ОБ ИСТОКАХ СЛОЖЕНИЯ ДОМОСТРОИТЕЛЬНОЙ
ТРАДИЦИИ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ МИНУСИНСКОЙ КОТЛОВИНЫ**

Ключевые слова: карасукская культура, андроновская культурно-историческая общность, поселения, домостроительные традиции, эпоха бронзы Сибири.

Один из самых важных и сложных проблем для изучения эпохи поздней бронзы Минусинской котловины – вопрос о формировании карасукской культуры. Эта проблема не один раз затрагивалась в исследованиях различных ученых, однако для ее решения привлекались только материалы погребений. Тем не менее, изучение поселений, а особенно домостроительства, как наиболее важного компонента, отражающего не только особенности окружающей среды, но и сложившиеся в обществе традиции и связи могло бы привести к важным и интересным результатам.

Поселения эпохи поздней бронзы Минусинской котловины, в отличие от погребений, изучены довольно слабо. На сегодняшний день раскопки велись всего лишь на одиннадцати из них, причем конструкции были изучены только на четырех (Каменный Лог I, Тунчух, Торгажак, Бырганов IV). Лучше всего изучено поселение Торгажак, где было раскопано семь жилищ с сохранившимися деревянными конструкциями (Савинов, 1996).

Для определения возможных истоков сложения карасукской домостроительной традиции необходимо обратиться к материалам более древних культур, существовавших на этой территории.

Андроновские поселения на Среднем Енисее также практически не известны. Однако они хорошо изучены на других территориях распространения андроновской культурной общности, где существовала единая домостроительная традиция, которую можно сравнить с карасукской для определения истоков сложения последней.

В ходе проведенного сравнения карасукских и андроновских жилищ были выделены следующие сходные черты:

- 1) существование трех типов жилищ: каркасно-столбовые с неглубокими котлованами, срубные полуземлянки, легкие наземные жилища;
- 2) расположение жилищ вдоль реки или вокруг «площади»;
- 3) оформление выходов в виде пандусов, повышающихся до уровня древней дневной поверхности;
- 4) коридоры-переходы между жилищами/камерами;
- 5) наличие перегородок, разделяющих внутреннее пространство жилища на несколько частей;
- 6) деление центрального пространства столбовых жилищ на три «нефа»;
- 7) облицовка котлованов камнем или деревом.

Вышеперечисленные сходства позволяют говорить о том, что андроновская домостроительная традиция сохраняется в более позднее время на территории Минусинской котловины с небольшими изменениями.

К тем же выводам пришли А.С. Федорук, Д.В. Папин и О.А. Федорук для территории степного Алтая (*Федорук и др.*, 2018). По их мнению, в степном и лесостепном Алтае в эпоху поздней бронзы развиваются андроновские домостроительные традиции. На этом фоне выделяется поселение Бурла-3, в котором постройки расположены близко друг к другу, и между опорными столбами вдоль стенок котлована фиксируются узкие канавки. Эти специфические черты авторы связывают со среднеазиатскими влияниями.

На поселении Торгажак в Минусинской котловине также присутствуют данные «специфические черты» (*Савинов*, 1996). Однако никаких доказательств связей этих элементов со Средней Азией пока что не имеется.

На данный момент имеющихся сведений о домостроительстве карасукской культуры слишком мало, чтобы выделить его отличия от андроновского. Тем не

менее, некоторые предположения можно сделать и на основании имеющегося материала. Возможно, легкие наземные конструкции не получили широкого распространения в более позднее время. Такие конструкции были зафиксированы только на поселении Бырганов IV (ж.1,2) и, предположительно, являлись хозяйственными постройками.

Срубные жилища карасукского времени (Каменный Лог I) отличаются от каркасно-столбовых (Торгажак, Бырганов IV – ж.3,4) не только наличием опорных столбов, но и размерами и глубиной котлованов, что не фиксируется в андроновской традиции. К тому же, для андроновского времени не прослеживается различия в использовании этих типов конструкций. Для карасукской культуры использование того или иного типа может быть обусловлено различным временем бытования поселений либо расположением в право- или левобережье Енисея. Также с переходом к полукочевому скотоводству различные типы жилищ могут использоваться в разное время года.

Следует отметить, что сходные принципы строения домов в эпоху поздней бронзы бытовали на всей территории распространения андроновской культуры. Карасукские традиции обнаруживают сходства с широким кругом памятников Западной Сибири, Казахстана, степного и лесостепного Алтая. В эпоху поздней бронзы культурогенез на этих территориях происходил по разным моделям и культуры, сформировавшиеся в различных областях, могут сильно отличаться друг от друга. При этом в новых культурах на субстратном основании могли сохраниться более ранние общие традиции, касающиеся, в первую очередь, внеэтнических элементов, связанных с хозяйством.

Вероятно, модель строительства жилищ, распространенная в андроновское время, оказалась стабильной и наиболее адаптированной для данных географических условий и определенной системы хозяйства (комплексное хозяйство с преобладанием скотоводства).

Такая модель могла быть заимствована пришлым населением, сыгравшим основную роль в формировании карасукской культуры, как наиболее приспособленная к условиям Минусинской котловины. К тому же, большинство исследователей сходится на том, что данная группа мигрантов относилась к андроновскому пласту (Поляков, 2009. С. 91). Соответственно, она могла иметь те же самые традиции строительства домов.

Итак, в основе домостроительной традиции, существовавшей на территории Минусинской котловины в эпоху поздней бронзы, лежит андроновский субстрат. Вероятно, эта традиция была распространена на обширной территории, включавшей Казахстан, Алтай и Западную Сибирь. Дальнейшие исследования могут показать, как проявляются андроновские домостроительные традиции на этих территориях, как они меняются со временем, на основе чего сформировались.

Поляков, 2009 – Поляков А.В. К проблеме взаимосвязи карасукской культуры и памятников андроновской общности на Среднем Енисее // Записки ИИМК РАН. № 4. СПб, 2009. С. 90-109.

Савинов, 1996 – Савинов Д.Г. Древние поселения Хакасии. Торгажак. СПб, 1996.
Федорук и др., 2018 – Федорук А.С. и др. Домостроительство населения степного и лесостепного Алтая в среднем и позднем бронзовом веке // Археология, этнография и антропология Евразии. Т. 46 № 3. Новосибирск, 2018. С. 75-82.

И.П. Лазаретов

К ОТНОСИТЕЛЬНОЙ ХРОНОЛОГИИ ОКУНЕВСКИХ ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ.

Окуневская культура в древней истории Южной Сибири считается одним из наиболее протяженных во времени и динамичных в своем развитии феноменов. Период ее существования, по самым скромным оценкам, охватывает промежуток не менее 800 лет (*Поляков, 2018 С. 20*). При этом культура демонстрирует потрясающую динамику внутреннего развития практически во всех её проявлениях: погребальных сооружениях, конструкциях могил, обряде захоронения, художественном стиле и инвентаре.

На момент ее осмысления, как самостоятельного исторического образования, погребальные конструкции окуневской культуры были представлены главным образом укороченными каменными ящиками и небольшими грунтовыми ямами (*Максименков, 1964. С. 20*). Единичные вкрапления из сооружений других типов (катакомбы, обширные грунтовые ямы) смотрелись как откровенная экзотика (*Комарова, 1981; Липский, 1954; Наглер, Парцингер, 2006*). Ситуация коренным образом изменилась после исследования могильников Уйбат III и Уйбат V, где подобные конструкции могил оказались ведущими типами погребальных конструкций. Данное обстоятельство стало одним из веских аргументов при разделении окуневской культуры на два хронологических этапа: уйбатский и черновский. За последнее десятилетие, в рамках крупного научного проекта по изучению окуневской культуры, совместно с А.В. Поляковым и С.В. Морозовым, было исследовано еще полтора десятка курганов эпохи ранней бронзы. Новые материалы не противоречат высказанной ранее гипотезе о последовательности развития типов погребальных сооружений (*Лазаретов, 1997. С. 37*), но позволяют уточнить, на основе их

совстречаемости и количественного соотношения, хронологическую позицию определенных конструкций в рамках окуневской культуры.

Основные типы окуневских погребальных конструкций:

I. Грунтовые ямы с заплечиками. Обширные грунтовые ямы (до 3,5 x 3,0 м), в нижней части которых выбраны дополнительные углубления (до 2,2 x 1,6 м). Общая глубина такой могилы может достигать 4,4 м, но чаще встречаются конструкции, заглубленные на 1,5-2,5 м. Периферийные захоронения взрослых и детские погребения аналогичной конструкции имеют меньшие размеры. Перекрытие погребальной камеры опирается на материковые заплечики и располагается значительно ниже уровня погребенной почвы. Верхняя часть ямы заполнялась камнями и грунтом (вариант I-а). Есть основания полагать, что на перекрытии нижней погребальной камеры могли располагаться дополнительные одиночные или коллективные захоронения (Карасук VIII, Уйбат III, к. 1, м. 1). В таком случае могила должна была иметь еще один слой перекрытия, на уровне дневной поверхности (вариант I-б).

II. Катакомбы. Конструкции, состоящие из входа и погребальной камеры – овальной ниши, выбранной в материке. Входная яма могла иметь вертикальные стенки (вариант II-а), либо представляла собой наклонный ход-дромос, ведущий к камере (вариант II-б). Дно погребальной камеры, за редчайшими исключениями, располагается ниже уровня входа и отделено от него одной-двумя земляными ступенями. Ниша с захоронением обычно закрыта вертикальными плитами, реже горизонтальной кладкой, а входная яма заполнена камнями или материковым грунтом.

III. Обширные грунтовые ямы. По своим максимальным параметрам несколько уступают ямам с заплечиками (до 3,2 x 2,3 м). Глубина не превышает 1-1,5 м. Периферийные захоронения взрослых и детские погребения имеют меньшие размеры. Перекрытия могил располагаются на уровне дневной поверхности.

IV. Заглубленные каменные ящики. Обширные грунтовые ямы или ямы с заплечиками (до 3,0x2,1 м), нижняя часть которых оформлена вертикальными плитами, образующими ящик (до 2,3x1,6 м). Общая глубина может достигать 2-2,5 м. Периферийные захоронения взрослых и детские погребения аналогичной конструкции имеют меньшие размеры и заглубление. Пространство между ящиком и стенками ямы заполнено бутовым камнем и материковым грунтом. Перекрытие располагается значительно ниже уровня погребенной почвы и опирается на торцы плит ящика или материковые заплечики. Верхняя часть ямы заполнялась камнями и грунтом (вариант IV-а). На перекрытии нижней погребальной камеры могли располагаться дополнительные захоронения (Тасхазаа, м. 4; Уйбат V, к. 1, м. 1-3, 5). В таком случае могила должна иметь еще один слой перекрытия, на уровне дневной поверхности (вариант IV-б).

V. Стандартные укороченные каменные ящики. Длина ящика для взрослого человека редко превышает 1,5-1,7 м, ширина 0,7 м, а заглубление 0,5-0,7 м. Захоронения, рассчитанные на детей и подростков еще меньше по своим размерам. Верхние края ящиков соответствуют уровню погребенной почвы, либо незначительно выступают над ней. Перекрытие из плит песчаника находится на уровне древней дневной поверхности и опирается на стенки ящика, либо дополнительную обкладку из мелких плит. Часто встречаются дополнительные элементы оформления – каменные «подушки», вымостка дна могилы плитами, уклон дна в сторону ног погребенного.

VI. Стандартные грунтовые ямы. По размерам, степени заглубленности и дополнительным элементам оформления полностью соответствуют укороченным каменным ящикам. Перекрытие из плит песчаника также располагается на уровне древней дневной поверхности.

Прежде чем приступить к анализу встречаемости различных типов окуневских погребальных конструкций, необходимо оговорить один важный момент. Окуневские курганы, в нашем современном представлении, отчетливо

распадаются на две категории: погребально-ритуальные ограды и ограды-кладбища. В первом случае с уровня погребенной почвы строилась только одна центральная могила. Сразу после этого возводилась курганная насыпь, придававшая сооружению законченный облик. В эту насыпь, в дальнейшем, могли впускаться дополнительные могилы, но их хронологический статус и соотношение с центральным захоронением всегда остается неопределенным. От момента сооружения кургана и до оформления впускных захоронений могло пройти как несколько лет, так и столетий. Величину этого интервала можно уточнить только путем дополнительного анализа погребального обряда и инвентаря. Вопреки устоявшемуся мнению об их исключительно раннем возрасте, такие курганы строились на протяжении всей культуры и выполняли особую социальную и религиозную функцию (Лазаретов, 2012). В качестве центральных и единственных захоронений в них могли использоваться все типы погребальных конструкций, за исключением катакомб.

У оград второй группы с уровня древней дневной поверхности строилось не только центральное погребение, но и множество сопутствующих захоронений, каждое из которых имело отдельное надмогильное сооружение. Создание единой курганной насыпи, как правило, означало прекращение функционирования кладбища. В открытом виде ограда-кладбище могла сохраняться несколько лет или даже десятилетий, но в масштабах культуры — это не столь существенно. Такие могилы, расположенные под общей насыпью, логично рассматривать как условно синхронные. Именно они являются предметом нашего сопоставления. В уже сформированную насыпь могли впускаться и позднейшие могилы, но их хронологическая позиция требует дополнительной аргументации.

Если обратиться к комплексам черновского этапа окуневской культуры, то в них мы обнаружим сочетание только двух типов погребальных конструкций: стандартных каменных ящичков и грунтовых ям. Их количественное

соотношение может варьировать, но стандартные каменные ящики, безусловно, и абсолютно преобладают. И только эти два типа погребальных конструкций использовались для совершения впускных захоронений в насыпях окуневских же курганов, что лишней раз подчеркивает их относительно поздний возраст в рамках культуры. Для более дробной стратификации комплексов черновского этапа конструкции погребальных сооружений мало информативны. Здесь необходимы дополнительные критерии: анализ элементов погребального обряда, инвентаря, художественного стиля.

В комплексах начального периода культуры погребальные конструкции более разнообразны и вариативны. Самыми архаичными из них считаются обширные грунтовые ямы и ямы с заплечиками, часто использовавшиеся для совершения первичных, наиболее престижных захоронений. К сожалению, провести между ними четкую грань и учесть по отдельности крайне сложно. В некоторых случаях есть серьезные сомнения в достоверности их фиксации и последующей интерпретации. Прежде всего это касается старых раскопок. В качестве примера можно привести чертежи могилы 3 кургана Карасук VIII или могилы 2 кургана Уйбат I, где в плане и разрезе отчетливо читаются ямы с заплечиками, а в описаниях и всех дальнейших аналитических выкладках других авторов фигурируют обычные грунтовые ямы (*Комарова, 1981; Наглер, Парцингер, 2006*). В кургане 14 могильника Итколь II центральное захоронение впущено в афанасьевскую могилу и неоднократно подвергалось ограблению. Установить достоверно его исходную конфигурацию невозможно (*Поляков, Есин, 2015*). Однако отметим, что в окуневских оградах с центральным погребением в виде ямы с заплечиками сопутствующие захоронения аналогичной конструкции в процентном отношении встречаются чаще. В них же обнаружено и большинство погребений в катакомбах (9). В курганах с центральной обширной грунтовой ямой их 3, притом только детские захоронения. Все это позволяет предполагать, что ямы с заплечиками и

катакомбы в историческом аспекте имеют более древние корни. И прекращают они свое существование, в рамках окуневской культуры, раньше других типов погребальных конструкций.

В суммарном выражении, учитывая материалы шести комплексов с условно-синхронными погребениями под общей насыпью (Уйбат I; Уйбат III, к. 1; Уйбат-Тибик; Уйбат-Чарков, к. 1; Итколь II, к. 12, 14), складывается следующая картина: 11 ям с заплечиками, 12 катакомб, 22 обширных грунтовых ямы и только три заглубленных каменных ящика. Смысл появления последних наглядно демонстрирует пример погребения 9 кургана 1 могильника Уйбат-Чарков (*Лазаретов, Поляков, 2018. С. 45, рис. 5: 4*). Это была зимняя могила, для выборки которой пришлось разводить мощное кострище. Борты получившейся обширной грунтовой ямы оказались рыхлыми и не могли самостоятельно поддерживать перекрытие. Тогда, в ее донной части был установлен примитивный каменный ящик из грубых необработанных глыб песчаника. На него и на каменную забутовку бортов опиралось мощное перекрытие могилы, располагавшееся ниже уровня погребенной почвы. Тем самым была решена проблема целостности материковых стенок могилы и самого перекрытия. Такая модернизация оказалась особенно актуальна для погребальных камер, имевших большой объем и заглубление. Появившись как вынужденная мера, новая методика оформления нижней части обширных грунтовых ям и ям с заплечиками постепенно завоевала популярность. На следующем этапе развития культуры заглубленные каменные ящики получили массовое распространение и стали ведущим типом при обустройстве центральных и части сопутствующих захоронений курганов. По этому показателю, комплекс кургана 14 могильника Итколь II является наиболее поздним в линии развития памятников раннего хронологического горизонта, ведь в нем оказалось сразу два заглубленных каменных ящика.

Обращает на себя внимание полное отсутствие в представленной выборке стандартных укороченных каменных ящиков и грунтовых ям. Точнее, они есть, но только относятся к другому хронологическому горизонту культуры. В насыпи перечисленных выше курганов впущено 6 стандартных каменных ящиков и 4 грунтовых ямы, с захоронениями, отличающимися по обряду и инвентарю от погребений, устроенных с уровня древней дневной поверхности.

Курганы с центральными погребениями в виде заглубленного каменного ящика, в свою очередь, распадаются на две самостоятельные группы. Особенности первой из них лучше всего иллюстрируют материалы кургана 1 могильника Уйбат V (*Лазаретов, 1997*). Его центральное погребение представляло собой заглубленный каменный ящик, сложенный из массивных гранитных блоков, перекрытый на уровне заплечиков толстыми плитами песчаника. Ему сопутствовало еще 4 могилы аналогичного устройства, имевших меньшие размеры, заглубленность и толщину плит. Два погребения были совершены в катакомбах и одно в обширной грунтовой яме. Торцевая стенка этой могилы была укреплена вертикальной плитой. Другой памятник, весьма спорный и недостоверный – курган Тасхазаа (*Липский, Вадецкая, 2006*). Из 15 исследованных могил имеются сведения о шести захоронениях. Центральное погребение представляло собой обширную грунтовую яму с установленным на ее дне ящиком из массивных плит песчаника. На него и на каменную забутовку бортов опиралось перекрытие могилы, располагавшееся ниже уровня погребенной почвы. Еще пять захоронений, если верить А.Н. Липскому, были устроены в обширных и довольно глубоких грунтовых ямах. В двух могилах, в головах у погребенных, зафиксированы вертикальные плиты. В кургане Мохов VI центральный заглубленный каменный ящик, установленный в яме с заплечиками, оказался частично разобран и поверх него был сооружен другой ящик, аналогичной конструкции (*Киргиников, 1997*). В момент перестройки нижняя могила еще не заполнилась грунтом, что позволяет считать эти

захоронения условно-синхронными. Всего, в трех курганах исследовано 8 заглубленных каменных ящиков, 2 захоронения в катакомбах и 6 обширных грунтовых ям, причем в трех из них торцевые стены были укреплены вертикальными плитами. Глубина центральных, наиболее престижных могил, колебалась в диапазоне 1,8-2,4 м. В кургане 1 УйбатаV, помимо уже описанных конструкций, было обнаружено два стандартных каменных ящика и грунтовая яма. Но они были впущены в уже сформованную курганную насыпь и содержали поздний материал черновского облика. Получается, что и на этом хронологическом срезе у нас нет данных о сосуществовании заглубленных каменных ящиков со стандартными укороченными каменными ящиками и грунтовыми ямами.

В следующей группе ситуация меняется коренным образом. В кургане 26 могильника Итколь II центральное погребение было совершено в заглубленном каменном ящике, вокруг которого располагалось пять стандартных укороченных ящиков с перекрытиями, расположенными на уровне погребенной почвы (Поляков, 2010). Все они перекрыты единой курганной насыпью. Никаких сомнений в синхронности захоронений данного комплекса быть не может. Аналогичная ситуация отмечена в кургане 3 могильника Лебяжье (Максименков, 1981). В центре – заглубленный каменный ящик, по периферии от него – 6 стандартных каменных ящиков, с перекрытиями на уровне погребенной почвы. Еще два ящика впущены в общую насыпь. Они и стандартные каменные ящики из разрушенных курганов 1, 2, 4 (тип конструкций центральных погребений в них не установлен), судя по сопроводительному инвентарю, относятся к тому же хронологическому горизонту, что и первичные захоронения кургана 3. В кургане 1 могильника Красный Камень с уровня погребенной почвы устроено только одно центральное погребение – заглубленный каменный ящик с перекрытием ниже уровня дневной поверхности. Сразу после этого была возведена курганная насыпь, в которую впущено 11 дополнительных могил – 9 стандартных

укороченных каменных ящиков и 2 грунтовых ямы. В расположенном рядом кургане 2, и центральное захоронение, и 5 сопутствующих ему погребений уже имели одинаковую конструкцию – стандартные укороченные каменные ящики. При этом, редкостная плоская каменная бусина с насечками, найденная в могиле 2 кургана 2, в точности соответствует изделию из центрального захоронения кургана 1, что указывает на их синхронность. Судя по сопроводительному инвентарю и некоторым дополнительным элементам оформления стандартных каменных ящиков (наклон дна, вымостка его плитами песчаника), погребения в насыпи кургана 1 строились позже, чем курган 2. Но при этом, и те, и другие относятся к одному хронологическому горизонту. Временной разрыв между возведением насыпи кургана 1 и совершением в ней впускных захоронений был, по-видимому, не столь уж значительным. В данной ситуации примечательно, что курган 2 могильника Красный Камень демонстрирует первый по времени, документально зафиксированный случай, когда центральная могила ограды конструктивно ничем не отличается от остальных сопутствующих захоронений. В дальнейшем, это станет визитной карточкой комплексов черновского времени.

Заключение.

Количественный и качественный анализ погребальных конструкций комплексов окуневской культуры Хакасско-Минусинской котловины позволяет разделить весьма продолжительный период ее существования несколько последовательных хронологических горизонтов:

1. Уйбатский хронологический горизонт. Ведущим типом при устройстве центральных захоронений курганов являются обширные грунтовые ямы и ямы с заплечиками. Они же, и захоронения в катакомбах, используются при обустройстве сопутствующих могил, расположенных под общей насыпью. В финале раннего периода окуневской культуры, пока еще единично, появляются заглубленные каменные ящики. Комплексы: Уйбат I; Уйбат III, к. 1; Уйбат-Тибик; Уйбат-Чарков, к. 1; Итколь II, к. 12, 14; Карасук II; Карасук VIII.

2. *Тасхазинский хронологический горизонт.* Центральные захоронения курганов устроены в массивных и основательно заглубленных (1,8-2,4 м) каменных ящиках. Сопутствующие погребения представляют собой заглубленные ящики меньшего размера и обширные грунтовые ямы, часто с дополнительной обставкой плитами одной или двух торцевых стенок погребальной камеры. Катакомбы встречаются крайне редко, ямы с заплечиками исчезают. Комплексы: Тасхазза, Уйбат V, к. 1, Мохов VI.

3. *Лебяжинский хронологический горизонт.* Центральные захоронения курганов устроены в заглубленных каменных ящиках. От аналогичных конструкций тасхазинского периода отличаются меньшими размерами самих ям и глубиной (1,2-1,7 м). Сопутствующие погребения представляют собой стандартные укороченные каменные ящики и грунтовые ямы. Отмечены первые курганы, где центральные могилы конструктивно ничем не отличаются от сопутствующих. В позднейших захоронениях появляются дополнительные элементы - каменные «подушки», вымостка дна могилы плитами, уклон дна в сторону ног погребенного. Комплексы: Лебяжье, к. 1-4; Красный Камень, к. 1-2; Итколь II, к. 26.

4. *Черновский хронологический горизонт.* Центральные могилы курганов имеют вид стандартных укороченных каменных ящиков, не отличаются по размерам от прочих захоронений, и даже не всегда являются наиболее ранними в ограде. Периферийные захоронения устроены в таких же стандартных укороченных каменных ящиках и грунтовых ямах. Часто присутствуют дополнительные признаки - каменные «подушки», вымостка дна могилы плитами, уклон дна в сторону ног погребенного. Линия развития погребальных конструкций практически себя исчерпала. Комплексы: Черновая VIII, Верхний Аскиз I, к. 1, 2; Итколь I, к. 1-3; Итколь II, к. 13, 21; Сыда V, к. 1-4; Уйбат-Батень, к. 2, 3, Черновая IV, к. 6.

5. *Разливский хронологический горизонт*. По планиграфии и могильным конструкциям ничем не отличается от комплексов предшествующего периода. Выделен на основании анализа особенностей погребального обряда, керамики и стилистики изображений (*Савинов, 2005*). Комплексы: Разлив X, Черновая XI, Итколь II, к. 1.

Предложенная стратификация культуры хорошо соотносится с уже выделенными и устоявшимися в литературе определениями окуневских иконографических групп и стилей. Каждому из них соответствует одноименный хронологический горизонт, характеризующийся неповторимым набором конструктивных признаков, особенностей обряда и инвентаря.

Что касается впускных окуневских захоронений, в виде стандартных укороченных ящичков и грунтовых ям, в насыпях окуневских же курганов, то их появление, исходя из вышеизложенного, не могло произойти раньше финала уйбатского и начала лебяжинского хронологического горизонтов. До этого момента подобных конструкций просто не существовало. Впускные захоронения в афанасьевских курганах могут датироваться ранним временем, но должны рассматриваться в индивидуальном порядке, с учетом конструкции самой могилы, обряда и инвентаря. Это уже предмет отдельного детального исследования.

Киргиников, 1997 - Киргиников Э.Н. Окуневский курган около у. Мохов // Окуневский сборник. – СПб., 1997. С. 128-133.

Комарова, 1981 - Комарова М.Н. Своеобразная группа энеолитических памятников на Енисее // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха камня и бронзы. Новосибирск, 1981. С. 76-91.

Лазаретов, 1997 - Лазаретов И.П. Окуневские могильники в долине реки Уйбат // Окуневский сборник. СПб. 1997. С. 19-64.

Лазаретов, 2012 - Лазаретов И.П. Окуневские курганы с диагональными кладками // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Кн. 2. СПб., 2012. С. 220-224.

Лазаретов, Поляков, 2018 - Лазаретов И.П., Поляков А.В. Могильник Красный Камень – погребально-ритуальный комплекс ранней бронзы // ТПАИ. №2 (22). 2018. С. 21–46.

- Липский, 1954* - Липский А.Н. Афанасьевские погребения в низовьях рек Еси и Теи (Хакасия) // КСИИМК. Вып. 54. 1954. С. 89-98.
- Липский, Вадецкая, 2006* - Липский А.Н., Вадецкая Э.Б.. Афанасьевские и окуневские погребения в могильнике Бельтыры // Окуневский сборник 2. Культура и ее окружение. СПб., 2006. С.73-81.
- Максименков, 1964* – Максименков Г.А. 1964. Новые данные об эпохе бронзы в Минусинской котловине // КСИА. Вып. 101. 1964. С. 19-23.
- Максименков, 1981* - Максименков Г.А. Могильник окуневской культуры у с. Лебяжье // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха камня и бронзы. Новосибирск. 1981. С. 91-110.
- Наглер, Парцингер, 2006* - Наглер А., Парцингер Г. Новые памятники окуневской культуры в центральной части Минусинской котловины // Окуневский сборник 2. Культура и ее окружение. СПб., 2006. С. 104-119.
- Поляков, 2010* - Поляков А.В.. Поминальное сооружение окуневской культуры на озере Иткуль // Древние культуры Евразии. – СПб., 2010. С. 75-80.
- Поляков, Есин, 2015* - Поляков А.В., Есин Ю.Н. Миниатюрные изображения из погребения окуневской культуры на озере Иткуль в Хакасии // Археология, этнография и антропология Евразии. Том 43. № 2.. Новосибирск, 2015. С. 44-57.
- Поляков и др., 2018* - Поляков А.В., Святко С.В., Степанова Н.Ф. Современное состояние радиоуглеродного датирования афанасьевской и окуневской культур // Научное обозрение Саяно-Алтая. №1 (21). Вып. 5. 2018. С.14–22.
- Савинов, 2005* - Савинов Д.Г. К проблеме выделения позднего этапа окуневской культуры // Теория и практика археологических исследований. Вып. 1. – Барнаул. 2005. С. 28-34.

П.М.Леус

КИТАЙСКИЕ БРОНЗОВЫЕ ЗЕРКАЛА ИЗ МОГИЛЬНИКОВ АЛА-ТЕЙ И ТЕРЕЗИН В ТУВЕ

Бронзовые зеркала являются одним из важных источников для изучения хронологии и культурных связей народов Саяно-Алтая в древности. В первую очередь это касается импортных китайских зеркал, типология и датировка которых хорошо изучена.

На территории Тувы древние китайские зеркала или их фрагменты впервые появляются в археологических памятниках гунно-сарматского (или хунно-сяньбийского) времени. Эти находки довольно редки и не всегда происходят из закрытых комплексов, что затрудняет их использование в качестве полноценного источника информации.

В последние годы, в ходе раскопок в Центральной Туве на берегах Саяно-Шушенского водохранилища, были обнаружены два непо потревоженных древними грабителями грунтовых могильника эпохи хунну – Ала-Тей 1 и Терезин (*Kilunovskaya, Leus, 2018*). Они относятся к улуг-хемской культуре, выделенной в своё время А.Д.Грачом по результатам работ в этих местах Саяно-Тувинской экспедиции ЛОИА АН СССР (Грач, 1971, с.99). Раскопки могильников продолжаются, но уже сейчас на Ала-Тее 1 исследовано около 100 захоронений, а на Терезине более 30.

На обоих могильниках встречаются как целые, так и фрагментированные бронзовые китайские зеркала, а точнее, в основном, их копии, при изготовлении которых местные литейщики старались повторить, не только форму изделия, но и его цвет. Это достигалось добавлением в лигатуру определённого процента мышьяка, что придавало изделиям серебристо-серый оттенок, тем самым имитируя внешний вид оригинальных китайских зеркал из «белой» свинцово-оловянистой бронзы. Причём копировались иногда даже не целые зеркала, а их

фрагменты (Т/12⁴), т.е. образцом для новой отливки служил именно осколок зеркала (*Хаврин, 2016. С.105*). Общее количество зеркал в настоящий момент составляет 18 экземпляров. На могильнике Терезин найдено два целых и фрагменты четырёх зеркал, на Ала-Тее семь целых и фрагменты от ещё пяти.

Предварительно можно разделить все зеркала на несколько групп:

Первая - зеркала с орнаментом «звёздные туманности» (или «сто сосков»), всего 5 экземпляров (рис.1, *A-E*), из которых два целых и два фрагмента принадлежат к одному подтипу (АТ1/11, Т/12, 23, ПМ), и одно целое к другому (АТ1/57). Эти зеркала относятся ко времени династии Западная Хань (II–I вв. до н. э.) (*Bulling, 1960. P.32-35, Pl.26-27*).

Вторая - зеркала с иероглифической надписью «когда смотрю на небо, постоянно думаю о правителе» (рис.2, *A-D*). Всего три целых зеркала (АТ1/25, 42, 86) и одна половина (АТ1/82). Эти зеркала также датируются временем Западной Хань (*Лубо-Лесниченко, 1975. С. 118–119, Karlgren, 1941. P.111-113, Pl.76 - K 8*).

Ещё несколько зеркал составляют предварительно третью, смешанную группу, куда входят зеркала разных типов (рис.3, *A-E*). Два небольших фрагмента зеркал с выделенным краем, при этом у одного из них припаяна боковая петелька (АТ1/62), а у второго пробито отверстие с краю (АТ1/10 ПМ). Размер этих фрагментов не позволяет отнести их к какому-то определённому типу зеркал. Встречаются и необычные экземпляры: одно было отлито по образцу ханьского зеркала с иероглифической надписью, но с боковой петельчатой ручкой (Т/ПМ). Другое было также изготовлено по образцу ханьского, в подражание зеркалам с арочным обрамлением, но при этом центральная часть была оставлена пустой, либо намеренно, либо вследствие некачественной отливки (Т/21). Ещё один фрагмент с Терезина пока не

⁴ Здесь и далее приводятся сокращенные названия памятников: АТ1 – Ала-Тей 1; Т – Терезин, далее через черту дробли номер объекта/погребения. ПМ – подъемный материал

отреставрирован, но видно, что речь идёт о китайском зеркале с выделенным краем.

В четвёртую группу (рис.4, A-D) можно выделить три зеркала с Ала-Тее 1, датирующихся более ранним периодом истории Древнего Китая – эпохой Сражающихся царств: фрагменты зеркала с Т-образными символами (AT1/31) и зеркала с орнаментом в виде зигзагообразных ромбов и спиралей (AT1/2), а также целый экземпляр (AT1/50) с орнаментом в виде запятых (*Лубо-Лесниченко, 1975. С.9., Karlgren, 1941. P.58-59, Pl.10 - C 12*). В эту же группу можно отнести простое круглое зеркало с боковой петелькой-ручкой (AT1/29), единственное из всех, относящееся к зеркалам позднескифского типа.

Зеркала на Ала-Тее и Терезине встречаются только в женских погребениях, обычно, слева на груди или возле плеча. В двух захоронениях зеркала были найдены в кожаной сумочке (T/27) и в деревянной шкатулке (T/21), вместе с такими специфическими предметами погребального инвентаря как гребни, мешочки-амулетницы, кожаные заготовки для рукоделия, мотки сухожильных нитей и пр. Идентичное расположение большинства зеркал в других погребениях позволяет предположить, что и там была схожая ситуация, но предметы из органики по объективным причинам не сохранились. На Терезине многие погребения разрушены абразией, а на Ала-Тее 1 органика сохраняется очень плохо из-за воздействия воды – большую часть года этот могильник затоплен Саяно-Шушенским водохранилищем.

Большинство рассмотренных зеркал уверенно датируются эпохой Западной Хань (II–I вв. до н. э.), а некоторые и более ранним периодом. Важной деталью для хронологии памятников является отсутствие здесь зеркал, относящихся ко времени Восточной Хань, т.е. I–II вв. н.э., в том числе широко распространённых в то время зеркал TLV.

Всё это подтверждает датировку могильников II-I вв. до н.э., чему не противоречат остальные обнаруженные здесь предметы материальной культуры и полученные AMS-датировки (Леус, 2017. С.183-184).

Вполне возможно, что оба могильника оставлены группами кочевников, входивших в конфедерацию хунну, и пришедших в Туву в ходе их северной экспансии. В результате этого переселения народов здесь происходит смена населения, что находит отражение и в смене археологических культур. Пришедший народ мог до этого обитать где-то ближе к границам Китая, имея доступ к китайским изделиям, таким как зеркала, монеты, украшения и пр. Оказавшись на территории Тувы и не имея более поступлений оригинальных китайских предметов, они были вынуждены изготавливать их копии своими силами, в том числе бронзовые зеркала, имевшие, вероятно, не только утилитарное, но и ритуальное и магическое значение.

Окончательный научный анализ зеркал Ала-Тей и Терезина возможен только после полного окончания раскопок этих памятников. Тем не менее, уже сейчас они являются важным источником информации для изучения эпохи хунну не только в Туве, но и на сопредельных территориях.

Грач, 1971 – Грач А. Д. Новые данные о древней истории Тувы // Ученые записки ТНИИЯЛИ. Кызыл, 1971. Вып. 15.

Леус, 2017 - Леус П.М. Радиоуглеродные даты из хуннских могильников Ала-Тей и Терезин в Туве // Междисциплинарные исследования в археологии, этнографии и истории Сибири. Красноярск, 2017.

Лубо-Лесниченко, 1975 – Лубо-Лесниченко Е. И. Привозные зеркала Минусинской котловины. К вопросу о внешних связях древнего населения Южной Сибири. М., 1975 (Культура народов Востока. Материалы и исследования).

Хаврин, 2016 - Хаврин С.В. Металл эпохи хунну могильника Терезин I (Тува) (Приложение к статье П. М. Леуса и С. В. Бельского) // Археологические вести, Вып. 22. СПб, 2016.

Bulling, 1960 - Bulling A. The decoration of mirrors of the Han period: a chronology. Artibus Asiae. Supplementum XX. Ascona, 1960.

Karlgren, 1941 – Karlgren B. Huai and Han // Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities, N 13. Stockholm, 1941.

Kilunovskaya, Leus, 2018 – Kilunovskaya M., Leus P. Archaeological discoveries in Tuva: excavations of the Ala-Teyand Terezin cemeteries of the Xiongnu period in 2015 – 2016 // Asian Archaeology (2018) 1: 45 <https://doi.org/10.1007/s41826-018-0004-5> - электронное издание

Рис.1

0 10 cm

Рис.1 – Бронзовые зеркала с орнаментом «звёздные туманности»
 А – Т/ПМ, В – АТ1/57, С – Т/12, D – Т/23, E – АТ1/11

Рис.2

Рис.2 - Бронзовые зеркала с иероглифической надписью
 А – АТ1/42, В – АТ1/25, С – АТ1/82, D – АТ1/86

Рис.3

Рис.3 Бронзовые зеркала неустановленных типов
 А – Т/21, В – Т/ПМ, С – АТ1/62, D – АТ1/10, E – Т/27

Рис.4

Рис.4 Бронзовые зеркала эпохи Сражающихся царств и скифского времени
 А – АТ1/50, В – АТ1/29, С – АТ1/2, D – АТ1/31

Л.С. Марсадолов
НОВАЯ ДАТИРОВКА КУРГАНА № 9 КУЙЛУГ-ХЕМА I, РАСКОПАННОГО
ЭКСПЕДИЦИЕЙ А.Д. ГРАЧА

Ключевые слова: Тува, Алтай, датировка, ранний скифский период, курган, Куйлуг-Хем, Аржан-2, Бойтыгем

В Александре Даниловиче Граче автора, как и многих археологов, привлекали такие его личные качества как доброжелательность, оптимизм, любознательность, тонкий юмор и внутренняя интеллигентность, несмотря на трудности в последние годы его жизни (Смирнов, 2015). Его яркие доклады на научных конференциях приковывали внимание археологов новыми интересными находками и красивыми слайдами, сделанными эрмитажным фотографом В. Теребениным.

Автор статьи, будучи аспирантом Эрмитажа, несколько раз встречался с А.Д. Грачом в конце 1970-х годов в его домашней квартире на Крюковом канале. Особенно запомнилась наша встреча в Новосибирском Академгородке поздней осенью 1980 г., куда я приезжал в аспирантскую командировку, а А.Д. Грач, после публикации его монографии в 1980 г., пытался подать документы и договориться о будущей защите своей докторской диссертации. Позднее в 1980-90-е годы в Государственном Эрмитаже М.П. Завитухина передала мне археологические коллекции и каменные изваяния А.Д. Грача, обнаруженные в процессе его многолетних экспедиций в Туве. Ряд экспонатов из этих коллекций неоднократно служил украшением постоянных и временных выставок в России и за рубежом. Особенно Александр Данилович гордился находкой поясной роговой накладки с изображением лошади с подогнутыми ногами из Саглы-Бажи II, к. 13, которую он называл «Лошадкой-путешественницей», из-за того, что она побывала на международных выставках во многих странах мира.

У себя на кухне А.Д. Грач показывал мне, тогда ещё не опубликованные, синхронистические таблицы и рисунки материалов из раскопанных им курганов в Туве, позднее вошедшие в его монографию 1980 г. Эти таблицы для того

периода имели новаторское значение, так как охватывали огромную территорию ряда азиатских регионов VIII-III вв. до н.э. – Туву, Алтай, Верхнюю Обь, Минусинскую котловину, Казахстан, Памир, Приаралье и позволяли очень быстро сравнить известные на то время материалы из разных памятников.

Краткая история исследования курганов в Куйлуг-Хеме. В полевые сезоны 1966-68 гг. Саяно-Тувинская экспедиция ЛОИА АН СССР под руководством А.Д. Грача раскопала ряд курганов раннескифского времени в могильниках Куйлуг-Хем I и Куйлуг-Хем III.

Значимость находок из этих памятников была видна сразу, поэтому уже в первоначальной информации об исследовании этих курганов в 1966 г. А.Д. Грач отметил: *«Особо трудоёмкими были раскопки объектов скифского времени (Куйлуг-Хем I, курганы 3, 5, 9, 16-18, 21). ... Погребения скифского времени сопровождал богатый инвентарь: изображения в скифском зверином стиле (бронза, золото) хищников из породы кошачьих, косуль, горных козлов, грифов, а также золотая пектораль, наборы наконечников стрел (бронза, кость) и другие предметы»* (Грач, 1967. С. 132-133).

В 1967 г. была прослежена относительная хронология объектов в Куйлуг-Хеме. А.Д. Грач (1968) считал: *... «важно, что крепида кургана 24 лежит на крепиде монгун-тайгинского кургана 25. Курганы скифского времени содержат погребения в четырёхугольных грунтовых ямах, курганы монгун-тайгинского типа — погребения вблизи уровня горизонта в грунтовых ямах, обрамлённых плитовыми обкладками».*

М.И. Артамонов одним из первых обратил внимание на погребения VI-V вв. до н.э. в курганах Куйлуг-Хема I: *... «где из большого числа находок отметим золотые бляшки в виде профильного зверя с загнутым кончиком хвоста, сходные с найденными в казахстанских курганах, бронзовую пряжку из двух обращённых в разные стороны головок косуль, бляшки в виде такой же головки с длинным ухом, трактованным в манере алтайской резьбы по дереву, и*

другие. Продолжение раскопок в Тувинской республике обещает новые находки не разграбленных погребений, хотя, как можно судить по уже имеющимся данным, и не столь богатых и сохранных в части вещей из органических материалов, как алтайские могилы, но зато содержащих почти начисто отсутствующий на Алтае металлический инвентарь» (Артамонов, 1973. С. 83-84).

В обобщающей монографии «Древние кочевники в центре Азии», находки из ранних курганов Куйлуг-Хема были отнесены А.Д. Грачом к двум хронологическим периодам – к усть-хемчикскому и саглыньскому этапам (Грач, 1980. Вкладка III).

Вероятно, точка зрения одного из ведущих археологов и знатоков скифского искусства М.И. Артамонова повлияла на А.Д. Грача. Комментируя синхронистические таблицы, он говорил мне, что бронзовые бляшки из Куйлуг-Хема близки к деревянным бляшкам копытных животных из ранних курганов пазырыкской культуры на Алтае. В процессе этих встреч я более детально ознакомился с материалами из Тувы и впервые обратил внимание, что курганы Куйлуг-Хема были разнесены А.Д. Грачом на два хронологических этапа. Курган № 9 Куйлуг-Хема I был отнесен к саглыньскому этапу, который А.Д. Грач датировал V–IV вв. до н.э.

В 1986 г. в Германии Р. Кенк перерисовал и заново систематизировал материалы А.Д. Грача, опубликованные в монографии 1980 г. (Kenk, 1986).

Современный этап датирования курганов раннескифского времени в Туве. За прошедшие 50 лет после завершения раскопок объектов в Куйлуг-Хеме, в Туве было исследовано большое число курганов VIII-VI вв. до н.э. В многочисленных работах археологов (М.П. Грязнова, А.Д. Грача, С.И. Вайнштейна, Л.Р. Кызласова, М.Х. Маннай-оола, Н.Л. Членовой, М.А. Дэвлет, А.М. Мандельштама, Д.Г. Савинова, А.В. Виноградова, Н.А. Боковенко, Л.С. Марсадолова, Г.И. Зайцевой, Вл.А. Семенова, М.Е. Килуновской, К.В. Чугунова,

Г. Парцингера, А. Наглера, Н.Ю. Смирнова, А.А. Тишкина, П.И. Шульги, А.З. Бейсенова, И.В. Рукавишниковой и др.) с разной степенью детальности были рассмотрены проблемы хронологии раннескифских памятников Тувы, что может быть темой отдельной большой работы.

Хронология памятников 2-й половины VII в. до н.э. на Саяно-Алтае (рис. 1) опирается на комплексные *независимые датировки из трёх регионов*: Алтай – даты курганов №№ 19 и 2 Бойтыгема II и др. (Абдулганеев, 1994; Марсадолов, 2000. С. 22; Тишкин, 2011), Тувы – кургана Аржан-2 (Chugunov, Parzinger, Nagler, 2010) и Хакасии – Большого Полтаковского кургана (Курочкин, 1993; Марсадолов, 2015).

При перекрёстном датировании археологических объектов Саяно-Алтая хронологическими «индикаторами» являются (рис. 1):

- Зооморфные изображения хищников и копытных животных (оленя, козули, коня, барана, кабана), а также орнаментальные мотивы.
 - Предметы конского снаряжения (удила, псалии, пряжки, блоки, пронизки).
 - Украшения (золотые серьги, поясные пряжки, зеркала, бусы, бляшки).
 - Оружие, орудия, сосуды (кинжалы, стрелы, ножи, оселки и др.).
- Наиболее важные перекрёстные археологические аналогии отмечены пунктирными линиями на рис. 1.

Следует обратить внимание, что образы голов копытных животных из куйлуг-хемского кургана № 9 имеют близкие археологические аналогии 2-й пол. VII в. до н.э. в кургане № 32 могильника Гилёво-10 на Западном Алтае (Шульга, 2016) и в кургане № 14 Быстрянского могильника (Завитухина, 1966). Особенно много аналогий между предметами из курганов № 9 Куйлуг-Хема I и Аржан-2 (рис. 1 – пряжки, наконечники стрел, изображения хищных зверей и птиц, копытных, оселки).

Предварительно можно наметить относительную хронологию памятников 2-й пол. VII в. до н.э., представленных на рис. 1. Наиболее ранними являются материалы из жертвенных мест Казахстана и Киргизии (Бакубулак и Иссык-Куль-клад – Бейсенов, 2015; Бернштам, 1952). Затем были сооружены курганы: Аржан-2 (Тува), позднее Гилёво, м. 32 (Западный Алтай), Куйлуг-Хем I, к. 9 и Хемчик-Бом III, п. 9 и 13 (Тува), Быстрянский, к. 14 (Алтай), Большой Полтаковский (Хакасия), Бегирэ, к. 40 (Тува – Кызласов, 1979. С. 75-76), Бойтыгем II, к. 19 (Северный Алтай). Вероятно, на рубеже VII-VI вв. до н.э. был сооружён курган № 2, Бойтыгема II на Северном Алтае, наиболее поздний среди выше рассмотренных объектов, который по пряжкам средних размеров, бляхам и псалям близок по времени к раннепазырыкским памятникам Алтая.

В заключение отметим, что в ходе работ Саяно-Тувинской экспедиции ЛОИА АН СССР под руководством А.Д. Грача было обнаружено и раскопано большое число интересных и важных археологических объектов разных эпох, которые при новых комплексных исследованиях могут быть изучены более детально.

- Абдулганеев, 1994* – Абдулганеев М.Т. Майэмирские курганы Бойтыгема // Археология Горного Алтая. Сборник научных статей. Барнаул, 1994.
- Артамонов, 1973* – Артамонов М.И. Сокровища саков. Аму-Дарьинский клад. Алтайские курганы. Минусинские бронзы. Сибирское золото. М., 1973.
- Бейсенов, 2015* – Бейсенов А.З. Поселения и могильники сакской эпохи Центрального Казахстана // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов Степной Евразии. Сборник научных статей, посвящённый памяти археолога К.А. Акишева. Алматы, 2015.
- Бернштам, 1952* – Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая // МИА. 1952. Вып. 26.
- Грач, 1967* – Грач А.Д. Исследования на Куйлуг-Хемском плато // Археологические открытия 1966 г. М., 1967.
- Грач, 1968* – Грач А.Д. Исследования на Куйлуг-Хеме и Алды-Беле // Археологические открытия 1967 г. М., 1968.
- Грач, 1980* – Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. М., 1980.

- Завитухина*, 1966 – Завитухина М.П. Курганы у с. Быстрянского в Алтайском крае (по раскопкам С.М. Сергеева в 1930 г.) // Археологический сборник Гос. Эрмитажа. Л., 1966. Вып. 8.
- Курочкин*, 1993 – Курочкин Г.Н. Богатые курганы скифской знати на юге Сибири (Большой Новоселовский и Большой Полтаковский курганы). Санкт-Петербург, 1993.
- Кызласов*, 1979 – Кызласов Л.Р. Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М., 1979.
- Марсадолов*, 2000 – Марсадолов Л.С. Археологические памятники IX-III вв. до н.э. горных районов Алтая как культурно-исторический источник (феномен пазырыкской культуры). Автореф. дис. ... д-ра культурологии. СПб., 2000.
- Марсадолов*, 2015 – Марсадолов Л.С. Салбыкский культурно-хронологический этап в истории древней Хакасии // Теория и практика археологических исследований. Барнаул, 2015, № 1.
- Смирнов*, 2015 – Смирнов Н.Ю. Сто и пятьдесят лет тувинской археологии: к 100-летию раскопок А.В. Адрианова в Урянхайском крае и к 50-летию начала работ Саяно-Тувинской экспедиции ЛОИА АН СССР под руководством А.Д. Грача в Туве // Археологические вести. СПб., 2015. Вып. 21.
- Тишкин*, 2011 – Тишкин А.А. Бийкенская культура Алтая аржано-майэмирского времени: содержание и опыт периодизации // «Terra Scythica»: Материалы международного симпозиума «Terra Scythica». Новосибирск, 2011.
- Шульга*, 2016 – Шульга П.И. Могильник раннескифского времени Гилёво-10 в предгорьях Алтая. Новосибирск, 2016.
- Kenk*, 1986 – Kenk R. Grabfunde der Skythenzeit aus Tuva, Sŷd-Sibirien. Unter Zugrundelegung der Arbeit von A.D. Graz dargestellt // Materialien zur Allgemeinen und Vergleichenden Archdologie, Band 24. Mŷnchen, 1986.
- Chugunov, Parzinger, Nagler*, 2010 – Chugunov K., Parzinger H., Nagler A. Der skythenzeitliche Fŷrstenkurgan Arĥan 2 in Tuva // Archdologie in Eurasien 26. Steppenvŷlker Eurasiens 3. Mainz, 2010.

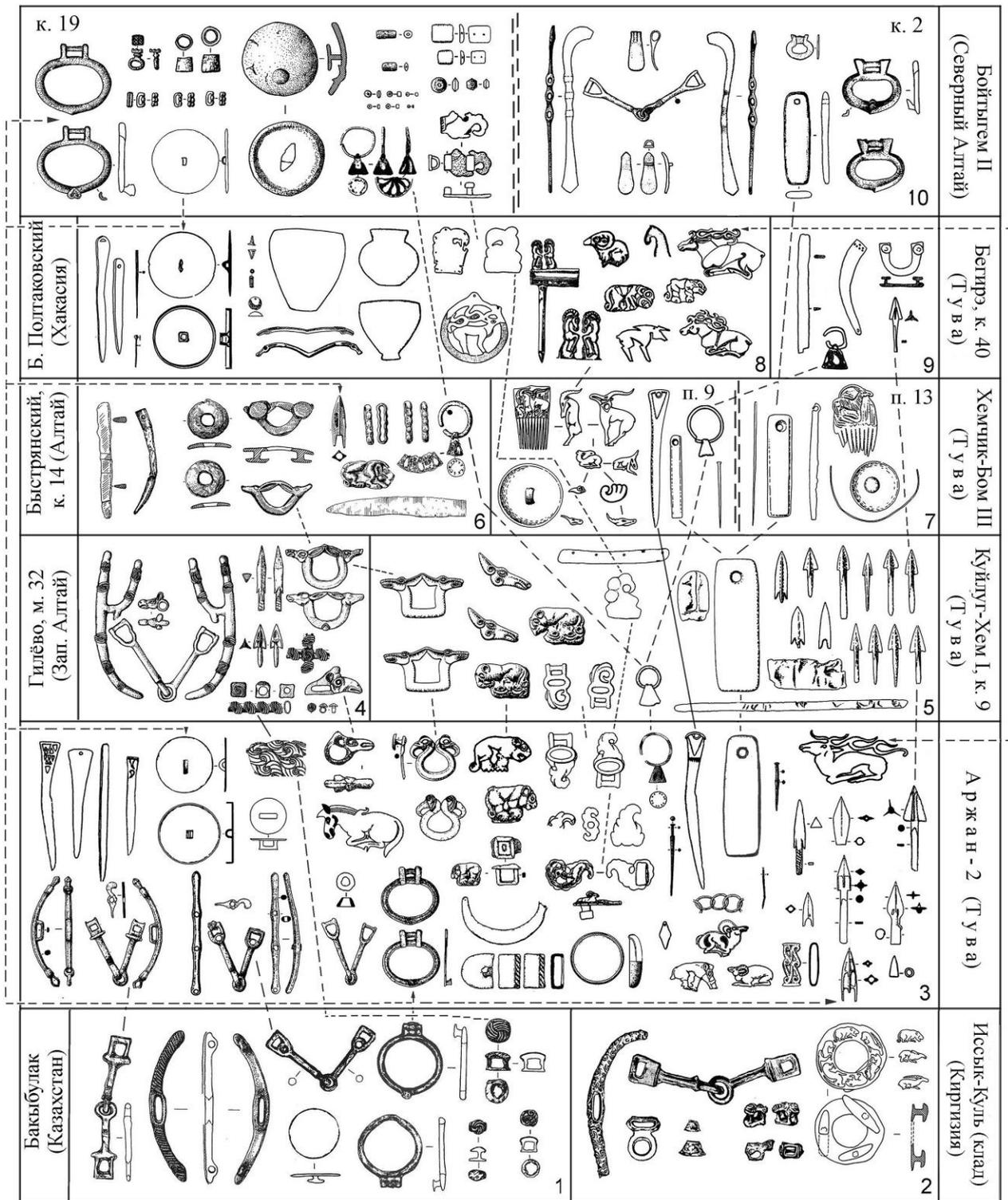

Рис. 1. Перекрёстное датирование археологических памятников 2-й половины VII в. до н.э. По материалам: 1 – А.З. Бейсенова; 2 – А.Н. Бернштама; 3 – К.В. Чугунова, Г. Парцингера, А. Наглера; 4 – П.И. Шульги; 5, 7 – А.Д. Грача; 6 – М.П. Завитухиной, раскопки С.М. Сергеева; 8 – Г.Н. Курочкина; 9 – Л.Р. Кызласова, раскопки А.В. Адрианова; 10 – М.Т. Абдулганеева. Масштаб разный. Составлено Л.С. Марсадоловым.

С. С. Миняев

**К ТРАКТОВКЕ РОЛИ НАБОРНЫХ ПОЯСОВ ИЗ ПАМЯТНИКОВ
ЭПОХИ СЮННУ**

Ключевые слова: Центральная Азия, эпоха сюнну, наборные пояса, ордосские бронзы

1. Одним из ярких категорий предметного комплекса из памятников эпохи сюнну являются наборные пояса, состоящие из кожаной основы и прикрепленных к ней различных украшений из бронзы, минералов и т.д. Эстетическая привлекательность многих деталей пояса (в первую очередь бронзовых изделий в «зверином» или «ордосском» стиле) послужила основой для трактовки таких поясов как престижных элементов инвентаря и, следовательно, как показателей высокого социального статуса, погребенных в сюннуском обществе. Такая интерпретация была оправданной в условиях недостатка информации на начальном этапе развития сюннуской археологии. Рост исследований в последние годы позволил получить принципиально новую информацию, которая позволяет существенно откорректировать выдвигавшиеся ранее предположения.

2. В размещении захоронений на площади сюннуских могильников выявлена определенная закономерность – погребения располагаются группами, каждая состоит из нескольких комплексов. Комплекс, в свою очередь, состоит из центрального кургана и расположенных вокруг него «сопроводительных» захоронений, как правило не имеющих признаков на дневной поверхности. Большинство скелетов из таких «сопроводительных» погребений имеют признаки насильственной смерти, что вкупе со сведениями письменных источников подтверждает наличие у сюнну обычая человеческих жертвоприношений.

3. Рассматриваемые наборные пояса в памятниках сюнну найдены только в рядовых могильниках, в сопроводительных захоронениях со следами

насильственной смерти. Именно поэтому трактовка таких погребений как захоронений лиц с высоким социальным статусом не может быть принята. Более вероятно, что здесь погребены представители подчинившихся сюнну племен, не связанных с ними своим происхождением. Соответственно, атрибуция наборных поясов как маркеров именно сюннуского культурного комплекса может быть пересмотрена. Такое заключение подтверждается и анализом элитных могильников, принадлежность которых сюнну вполне очевидна. В инвентаре найденных здесь сопроводительных захоронений (расположенных как вокруг центральных курганов, так и внутри погребальных камер) представлен принципиально иной тип поясов, а характерные для рядовых могильников наборы поясной гарнитуры (бронзовые изделия с зооморфными изображениями и украшения из минералов) до настоящего времени не найдены.

С. Р. Мурзина

**К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ МЕСТЕ И КОМПОНЕНТНОМ СОСТАВЕ
МОГИЛЬНИКА УЛАНГОМ**

Ключевые слова: Монголия, Тува, Улангом, саглыньско-уюкская культура, озен-ала-белигский этап, хунну, карасукские бронзы, культура плиточных могил

Материалы могильника Улангом, расположенного в Убсунурском аймаке северо-западной Монголии на склонах горы Чандмань, демонстрируют сочетание традиций различных эпох: бронзового века, скифского и гунно-сарматского времени. Присутствие в предметном комплексе вещей, относящихся к различным археологическим культурам, а также необычность типов погребений Улангома для территорий Монголии ставят вопрос об историческом месте данного памятника.

Сопоставление Улангома с материалами, происходящими с прилежащих к северо-западной Монголии территорий, позволило отнести данный памятник к саглыньско-уюкской культуре Тувы (*Волков, 1978. С. 106; Новгородова, 1986, С. 277-278, 295*). При этом было установлено, что Улангом, по крайней мере, значительная часть погребений этого могильника, относятся к ее завершающему - озен-ала-белигскому - этапу (III-II вв. до н.э.) (*Семенов, 2003. С. 52-58,78*).

Сложность в определении датировки Улангома, с которой столкнулись его исследователи, была вызвана тем, что в погребениях присутствовало значительное число предметов архаичного облика, относящихся к кругу карасукских или, по крайней мере, карасук-тагарских бронз. Анализу этих вещей была посвящена большая статья Н. Л. Членовой, которая на основании анализа материалов Улангома, а также памятников юго-восточного Алтая, Внутренней Монголии, северных районов Китая и Ордоса пришла к выводу о том, что население этих территорий могло использовать карасукские бронзы вплоть до V-III вв. до н.э. (*Членова, 1993, С. 65*). Мысль о том, что предметы карасукского облика, обнаруженные в погребениях Улангома, являлись своего рода

реликвиями, высказывала также Э. А. Новгородова (*Новгородова, 1986. С. 274*). Присутствие в погребениях предметов, относящихся к более ранним эпохам, не является, в прочем, необычным и для других саглыинско-уюкских памятников. Алды-бельские типы вещей со следами их длительного использования встречаются в погребениях саглыинской культуры (зеркало из кургана 1 могильника Кюзленги I; зеркало, колчаный крюк и шило – Кокэль, курган 48), однако столь архаичные карасукские формы в целом не характерны для Тувы. К их числу может быть отнесена лишь одна находка - кинжал-акинак, происходящий из кургана 2 могильника Дужерлиг-Ховузу, датируемого озенала-белигским этапом (*Семенов, 2003. С. 61*)

Интересно замечание Н. Л. Членовой о том, что карасукские и карасук-тагарские типы вещей систематически встречаются в памятниках V-III вв. до н.э. во Внутренней Монголии, прилегающих районах Северного Китая и на Ордосе и, вероятно, были распространены в культуре плиточных могил Восточной Монголии и Забайкалья, в то время как на северо-западе Монголии они обнаруживаются довольно редко (*Членова, 1993. С. 65*). В таком случае, (не принимая, однако, положения о поздней дате карасукской культуры в целом) появление карасукских бронз в северо-западной Монголии в конце скифского времени можно связать с миграцией носителей культуры плиточных могил, вызванной началом экспансии хунну. Косвенно это подтверждается находкой на Улангоме саглыинской по форме костяной пряжки с изображением оленя, выполненным в той же композиционной манере, что и на оленных камнях монголо-зabayкальского типа (*Цзвэндорж, 1978. Рис. 4, 1*). Населением, пришедшим с востока в северо-западную Монголию, а потом и в Туву, могли быть также принесены типы вещей, заимствованные в результате первых контактов с хунну, а также новые черты погребального обряда (каменные выкладки пола срубов, заполнение пространства между срубом и стенками могильной ямы каменными плитами, нарушение саглыинской традиции

ориентировки и придания позы погребенным и др.). Исходя из этого, погребения в каменных ящиках можно считать своего рода модификацией конструкции плиточных могил, ее упрощением.

Гипотезе о привнесении карасукского и хуннского компонентов мигрировавшими на запад носителями культуры плиточных могил не противоречат результаты работы по изучению антропологической коллекции Улангома, осуществленной Н. Н. Мамоновой. Останки погребенных демонстрируют сочетание монголоидных и европеоидных признаков, при этом достоверно известно, что население Тувы скифского времени являлось европеоидным, а в Восточной Монголии – монголоидным. Вероятно, Улангом следует считать свидетельством первичного взаимодействия пришлого населения с саглыным. Среди погребенных в Улангоме численно преобладали мужчины молодого и зрелого возраста, на костяках которых были зафиксированы множественные повреждения, нанесенные оружием во время боя. В сравнении с другими могильниками скифского времени мал процент захоронений женщин, детей и стариков, что позволяет допускать быстрый характер заполнения могильника (Мамонова, 1978. С. 130). В таком случае, возможно, что саглынское население Тувы и носители культуры плиточных могил в какой-то момент времени могли объединиться ввиду опасности, которую представляли воинственные племена хунну и попытаться отразить угрозу, что, вероятно, им не удалось. Племена, мигрировавшие из Восточной Монголии на запад, вынуждены были двинуться далее на север и инкорпорироваться в состав саглынско-уюкской и тагарской культур, о чем может свидетельствовать появление погребений в каменных ящиках, аналогичных улангомским или близким им, в Центральной Туве и в Минусинской котловине.

Вероятно, подтвердить или опровергнуть эти предположения должны дальнейшие исследования археологических памятников, расположенных на границе Тувы и Монголии.

Волков, 1978 – Волков. В. В. Улангомский могильник (по материалам раскопок 1972 г.) // Археология и этнография Монголии: сб. науч. ст. Новосибирск, 1978. С. 101-107 .

Мамонова, 1978 – Мамонова Н. Н. Демография Улангомского могильника (саяно-тувинская культура V-III вв. до н.э.) // Археология и этнография Монголии: сб. науч. ст. Новосибирск, 1978. С. 123 – 135.

Новгородова, 1986 – Новгородова Э. А. Древняя Монголия (некоторые проблемы древней истории). М., 1986. 384 с.

Семенов, 2003 – Семенов Вл. А. Суглуг-хем и Хайыракан – могильники позднескифского времени в Туве. СПб., 2003. 240 с.

Цэвэндорж, 1978 – Цэвэндорж Д. Чандманьская культура // Археология и этнография Монголии: сб. науч. ст. Новосибирск, 1978. С. 108 – 117 .

Членова, 1993 – Членова Н. Л. О поздней дате карасукских бронз в Монголии, Горном Алтае, Забайкалье и Ордосе // ПАВ, №4. СПб., 1993. Вып. 4. С. 31-72.

С. В. Панкова

МЕХОВЫЕ ОДЕЖДЫ ИЗ ОГЛАХТИНСКОГО МОГИЛЬНИКА

Ключевые слова: Минусинская котловина, таштыкская культура, костюм, обувь, погребальный обряд, мумии, куклы с кремациями

В отдельных погребениях Оглахтинского могильника в Хакасии, и особенно в погребении 4, исследованном Л.Р. Кызласовым в 1969 г., найдены хорошо сохранившиеся предметы одежды и обуви, изготовленные преимущественно из меха, а также кожи и шерстяных тканей. Памятник относится к таштыкской культуре (этап грунтовых могильников), погребение 4 датируется 3–4 вв. н.э. Найденная здесь одежда и обувь принадлежала четырем погребенным – мужчине и женщине («мумиям») и двум погребальным куклам с зашитыми внутри костями кремаций (скорее всего, захоронениям мужчин).

Комплекс одежды включает пять взрослых шуб и одну детскую, две шапки, нагрудник, три пары штанов, ремешки к одной из них, две рукавицы, шерстяную юбку и, вероятно, фрагменты текстильно-мехового изделия (назначение неясно). Обувь представлена двумя парами сапожек.

Все материалы из могилы 4 находятся в Государственном Эрмитаже. Часть предметов одежды была отреставрирована и представлена на экспозиции уже в 1970-е годы, другие еще находятся в фондах, их реставрация продолжается. Видовая принадлежность меха большей части предметов была определена Н.К. Верещагиным (ЗИН РАН) вскоре после поступления материалов в Эрмитаж.

Все меховые изделия тщательно сшиты из небольших кусочков ворсом чаще внутрь, реже наружу. Интересной особенностью шуб являются декоративные детали на воротниках и в области плеч, а также кожаные завязки, свидетельствующие о способе стыковки пол. Использование завязок отличает и другие составляющие костюма. Предметы одежды одной категории (шубы, штаны и т.п.) имеют, в основном, сходный покрой и отличаются лишь деталями.

Д. В. Папин

**ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУР ЭПОХИ ФИНАЛЬНОЙ БРОНЗЫ
АЛТАЯ**

Ключевые слова: Алтай, финальная бронза, саргаринско-алексеевская культура, донгальская культура, позднеирменская культура

Конец бронзового века ознаменовался началом широких изменений, охвативших степную полосу Евразии в (IX)VIII-VI вв. до н.э. Повсеместно происходил переход к кочевому типу хозяйствования. Этот процесс совпал с освоением человеком нового металла (железа) и сопровождался усилением миграционных процессов, участвовавшими конфликтами, перестройкой социальной структуры общества и кардинальной сменой системы мировоззрения. Этот период в археологической литературе принято именовать «переходное время от эпохи бронзы к раннему железному веку». Известный археолог-сибиривед Михаил Федорович Косарев писал, что переход от бронзового века к железному достаточно длительный процесс, сопровождавшийся затуханием или трансформацией многих элементов культуры эпохи бронзы и становлением, упрочением признаков и черт, характерных для культур железного века и его следует выделять в особую историческую эпоху, а в силу своего «переходного» характера он должен лежать около рубежа ирменской и скифо-тагарской эпох, т.е. приблизительно в пределах VIII-VII или VII-VI вв. до н.э. (Косарев, 1981, с. 179).

Равнинный Алтай включает в себя несколько географических провинций, разделенных широкой долиной реки Оби. На левобережье выделяется Приобское плато и Предалтайская равнина, на правобережье - Бийско-Чумышская возвышенность и Предсалаирская равнина на северо-востоке. Этот регион охватывает зону лесостепи и интерзональные участки сосновых боров и пойм рек. Стык природно-географических областей, наличие мощной водной артерии, открытость со стороны центральноазиатских степей, непосредственное

примыкание к Саяно-Алтайской горной системе - все это способствовало протеканию здесь активных миграционных процессов в древности как в широтном, так и в меридиональном направлении. По сути дела, это контактная зона трех крупных историко-культурных провинций: культур степного круга Восточного Казахстана, населения горного и предгорного Саяно-Алтая и носителей культурных традиций лесной и лесостепной зоны Западной Сибири.

В эпоху поздней бронзы появляются и нарастают новые тенденции, повышается роль кочевого скотоводства, значительно увеличивается использования лошади в хозяйстве, усиливается мобильность. Поэтому нижняя граница переходного периода обусловлена появлением в памятниках финальной бронзы новых традиций, а верхняя формированием классических культур скифо-сакского облика, хронологические рамки переходного времени от бронзового века к железному Алтая охватывают период с конца X в. до н.э. по начало VI в. до н.э.

В культурном плане в рассматриваемое время в лесостепном Алтае продолжился процесс аккультурации корчажкинских комплексов ирменской традицией. Именно «ирмень» стала основой для складывающейся большереченской культуры переходного времени от бронзы к железу. Очень важно, что этот процесс сопровождался развалом ирменского культурного единства, под влиянием которого, прошла вся эпоха поздней бронзы на юге Западной Сибири. На первый план выходит региональная специфика, выразившаяся в появлении новых синкретичных объектов. При этом сохраняются локальные ирменские группы, одним из вариантов, эволюции которых стало появление позднеирменских памятников. В степном Алтае складываются донгальские комплексы, связанные с дальнейшим развитием саргаринско-алексеевской культуры.

Как уже было отмечено, период финальной бронзы связан с повышением мобильности населения. На территории Приобья появляются погребальные

комплексы раннескифского облика, другое направление обусловлено влиянием северным носителей традиций «крестовой керамики». Видимо, как ответ на это, в регионе, особенно в его южной части появляются укрепленные поселения.

Таким образом, на финальной стадии бронзового века на территории равнинного Алтая происходит дальнейшая эволюция культурных традиций эпохи поздней бронзы, но усиливается миграционный фактор северного и западного происхождения.

Работа подготовлена в рамках проекта РФФИ № 17-11-22011-ОГН «Барнаульское Приобье в древности»

Косарев, 1981 – Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М., 1981. 282 с.

Т. С. Паршикова

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕТОДОВ ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК В
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ПАМЯТНИКОВ АЛТАЯ

(1940–1960-е гг.)

Ключевые слова: естественнонаучные методы, археология, памятники, Алтай

Процесс применения данных естественных наук в гуманитарных исследованиях уже имеет свою историю. Особый интерес представляет начальный этап использования их в археологии. В 1940–1960-е гг. по инициативе отдельных ученых исследования некоторых памятников Алтая (ставших впоследствии базовыми для территории Центральной Азии) стали строиться на широком применении металлографии, радиоуглеродного, спектрального, пыльцевого, дендрохронологического и ряда других методов. Опыт анализа применения данных естественных наук при изучении алтайских комплексов кратко представлен в настоящей публикации.

В 1940–1950-е гг. на Алтае проводились масштабные раскопки знаменитых курганов с мерзлотой на памятниках Пазырык, Башадар и Туэкта под руководством С.И. Руденко. Необходимость всестороннего изучения уникальных материалов поставила перед ученым задачу поиска новых методов их изучения и сохранения. Немаловажную роль имело то, что в 1944 г. С.И. Руденко получил степень доктора технических наук (*Шмидт*, 2006. С. 22) и стремился расширить возможности изучения древних предметов с помощью естественнонаучных знаний. Для реализации таких исследовательских программ в Ленинграде под его руководством с 1953 г. действовала Лаборатория археологической технологии (ЛАТ) (*Зайцева*, 2014. С. 262). Наибольшее внимание удалялось вопросам датирования комплексов. После раскопок на Алтае велась дискуссия о возрасте больших курганов. В связи с этим развивались несколько направлений исследований. В 1955 г. в рамках ЛАТ была создана первая в стране радиоуглеродная лаборатория, которую возглавил

авторитетный специалист в области радиохимии И.Е. Старик (*Зайцева*, 2007. С. 95). С.В. Бутомо получил несколько датировок по ^{14}C для ряда памятников Алтая. Им были установлены абсолютные даты для бревен перекрытий из второго и пятого Пазырыкских, Катандинского, первого Туэктинского курганов, а также Шибе (*Бутомо*, 1963. С. 26). В 1956–1957 гг. хорошо сохранившиеся деревянные изделия и конструкции из курганов Алтая стали основой построения первой в истории отечественной археологии дендрохронологической шкалы (*Слюсаренко*, 2010. С. 4). Это позволило с точностью до одного года установить очередность сооружения курганов (*Замоторин*, 1959; *Марсадолов*, 1996. С. 31). Таким образом, методы естественных наук позволили более точно определить датировку комплексов. Стоит отметить, что в ходе обработки материалов из больших курганов Алтая были проведены исследования по ботанике, палеоботанике, палеозоологии, гиппологии, антропологии, трасологии. Часть металлических изделий из Пазырыкских курганов изучены с помощью спектрального и металлографического анализов (*Руденко*, 1953. С. 250). Всесторонне изучались найденные в курганах разнообразные ткани, в том числе древнейший в мире ворсовый ковер, а также проводились анализы шерсти, пуха, остеологических материалов (*Руденко*, 1960. С. 153). Применяемые С.И. Руденко методы исследования археологических предметов разительно отличались от всех изысканий, проводимых в то время в Сибири, и в целом в стране. Полученные результаты стали важным источником для построения исторических реконструкций. До сих пор материалы из раскопок больших курганов Алтая привлекают внимание специалистов. Особенно актуально обращение к истории их изучения и интерпретации в настоящее время. Это связано с возобновлением раскопок на памятнике Пазырык в 2017 г. и возможностью новых открытий.

Сотрудничество в области применения естественнонаучных методов в археологии осуществлялось и в исследовательских учреждениях Сибири, главным образом, в Новосибирске. В 1966 г. в структуре СО АН СССР был

выделен Института истории, филологии и философии под руководством А.П. Окладникова. Одним из ведущих направлений работы этого комплексного учреждения стала археология. Территориальная консолидация большого количества академических институтов давала возможность привлечения к исследованиям специалистов различных областей. Существенным образом расширился диапазон применяемых в археологических изысканиях методов. В конце 1960-х гг. А.П. Окладников при проведении исследований на памятнике Улалинка в вопросах датирования оперировал данными, полученными методами естественных наук (регионально-геологического, палеомагнитного, термолюминесцентного) (Окладников и др., 1985. С. 80). Кроме того, известный археолог на постоянной основе сотрудничал с местными специалистами – А.П. Уманским и Б.Х. Кадиковым. Научное взаимодействие сыграло существенную роль в развитии археологии Алтая. Вместе с тем, общие тенденции использования региональными специалистами методов естественных наук проявились в первую очередь в привлечении антропологических знаний: находки А.П. Уманского из Тугозвоново анализировал крупнейший специалист того времени – М.М. Герасимов (Уманский, 1978. С. 133, 162), сотрудница Алтайского краевого краеведческого музея Э.М. Медникова материалы из раскопок Бобровского грунтового могильника отправляла для определения антропологу из Томска В.А. Дремову (Годовой отчет, 1969. Л. 21–24). Он же проводил анализ антропологических материалов раскопок Б.Х. Кадикова из Усть-Иши и Большого Мыса.

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект №16-18-10033 «Формирование и эволюция систем жизнеобеспечения у кочевых социумов Алтая и сопредельных территорий в поздней древности и средневековье: комплексная реконструкция»).

Бутомо, 1963 – Бутомо С.В. Применение радиоуглеродного метода в археологии. М.; Л., 1963. С. 9-31.

- Годовой отчет, 1969* – Годовой отчет о работе Алтайского краеведческого музея за 1969 г. // Государственный архив Алтайского края. Фонд–1041. Описание 1. Дело №675. Барнаул, 1969.
- Замоторин, 1959* – Замоторин И.М. Относительная хронология Пазырыкских курганов // СА. 1959. №1. С. 21-30.
- Зайцева, 2007* – Зайцева Г.И. Радиоуглеродная группа ИИМК РАН: история создания, современное состояние // Записки ИИМК РАН. 2007. №2. С. 93-156.
- Зайцева, 2014* – Зайцева Г.И. Лаборатория археологической технологии и ее радиоуглеродная группа: история создания и современное состояние // Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014 гг.). СПб., 2013. С. 261-279.
- Марсадолов, 1996* – Марсадолов Л.С. История и итоги изучения археологических памятников Алтая VIII–IV вв. до н.э. (от истоков до начала 80-х годов XX века). СПб., 1996.
- Окладников и др., 1985* – Окладников А.П., Рагозин Л.А., Поспелов Г.А., Гнибиденко З.Н., Шлюков А.И. К вопросу о возрасте Улалинского местонахождения галечной культуры на Алтае // Известия АН СССР. Серия геологическая. 1985. №7. С. 74-82.
- Руденко, 1953* – Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л., 1953. 402 с.
- Руденко, 1960* – Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л., 1960. 360 с.
- Слюсаренко, 2010* – Слюсаренко И.Ю. Дендрохронологическое датирование археологических памятников скифской эпохи Алтая. Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Новосибирск, 2010.
- Уманский, 1978* – Уманский А.П. Погребение эпохи «великого переселения народов» на Чарыше // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978. С. 29-163.
- Шмидт, 2006* – Шмидт О.Г. Археологические исследования С.И. Руденко в Северной Азии. Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Барнаул, 2006.

А. С. Пахунов

ФИКСАЦИИ НОВЫХ ГРАВИРОВОК НА ПЛИТАХ ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ

КАРАКОЛА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СЪЕМКИ В ИНФРАКРАСНОМ СВЕТЕ

Ключевые слова: Бронзовый век, Алтай, каракольская культура, наскальное искусство, документация, гравировки

Для искусства каракольцев Алтая характерно использование разнообразных техник модифицирования поверхности: выбивки, гравировки, шлифовки, окрашивания. Они могли использоваться как по отдельности, так и в сочетаниях. Стоит отметить, что многие гравировки остались незавершенными. Одним из примеров использования всех техник являются фигуры на плите 1 из погребения 2 кургана 2 Каракола. На данной плите В.Д. Кубарев выделил два слоя изображений: нижний включает два выбитых изображения в правой половине плиты, которые затем были перекрыты верхним слоем – парой персонажей в масках (Кубарев, 2009. С. 15). Визуализация изображений потребовала применения комплексной методики, включающей фотограмметрию, спектральную и многоугловую теневую фотосъемку, а также микрофиксацию отдельных деталей. На основании полученных данных была предпринята реконструкция техники и последовательности, в которой выполнялись отдельные детали фигур (Дэвлет и др, 2017). Однако позже мной были выявлены дополнительные гравированные линии и, следовательно, понадобилась редокументация плиты с целью наиболее полной фиксации следов обработки поверхности (рис. 1).

Фотосъемка в видимом и инфракрасном диапазоне проводилась с использованием фотоаппарата Nikon D800, объектива Micro-Nikkor 60/2.8D и выносной вспышки. Цифровая обработка полученных изображений заключалась в их конвертации в формат tiff, выравнивании освещения и усилении контраста. Полученные изображения были объединены в стек, по которому затем выполнялась прорисовка графическими и цифровыми средствами. Детальное

изучение поверхности плиты позволило зафиксировать отдельные гравированные линии, которые после прорисовки сложились в фигуру, типичную для искусства каракольцев (рис.1. 3).

Микрорельеф поверхности плиты был зафиксирован с использованием многоугловой теневой фотосъемки. Благодаря высокому разрешению матрицы фотоаппарата у нас была возможность фиксировать мельчайшие детали, зачастую незаметные глазом. Оказалось, что гравировки выполнялись длинной стороной продолговатого инструмента и достаточно быстро, что привело к прерывистости линии. Гравировка проходит по выступающим элементам поверхности, а углубления остались непроработанными.

Глубокие гравировки фиксируются не только по изменению цвета, но создают также характерный светотеневой рисунок при фотосъемке в боковом свете. Однако тонкие неглубокие гравировки зачастую невозможно документировать ввиду их неразличимости на такого рода снимках. Фотосъемка в инфракрасном диапазоне позволила зафиксировать гравировки различной глубины и оценить последовательность выполнения изображений на плите, основываясь на степени выветренности поверхности. Выветривание – процесс разрушения горных пород под действием физических и химических агентов, таких как ветер, солнце, вода и растворенные в ней химические вещества. В результате выветривания поверхность зеленовато-серого сланца, исходный цвет которого виден на сколах, приобрела характерный желтовато-коричневый оттенок. В процессе выбивки инструментом выветренный слой удаляется, и в результате возникает контраст между фоном и следами ударов. Выполнение гравировок также предполагает разрушение выветренной поверхности и создание контраста между гравированными линиями и фоном. Со временем контраст снижается в результате выветривания обнажившейся поверхности, и визуально все поверхности выглядят однородно. Но на снимках в инфракрасном диапазоне контраст усиливается за счет различия в отражательной способности

материала выветренного слоя и неизменённой породы.

Бегущая фигура «быкоголового», повернутая на 90° относительно «солнцеголовых», относится к раннему слою. Для выполнения данного изображения использовалась предварительная эскизная гравировка, по которой затем была осуществлена выбивка. Однако в настоящее время данное изображение по тону несущественно отличается от необработанной поверхности, что позволяет сделать вывод о продолжительном экспонировании плиты на воздухе после выполнения фигуры. К этому же периоду относится и фигура в верхней части плиты. Следующим этапом декорирования плиты было выполнение тонких гравировок в центральной части, практически не видимых глазом. На заключительном этапе в смешанной технике были изображены «солнцеголовые» фигуры. Именно такая последовательность подтверждается обнаружением тонких гравировок, перекрытых более глубокими, относящимися ко второй слева фигуре.

Различия тона породы в гравированных линиях более ранней и более поздней фигуры позволяет предположить, что основной вклад в изменение цвета вносит экспонирование на солнце. После выполнения более поздних изображений и помещения плит в погребение процесс выветривания остановился – более четырех с половиной тысяч лет в земле не сказались на яркости гравированных линий. Этому способствовали сухость климата в регионе и отсутствие хозяйственной деятельности в границах памятника, позволившие сохранить мельчайшие следы художественной деятельности каракольцев.

Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект №16-01-00418

Дэвлет и др., 2017 – Дэвлет Е.Г., Пахунов А.С., Дэвлет М.А. Солнцеголовые персонажи Каракола // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 49.

Кубарев, 2009 – Кубарев В.Д. Памятники каракольской культуры Алтая. Новосибирск, 2009.

Рис. 1. Плита 1, погребение 2, курган 2 Каракола, фрагмент: 1 – фотография в видимом свете; 2 – изображение в инфракрасном свете; 3 – цифровая прорисовка.

Е. В. Переводчикова

К ДАТИРОВКЕ КУРГАНА АРЖАН-2

Ключевые слова: скифский звериный стиль, курган Аржан-2, китайское производство для кочевников, дата кургана Аржан-2

Дата кургана Аржан-2, определенная вскоре после раскопок этого памятника как середина - конец VII в. до н.э., практически не обсуждалась в литературе. Установленная на основании изучения форм стрел и предметов конского снаряжения и подтвержденная данными радиоуглеродного анализа (Чугунов, 2004. С. 34; Чугунов, 2005; Евразия, 2005. С. 84-90, 137), она не подвергается сомнению.

Однако некоторые наблюдения вступают в противоречие с такой датировкой.

Прежде всего, это касается железных, обложенных золотом кинжалов. Р.С. Минасян на основе изучения декора тагарских железных кинжалов пришел к выводу, что они литые, и следовательно, литыми должны быть и предметы из Аржана-2 (Минасян, 2004 .С. 68-71; Минасян, 2014. С. 94-98). Этот вывод согласуется с наблюдением К.В. Чугунова который обнаружил в декоре одного из аржанских кинжалов элементы китайского орнамента, что позволило предположить китайское производство вещи (Чугунов, 2004. С. 74. Чугунов, 2008. С. 98-101).

При этом начало производства железа в Китае зафиксировано на рубеже эпох Чуньцю и Чжаньго (начало V в. до н.э.), а массовое его распространение приходится на эпоху Чжаньго (Chang, 1977. P. 352-356).

В материале кургана присутствуют предметы с эмалевыми вставками. Учитывая признаки китайского направления связей в комплексе предметов из Аржана-2, не следует исключать китайского производства и этих вещей. Автором данной работы уже было высказано сожаление по поводу отсутствия данных о составе стекла этих вставок (Переводчикова, 2014. С. 148.), поскольку

химический состав китайского стекла отличается четкими признаками, при этом о стеклоделении в древнем Китае уверенно можно говорить начиная с эпохи Чжаньго (*Fu Xiufeng, Gan Fuxi, 2009. P. 415-424*).

Соображения, приводимые ниже, относятся не столько непосредственно к материалу Аржана-2, сколько к аржано-кичигинскому культурно-хронологическому горизонту, включающему памятники Тувы, Алтая, Казахстана, Приаралья и Южного Урала. Выделившие этот горизонт А.Д. Таиров и С.Г. Боталов датируют его второй половиной VII – серединой VI вв. до н.э. (Таиров, Боталов, 2010. С. 351-352), при этом нижняя дата основана на дате кургана Аржан-2. Однако некоторые признаки произведений искусства из памятников этого круга могут быть объяснены контактами с миром цивилизаций. На территории востока евразийской степи такие контакты стали возможны лишь в ахеменидское время, т.е. начиная во второй половины VI в. до н.э. (*Переводчикова, 2015. С. 237-239; 2016, С. 206-207*).

Целью данного сообщения является не установление даты кургана Аржан-2, а привлечение внимания к этой теме. Возможно, появление каких-либо новых данных снимет выявленные противоречия. Но пока этого не произошло, имеет смысл их учитывать.

Евразия, 2005 – Евразия в скифскую эпоху: радиоуглеродная и археологическая хронология / Ред. Г.И. Зайцева и др. СПб., 2005. 290 с.

Минасян, 2004 – Минасян Р.С. Сибирские железные кинжалы скифского времени.//СГЭ, 62, 2004.

Минасян, 2014 – Минасян Р.С. Металлообработка в древности и Средневековье. СПб., 2014.

Переводчикова, 2014 – Переводчикова Е.В. Произведения скифского звериного стиля со стеклянными вставками на востоке Евразии.// Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Том II. Казань, 2014.

Переводчикова, 2015 – Переводчикова Е.В. К хронологии раннескифского звериного стиля Южного Урала.//Этнические взаимодействия на Южном Урале: материалы VI Всерос. науч. конф. Челябинск. 2015.

Переводчикова, 2016 – Переводчикова Е.В. «Савроматский» звериный стиль в работах К.Ф. Смирнова и в исследованиях нашего времени.// Константин

- Федорович Смирнов и современные проблемы скифо-сарматской археологии. Материалы IX Международной научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории», посвященной 100-летию со дня рождения К.Ф. Смирнова. Оренбург, 2016.
- Таиров, 2010* – Таиров А.Д., Боталов С.Г. Погребение сакского времени могильника Кичигино I в Южном Зауралье.// Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий М., 2010.
- Чугунов, 2004a* – Чугунов К.В. Аржан – источник. //Аржан. Источник в Долине царей. Археологические открытия в Туве. СПб.: Гос. Эрмитаж, 2004.
- Чугунов, 2004б* – Чугунов К.В. Кинжал-акинак из кургана Аржан-2.// СГЭ, 62, 2004б.
- Чугунов, 2005* – Чугунов К.В Уздечные комплекты алды-бельской культуры в контексте в контексте развития конского снаряжения.//Снаряжение кочевников Евразии. Барнаул. 2005.
- Чугунов, 2008* – Чугунов К.В. Некоторые особенности искусства кургана Аржан-2//Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Том II. М. :ИА РАН, 2008.
- Chang, 1977* – Chang Kwang-chih. The Archaeology of Ancient China. New Haven-Lnd., 1977.
- Fu Xiufeng, Gan Fuxi, 2009* – Fu Xiufeng, Gan Fuxi. Multivariate Statistical Analysis of Some Ancient Glasses Unearthed in Southern and Southwestern China// Ancient Glass Research along the Silk Road. New Jersey, London, Singapore, Beijing, Shanghai, Hong Kong, Taipei, Chenna, 2009.

А. В. Поляков

ПОГРЕБЕНИЯ КАТАКОМБНОГО ТИПА В МАТЕРИАЛАХ ОКУНЕВСКОЙ
КУЛЬТУРЫ

Ключевые слова: Минусинские котловины, эпоха ранней бронзы, окуневская культура, катакомбы, уйбатский этап

На сегодняшний день при раскопках памятников окуневской культуры обнаружено 15 погребений катакомбного типа: Есь (*Липский, 1954*); Уйбат I к.1 м.1, 7 (*Наглер, Парцингер, 2006*); Уйбат III к.1 м.2; Уйбат V к.1 м.4, 6 (*Лазаретов, 1997*); Уйбат-Чарков к.1 м.3, 4, 6 (*Лазаретов, Поляков, 2018а*); Итколь II к.14 м.8; Итколь II к.12 м.4а, 5, 11, 12, 13. Они пока ещё мало изучены, так как большинство было обнаружено в ходе исследований последних лет. Эти конструкции состоят из двух частей: входа и погребальной камеры, которые разделяются «материковой» ступенькой и перегородкой из каменных плит. Вход после проведения погребения засыпался, причем часто с использованием извлеченного из могилы «материкового» грунта. В результате, в ходе раскопок эти сооружения бывает очень сложно обнаружить.

Изучение расположения катакомбных могил по территории огады не выявило какой-либо закономерности. Они размещаются на площади окуневских курганов согласно схеме, свойственной для раннего уйбатского этапа (*Поляков, 2017б*). Чрезвычайно интересной является традиция расположения входа и погребальной камеры в различных зонах кургана. Чаще всего вход располагается за пределами центрального сооружения, а само погребение выкапывалось так, чтобы заходить под него (Уйбат III к.1 м.2; Итколь II к.12 м.4-А, 11, 13). В наиболее ярком случае (Уйбат-Чарков к.1 м.6) вход был сделан за пределами огады, а захоронение уже внутри неё. Получалось, что вход в могилу находился в «мире живых», а сама погребальная камера уже в «мире мертвых». На данный момент этой схеме подчиняется каждое третье обнаруженное катакомбное сооружение.

Для формирования самостоятельной типологии окуневских катакомбных сооружений пока недостаточно материалов. Однако можно попытаться разделить их на несколько обособленных групп по методу оформления входа. Выделяются три группы: вход сделан из другой могилы (группа 1), вход в виде вертикальной шахты (группа 2) или в виде наклонного спуска (группа 3). Данное построение является первой попыткой систематизации материалов и не может рассматриваться как типология, так как предложенные группы не выстраиваются в какую-либо линию развития. Они существовали все одновременно и часто представлены все вместе в рамках одного кургана.

Катакомбы рядовое явление в рамках окуневской культуры. Этот тип погребальных сооружений не несет на себе особого сакрального или социального значения. Не наблюдается его связи с какой-либо возрастной или гендерной группой. В погребениях нет уникальных категорий погребального инвентаря, которые бы выделяли их из общего ряда. Размещение по площади кургана и ориентировка погребенных соответствуют стандартам. Их следует считать, одним из типов погребальных конструкций, находящимся в общем ряду с грунтовыми ямами, каменными ящиками, ямами с заплечиками.

На основании особенностей погребального обряда и сопроводительного инвентаря этот тип сооружений связывается исключительно с уйбатским этапом окуневской культуры. Более того, есть основания относить их к начальной стадии этого периода. Подобные сооружения отсутствуют в рамках более позднего лебяжинского хронологического горизонта (*Лазаретов, Поляков, 2018б*). Ранняя хронология катакомб подтверждается данными радиоуглеродного метода. Две даты, полученные по материалам из этих сооружений, являются одними из самых древних среди всех определений возраста окуневской культуры Уйбат V к.1 м.4 (Bln-5196 4016±30) и Есь (KIA-35272 4030±50) (*Поляков, 2017а*).

Катакомбные сооружения непосредственно связаны с той первоначальной группой населения, которая осуществила миграцию в Минусинские котловины и заложила основу формирования окуневской культуры. В этот период мы наблюдаем максимальное разнообразие признаков погребального обряда и конструкций погребений. В дальнейшем, в ходе стабилизации культурных признаков, все они выходят из употребления, уступая место каменным ящикам и грунтовым ямам, в которых захоронения совершались исключительно в положении на спине с согнутыми и поднятыми вверх коленями. Вероятно, этот процесс шел довольно быстро и занял не более 2-3 веков. К 23 в. до н.э. катакомбные сооружения, ямы с заплечиками и погребения на правом боку полностью выходят из употребления. Опираясь именно на эти не стандартные элементы обряда, следует вновь вернуться к вопросу о происхождении окуневской культуры.

Лазаретов, 1997 – Лазаретов И. П. Окуневские могильники в долине реки Уйбат // Окуневский сборник. СПб., 1997.

Липский, 1954 – Липский А. Н. Афанасьевские погребения в низовьях рек Еси и Теи // КСИИМК, Вып.25. 1954.

Наглер, Парцингер, 2006 – Наглер А., Парцингер Г., Новые памятники окуневской культуры в Центральной части Минусинской котловины // Окуневский сборник 2. Культура и её окружение. СПб., 2006.

Поляков, 2017a – Поляков А. В. Радиоуглеродные даты окуневской культуры // Записки ИИМК РАН, №16. СПб., 2017.

Поляков, 2017б – Поляков А. В. Особенности организации погребального пространства курганов окуневской культуры // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле-Белокурихе. Барнаул, 2017. Т. I.

Лазаретов, Поляков, 2018a – Лазаретов И. П., Поляков А. В. Исследования могильника Уйбат-Чарков и новые данные о раннем этапе развития окуневской культуры // ТПАИ. №3 (23). 2018.

Лазаретов, Поляков, 2018б – Лазаретов И. П., Поляков А. В. Могильник Красный Камень – погребально-ритуальный комплекс ранней бронзы // ТПАИ. №2 (22). 2018.

Т. Р. Садыков

ВОЗМОЖНОСТИ ПОЛУЧЕНИЯ ДОПОЛНИТЕЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ИЗ ДАВНО ИССЛЕДОВАННЫХ ПАМЯТНИКОВ НА ДНЕ ТУВИНСКОГО
МОРЯ

Ключевые слова: Тува, Зона затопления, карта, аэрофотосъемка, ортофотоплан, Аймырлыг, Аргалыкты, Шагонар, Чааты, Кара-Тал

Зона затопления Саяно-Шушенской ГЭС в Центрально-Тувинской и Хемчикской котловинах содержит тысячи известных археологических объектов и, по всей видимости, множество неизвестных. В 1965-1984 годах здесь работала одна из крупнейших в Советском Союзе археологических экспедиций (до 1973 г. - под руководством А. Д. Грача), состоявшая из 5-6 отрядов и исследовавшая памятники разных типов и археологических эпох.

По мнению участников работ, до 1984 года было исследовано около 15 процентов подлежащих затоплению памятников (*Длужневская, Савинов, 2007. С. 7*), но это, возможно, чересчур оптимистическая оценка. Всего упоминается 83 названия (памятники или группы памятников) производства археологических работ (*Длужневская, Савинов, 2007. С. 175-183*). Это 186 формально выделенных археологических памятников. Около 120 из них - курганные могильники. В этой же зоне находятся (или непосредственно к ней примыкают) несколько археологических памятников, изучавшихся С.А. Теплоуховым, Л.Р. Кызласовым, С.И. Вайнштейном еще до работ СТЭАН, а также Вл. А. Семеновым, М. Е. Килуновской и П. М. Леусом после 1984 года и по настоящее время.

Единственной общей картой работ СТЭАН является карта из отчета о разведке 1962 года (рис. 1). В ходе дальнейших полевых работ каждый отряд решал картографические вопросы отдельно, при этом не только общих карт, но и планов большинства могильников, раскопанных в те годы, не существует. Те, что существуют, представляют из себя глазомерную схему расположения

объектов, причем ориентирами выступают, как правило, уже несуществующие населенные пункты. Планов расположения отдельных могильников внутри огромных могильных полей также не существует (Аргалыкты), или же они противоречат друг другу (Аймырлыг).

Раскопанные объекты в абсолютном большинстве случаев достаточно уверенно выделяются на местности. Работы 1965-1984 годов не предполагали какой-то специальной рекультивации раскопанной площади, поскольку она предназначалась для затопления. К настоящему времени исследованные курганы хорошо различимы, а в некоторых случаях (объекты скифского времени могильников Аймырлыг) глубокие ямы видны даже на спутниковых снимках.

Многие материалы 1960-80-х до сих пор полностью не опубликованы. При этом к настоящему времени появилась возможность дополнить результаты прошлых работ новыми картами и планами на основе соотнесения старых схем и текстовых описаний с видимыми на современной поверхности раскопами, а также свести всю эту информацию в единую геоинформационную систему.

В 2017 году в ходе работ ТАЭ ИИМК РАН мы провели небольшие работы на левом берегу Улуг-Хема (Енисей) в районе археологических памятников Аймырлыг, Кара-Тал, Аргалыкты, Шагонар, Чааты. Было отснято квадрокоптером несколько могильников и городищ с последующей обработкой и построением 3д-моделей, карт высот, ортофотопланов и топографических планов. Для этих же памятников были получены архивные материалы. Все эти данные были объединены в единую ГИС-систему (на основе QGIS). В этой же системе собираются спутниковые снимки, старые и новые карты, и в ней же можно приблизительно привязать схемы могильников из старых отчетов и публикаций. Предварительная общая карта (рис. 2) будет уточняться и дополняться.

Метод оказался достаточно действенным - для уже частично или полностью исследованных памятников оказалось возможным сделать карты,

топопланы, ортофотопланы современного уровня точности. Эти результаты могут быть важны для решения самых разных вопросов, но даже в первом приближении можно перечислить некоторые из них (в культурно-хронологическом порядке): вторая половина VIII - первая половина IX века н.э. по письменным источникам считается в Туве временем доминирования Уйгурского каганата. К этому времени обычно относят сеть городищ (к зоне затопления непосредственно прилегают 6 городищ), могильники Чааты 1 и 2 и часть погребений с конем.

Не касаясь правомерности всех этих сопоставлений можно отметить, что - городище Шагонар 4 (рис. 3) имеет гораздо менее правильную форму, чем в опубликованном варианте (*Кызласов, 1969. С. 61*). Это может свидетельствовать и о иной датировке,

-на ортофотоплане активно размываемого водой городища Бажын-Алаак (на Чаа-Холе) отчетливо видны внутренние структуры (рис. 4), никак не объяснимые по опубликованным результатам его частичных раскопок в 1970-е,

- могильники Чааты 1 и 2 (рис. 5), возможно, являются частью одного могильного поля, поскольку разделяющее их пространство занято свалкой, существовавшей, возможно, и во время работ Л. Р. Кызласова.

· памятников древнетюркской культуры, погребений с конем (или конями) в Туве исследовано не так много, гораздо меньше, чем на соседнем Алтае. По результатам работ СТАЭН в 2013 году опубликована (*Древние тюрки..., 2013*) полная сводка всех изученных экспедицией памятников этого периода. Это, в первую очередь, публикация отчетов, и карт и схем там очень не хватает.

- в 2017 году надежно выявлено местоположение памятников Кара-Тал 1-3 (рис. 6),

- составлена общая карта раскопанных погребений с конем в Туве (рис. 7). Она, безусловно, не отражает распространенности древнетюркских памятников, только степень изученности. Например, совсем рядом с полями Аргалыкты и

Кара-Тал зафиксирован (рис. 8) могильник (в том числе с характерными тюркскими оградками), который пока не удалось соотнести с каким-либо памятником из отчетов СТЭАН.

· объектов кокзельской археологической культуры в зоне затопления раскопано более 250 на более чем 40 могильниках (*Памятники ...*, 2010, С. 99), планы которых во многих случаях отсутствуют. Важным исключением является могильник Даг-Аразы, прекрасно представленный Б. Б. Овчинниковой (*Овчинникова*, 2010). Карта памятников кокзельской археологической культуры была недавно опубликована (*Садыков*, 2018)

· наибольшее количество раскопанных объектов в зоне затопления относится к скифской культуре. Наибольшее количество раскопанных скифских объектов раскопано 2-м отрядом СТЭАН на могильном поле Аймырлыг. Абсолютно большая часть этого материала не опубликована. Нумерация могильников, групп, объектов (как латинскими и арабскими цифрами, так и буквами, и именами собственными) крайне запутанна и иногда противоречива (рис. 9). Приведение всего этого хаоса в порядок и его публикация будет большим событием в скифской археологии, материалы Аймырлыга по многим параметрам уникальны.

В некоторых случаях (рис. 10, 11) объекты идентифицируются однозначно, в каких-то случаях необходимо опираться только на текстовые описания. Это требует, конечно же, отдельной кропотливой работы, но перспективность картографирования современного состояния памятника и соотнесение этой информации с архивными данными очевидна.

Памятники эпохи поздней бронзы, так называемой монгун-тайгинской культуры, несмотря на высокую плотность распространения на территории Тувы, остаются относительно малоизученными, что, конечно же, связано с безынвентарностью погребений. Тем не менее, это обычно сложные и интересные архитектурные объекты, близкие к традиции херексуров. На дне

водохранилища их находятся, видимо, сотни. Даже просто аэрофотосъемка этих объектов может стать основой для их дальнейшей классификации. Одно из таких скоплений снято в 2017 году (рис. 12). Это, по всей видимости, памятник Аргалыкты 2, но его плана в архивах и публикациях нет.

Интересно, что здесь есть несколько случаев перекрытия кургана курганом, что может оказаться важным для хронологических построений. И здесь же локализовано так называемое «святилище» (Аргалыкты 2, об. 1), предположительно связываемое с эпохой средней бронзы (*Длужневская, Савинов, 2007. С. 45-48*). План объекта многократно публиковался и обсуждался, но его точное местоположение нигде не указывалось

Могильник окуневской культуры Аймырлыг 13 не имеет плана и крайне приблизительно размещен на карте (*Стамбульник, Чугунов, 2006*). В 2017 году удалось его локализовать (рис. 9), определить его внутреннюю структуру и выделить отдельные объекты (рис. 13, 14). В центре площадки расположен более поздний курган и, судя по плану, очень вероятно, что его насыпь перекрывает еще не исследованные каменные ящики. Погребения этого времени в Туве очень редки.

Работа над уточнением и переиспользованием старых материалов должна быть продолжена. Публикация на современном уровне результатов работ полувековой давности это, несомненно, не менее важная задача, чем новые раскопки. Одним из этапов этой работы должна стать новая картографическая основа для материалов, хранящихся в музеях и архивах.

Грач, 1980 – Грач А. Д. Древние кочевники в центре Азии. М., 1980

Длужневская, Савинов, 2007 - Длужневская Г. В., Савинов Д. Г. Памятники древности на дне Тувинского моря. СПб, 2007

Древние тюрки ..., 2013 – Древние тюрки в Центральной Туве. - СПб, 2013

Кызласов, 1969 – Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века. М, 1969

Овчинникова, 2013 – Овчинникова Б. Б. Могильник Даг-Аразы как источник по истории племен Центральной Тувы в гунно-сарматскую эпоху //

Памятники кокзельской культуры Тувы: материалы и исследования. СПб,

2010

Памятники ..., 2010 – Памятники кокэльской культуры Тувы: материалы и исследования. СПб, 2010

Садыков, 2018 – Садыков Т. Р. «Сюнну-сяньбийское время» в Туве. // Научное обозрение Саяно-Алтая. Т. 21. Абакан, 2018

Стамбульник, Чугунов, 2006 – Стамбульник Э. У., Чугунов К. В. Погребения эпохи бронзы на могильном поле Аймырлыг. // Окуневский сборник - СПб, 2006 - С. 292-302.

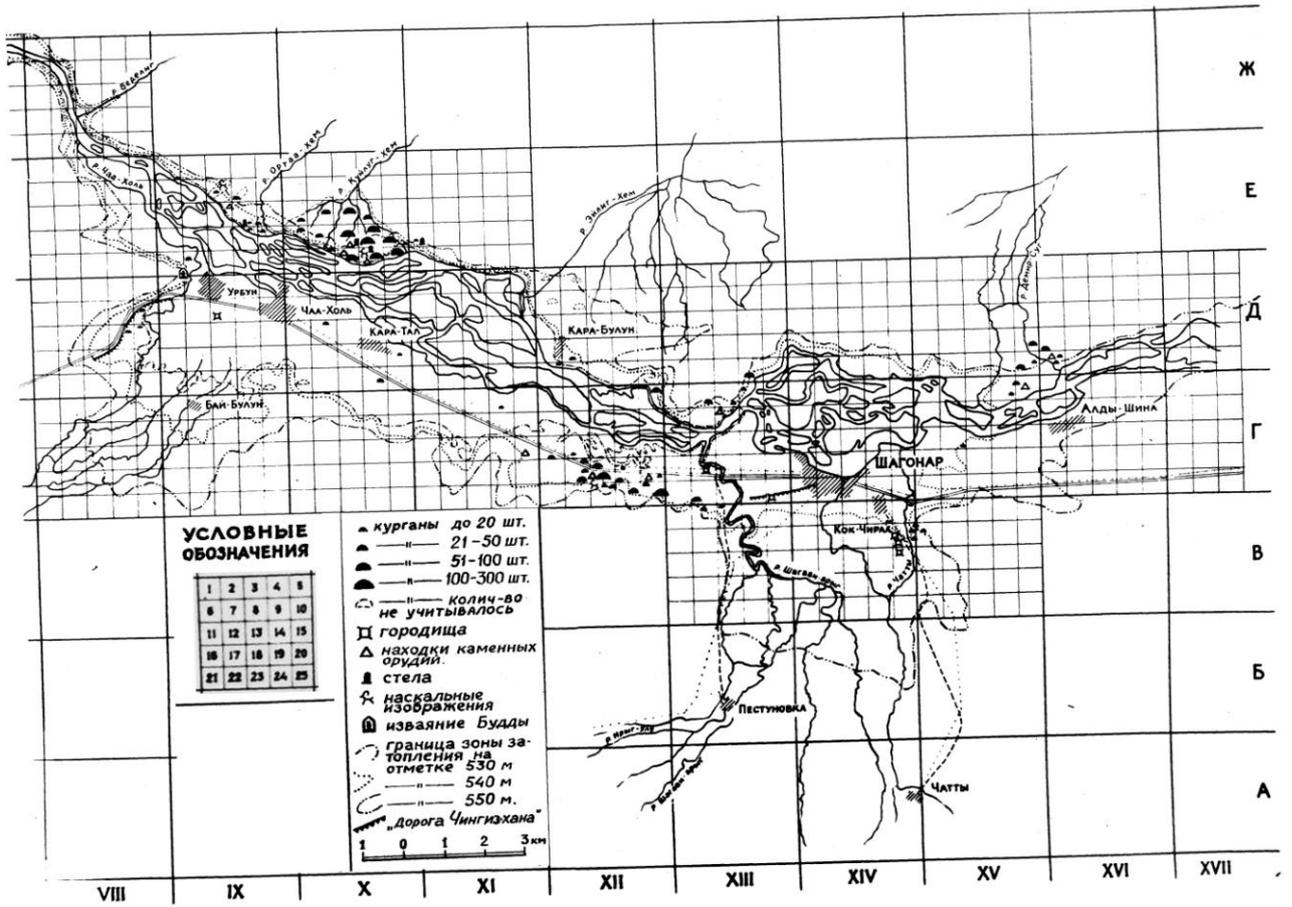

Рис. 1. Карта Зоны затопления 1962 г.

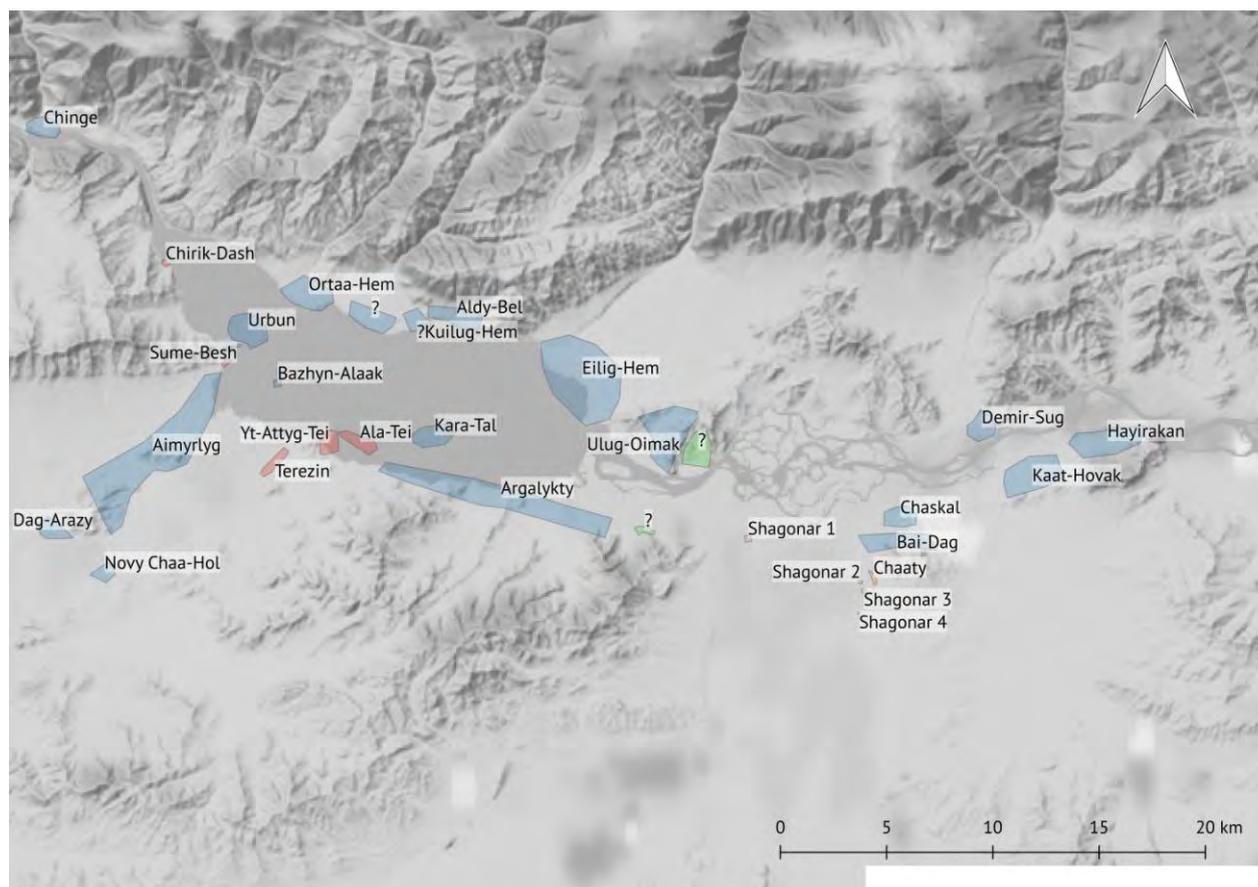

Рис. 2. Предварительная общая карта памятников в Зоне затопления.

Рис. 3. Шагонар 4. Ортофотоплан.

Bazhyn-Alaak 2 (on Chaa-Hol)

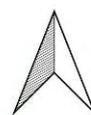

Рис. 4. Бажын-Алаак на Чаа-Холе. Ортофотоплан.

Рис. 5. Чааты 1 и 2. Ортофотоплан.

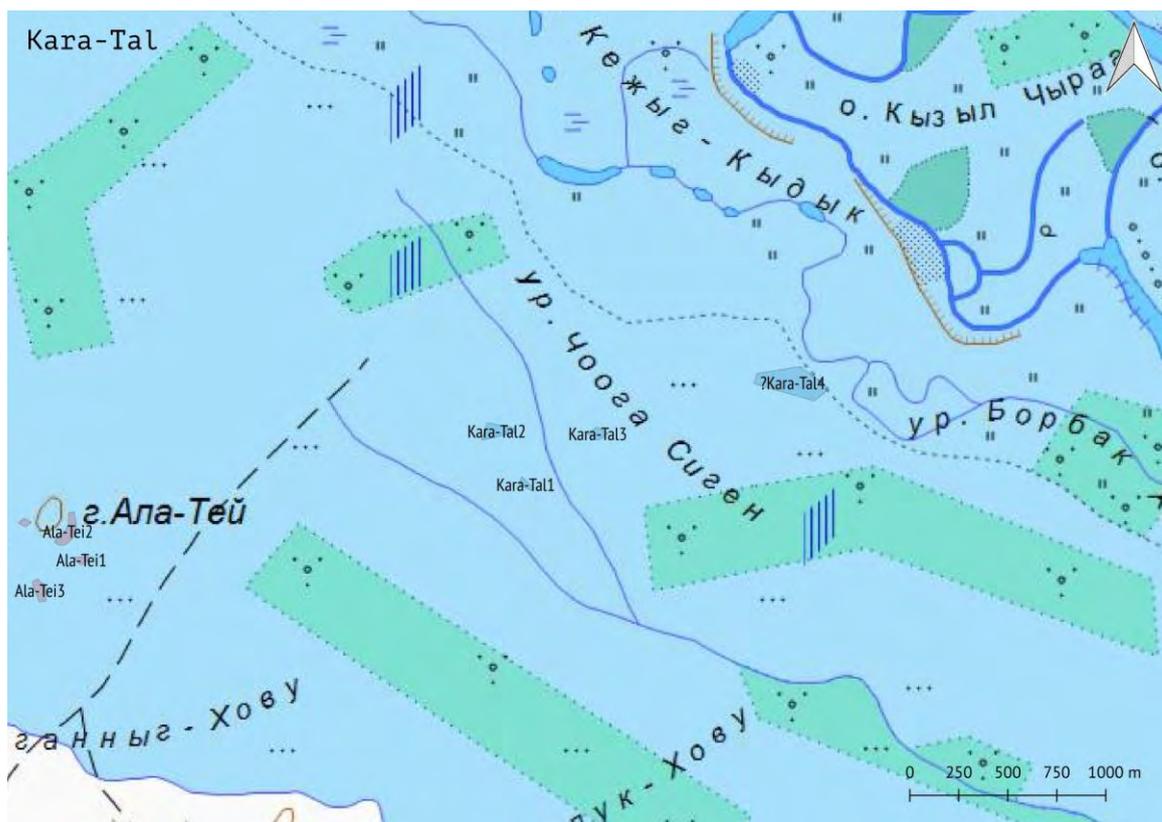

Рис. 6. Кара-Тал 1-3 на карте.

Рис. 7. Карта расположения исследованных погребений с конем на территории Тувы.

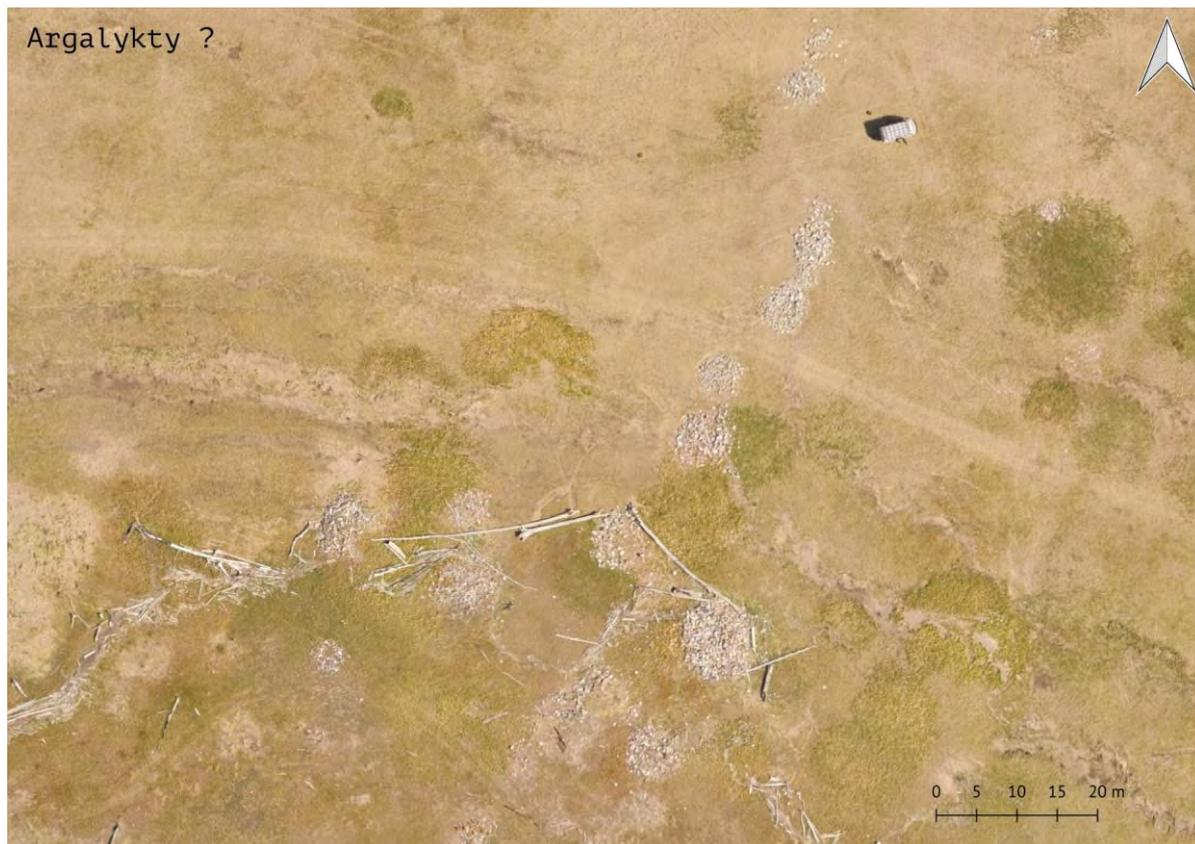

Рис. 8. Неидентифицированный древнетюркский могильник. Ортофотоплан.

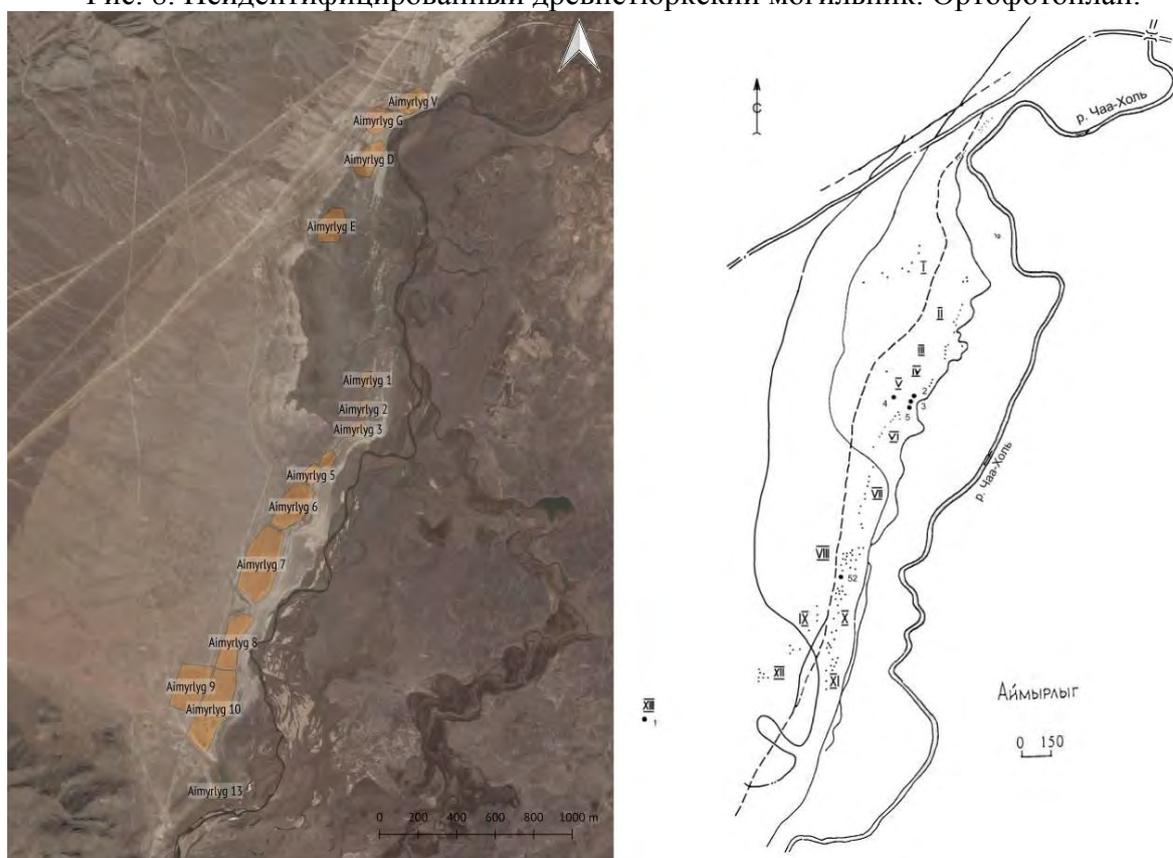

Рис. 9. Аймырлыг. Схема расположения комплексов по результатам работ 2017 г. и по Б. Б. Овчинниковой.

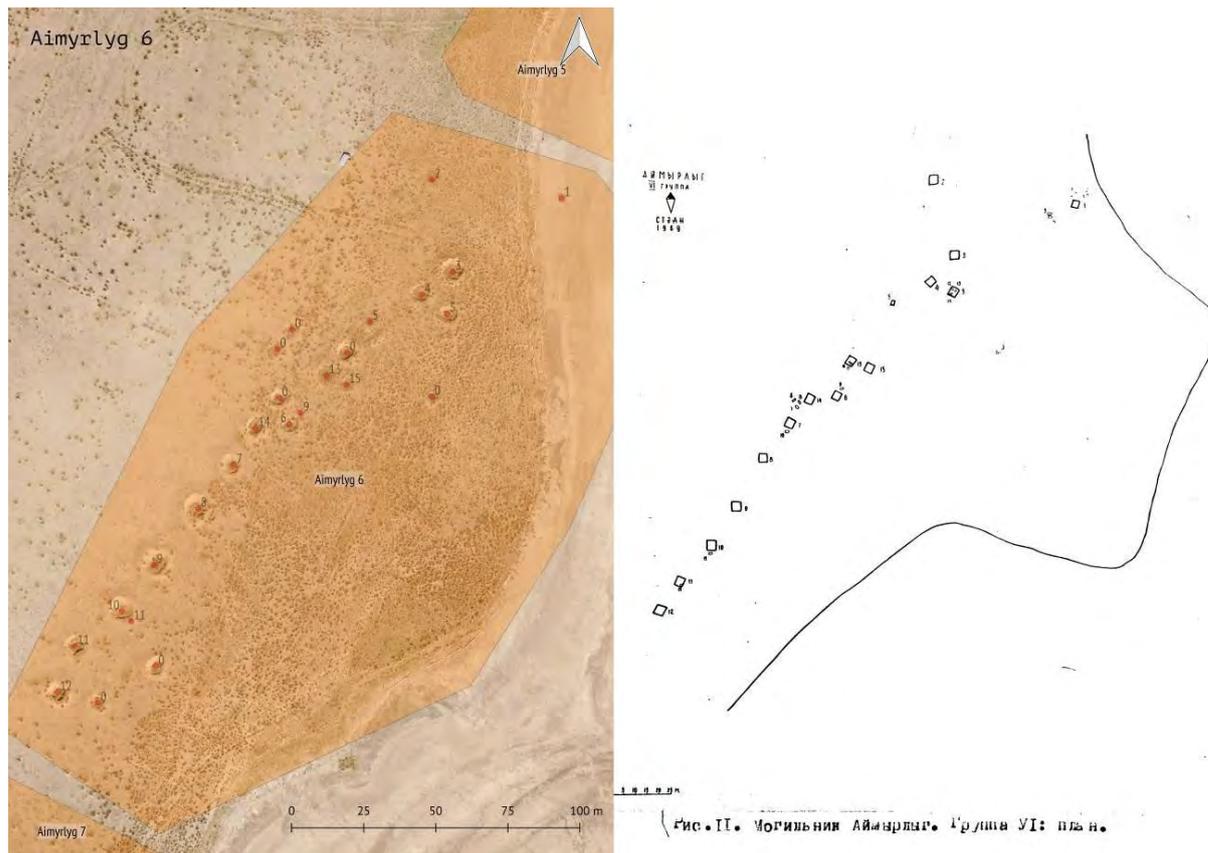

Рис. 10. Аймырлыг, группа 6. Схема расположения объектов на основе схемы из отчета А. М. Мандельштама.

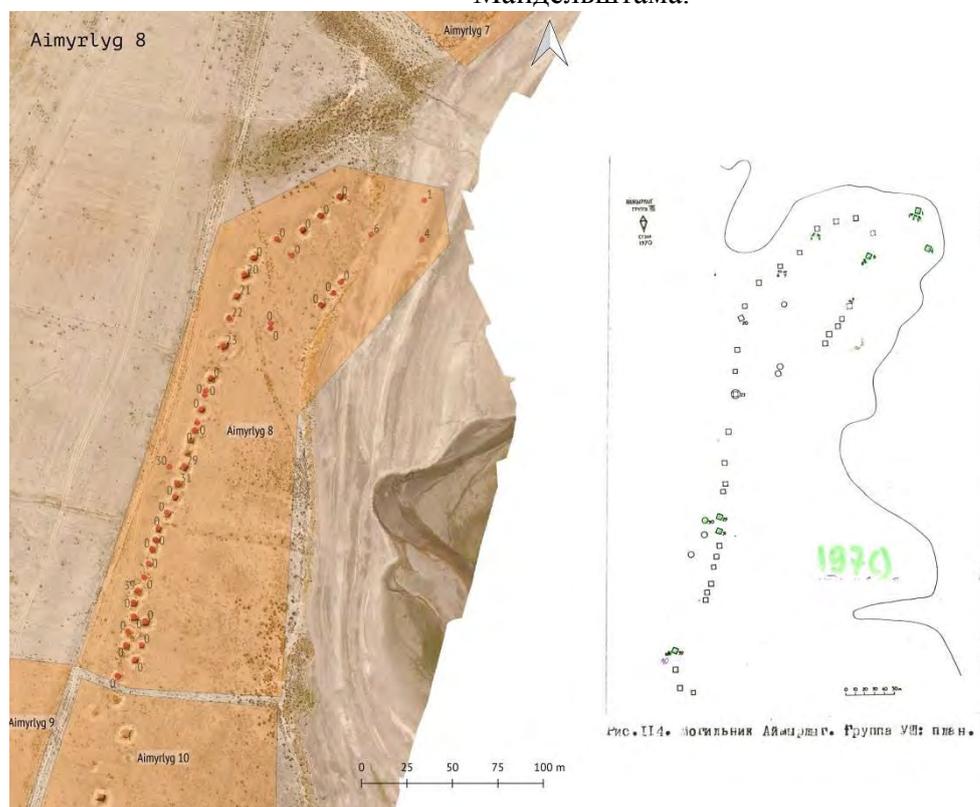

Рис. 11. Аймырлыг, группа 8. Схема расположения объектов на основе схемы из отчета А. М. Мандельштама.

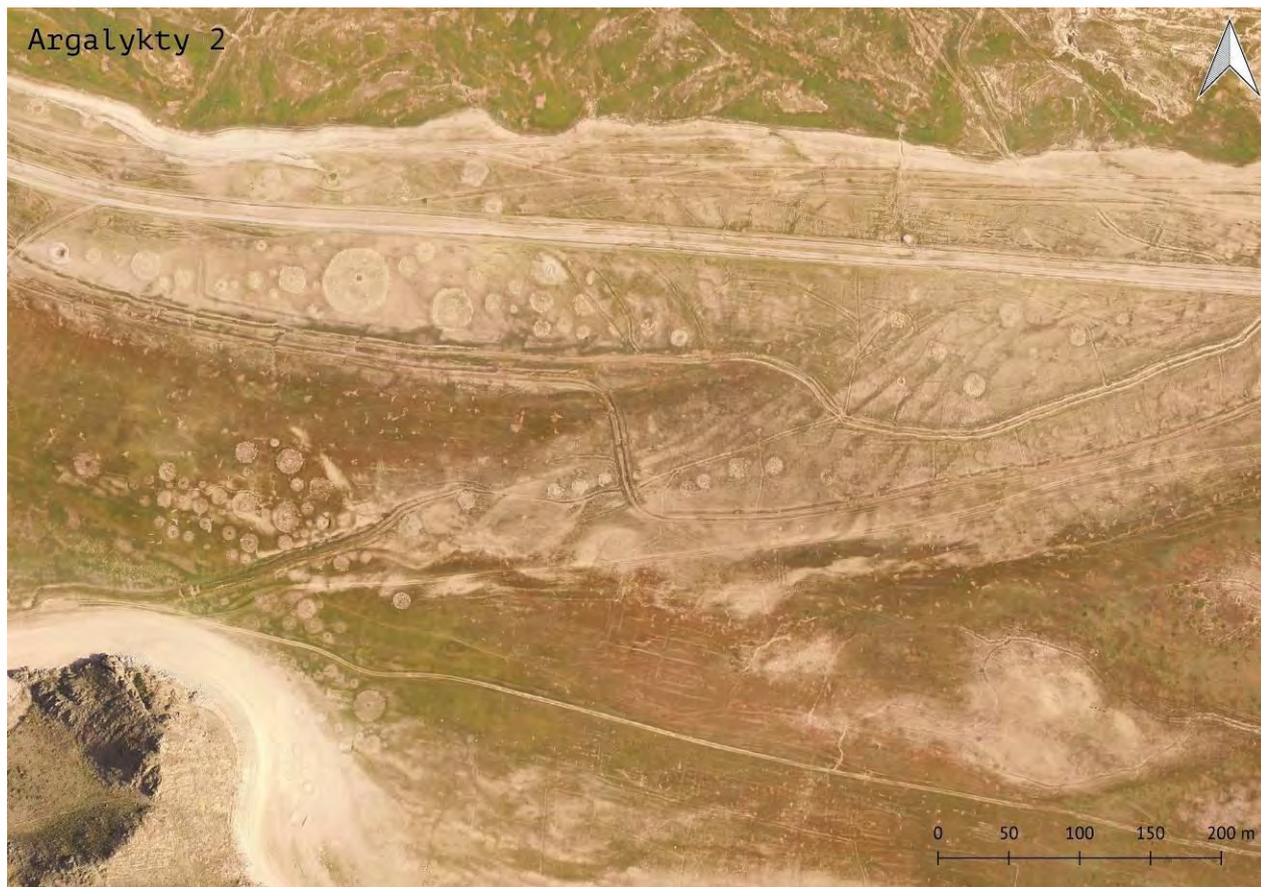

Рис. 12. Аргалыкты 2. Ортофотоплан.

А. В.Семенов

**АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ В НАЧАЛЕ САЯНСКОГО КАНЬОНА
ЕНИСЕЯ (ТУВА)**

Ключевые слова: Тува, зона затопления, Саянский каньон, Енисей, курганы, скифское время, срубы, уюско-саглынская культура

В течение полевых сезонов 2017-2018 годов на могильнике Чирик-Даш, расположенном при входе в Саянский каньон Енисея в урочище Чирик-Даш на левом берегу Енисея в Чаа-Хольском кожууне Республики Тыва были обнаружены и раскопаны новые захоронения, относящиеся к уюско-саглынской культуре скифского времени. Эти памятники находились под угрозой полного разрушения, в связи с сезонным набором и сбросом воды в Саяно-Шушенском водохранилище, на берегу которого находится могильник. Несколько характерных для уюского периода коллективных захоронений в срубах, открытые на Чирик-Даше отличались наличием интересных особенностей конструкций и, хотя они были частично разграблены, позволили нам получить новый археологический и антропологический материал.

Чирик-Даш расположен на предгорной террасе в самом начале Саянского каньона Енисея. Эта местность до затопления её в середине 1980-х, являлась наиболее широкой и плодородной долиной в центральной Тыве. В древности через эти места проходил путь, по которому осуществлялись контакты населения территорий Тывы и Минусинской котловины, а возможно - и всей Центральной Азии с населением Западной Сибири. Здесь сравнительно компактно расположены многочисленные памятники различных археологических культур, от эпохи бронзы и раннескифского периода до эпохи позднего средневековья. В Енисейском каньоне и его преддверии могильники находятся на небольших террасах и заимках, объекты, относящиеся к разным культурам и периодам зачастую, сосредоточены на небольшом пространстве. Захоронения уюско-саглынской культуры немногочисленны, но они

представлены практически на всех из известных в этой местности могильниках. Во время строительства Саяно-Шушенской ГЭС - 65-84 годах прошлого века на соседних с Чирик-Дашем могильниках - Урбюн, Кара-вей, Перевалка, Ортаа-Хем, Чинге, Хемчик-Бом, отрядами СТЭАН уже было исследовано некоторое количество схожих с Чирик-Дашем памятников, относящихся к тому же периоду, впоследствии, в ходе мониторинга берегов водохранилища, проводимых ГАЭ ИИМК РАН к ним добавился могильник Суме-Беш.

Здесь, вблизи от Саянского каньона и в его начале, захоронения уюкско-саглынской культуры, вероятно, можно выделить в некую локальную группу, имеющую как свои, частные черты, так и общие для данной культуры моменты, заключающиеся в конструкции захоронений и комплектации погребального инвентаря, однако, подобные исследования, применительно к конкретной местности пока не проводились.

Целью данной работы является изучение захоронений уюкско-саглынской культуры, раскопанных на вышеперечисленных памятниках в разные годы, и выявление в них как локальных особенностей, так и черт, присущих памятникам уюкского периода в целом; определение места этих памятников в контексте их географического расположения; если возможно - обнаружение следов тех транскультурных контактов, которые могли осуществляться через данную местность.

Рис. 1. Карта расположения памятников у входа в Саянский каньон Енисея.

Вл. А.Семенов

АЛДЫ-БЕЛЬСКАЯ КУЛЬТУРА В ТУВЕ

Ключевые слова: Тува, скифское время, Улуг-Хем, алды-бельская культура, погребальный обряд

В настоящее время «подлинные» алды-бельские курганы, соответствующие по всем признакам выделенной А.Д. Грачом культуры, встречаются на правобережье Каа-Хема (могильники Копту-Аксы 1, II, Копто II, Зубовка, Ден-Терек), в верховьях реки Хут (правый берег), на правобережье Улуг-Хема (Ангор-Хову, Суглуг-Хем 1 курган 1, Сарыг-Булун, Сыпучий Яр, Демир-Суг, Бедиг-Хорум, Алды-Бель 1, Куйлуг-Хем 1, Ортаа-Хем 1, II, Чинге 1 – II), на левобережье Улуг-Хема (Аргалыкты, Торгалык 1, расположенный в степи в значительном удалении от Улуг-Хема между реками Чааты и Торгалык, Бош-Даг), на левом берегу р. Чаа-Холь, в устье реки Хемчик (могильники Усть-Хемчик 3 и 5) и на Хемчикском левобережье в верховьях р. Ишкин могильники Усть-Хадынныг 1 и Атпак, в Саянском каньоне Енисея (могильники Шугур, Хем-Теректиг, Куле-Вуюк). Кроме этих «классических» памятников с полным основанием в алды-бельскую культуру должны быть включены могильники Чарга II, Баян-кол, Куйлуг-Хем III и другие. В последние годы алды-бельские памятники были исследованы в долине р. Ээрбек: Бай-Даг 1, 6, 8, Эки-Оттург 1. В отдельную группу могут быть объединены некоторые другие близкие по времени выше перечисленным памятникам (например, могильник Тоора-Хем в Тодже). «Царским» алды-бельским курганом является курган Аржан 2 и раскапываемый в настоящее время К.В. Чугуновым курган Чинге-Тей в Уюкской котловине.

Погребальный обряд алды-бельцев, как представляется на сегодняшний день, отличается известной устойчивостью. Погребенные в центральных могилах ориентированы обычно головой на запад – северо-запад. В боковых могилах изредка встречаются отклонения к северу и северо-востоку. Таких

погребений всего 7 и это главным образом дети. Подавляющее число костяков лежит на левом боку и лишь пять из числа учтенных имеют правостороннее положение. Большая часть алды-бельских погребений разрушена, и положение костяка не всегда удается установить. Это касается также детских и младенческих захоронений, ориентация которых понятна, но их положение не отчетливо из-за плохой сохранности.

Обзор погребального инвентаря начинается с конского снаряжения, включающего У-видные псалии и удила нескольких типов, в силу того, что оно позволяет безошибочно отнести часть ранних памятников этой культуры к майэмирскому времени на Алтае, что и было первоначально сделано А.Д. Грачом (*Грач*, 1968. С. 170-173). С другой стороны, своеобразное местоположение конских уздечных наборов под курганными каменными конструкциями демонстрирует традиции уже отличные от аржанских.

Аналогии У-видным псалиям известны в материалах куртусско-майэмирских памятников Алтая. Там они тоже не многочисленны. Наиболее известны псалии из могильника Солонечный белок (*Грязнов*, 1947. С. 9 –17). Имеется также ряд случайных находок. На Алтае погребения этого этапа сопровождалось захоронением коня, что отличает их от алды-бельской традиции в Туве. Конское снаряжение (клады) встречаются и под курганами в оградах раннего скифского времени в Восточном Казахстане. Серии У-видных псалий с Алтая и Восточного Казахстана опубликованы П.И.Шульгой (*Шульга*, 2008. Рис.52).

Представленные в алды-бельских комплексах конского снаряжения трочные пряжки находят широкие аналогии, как на Алтае, так и в Восточном и Центральном Казахстане (*Сорокин*, 1966. С. 64-94). Это же можно сказать и об уздечных нащечных бляхах, происходящих из кургана №3 на Сыпучем Яре. Одна из них листовидная с петлей по центру, другая круглая с заклепкой-запанкой. Подобные круглые бляхи встречаются в тасмолинских комплексах

Казахстана, где датируются VII-VI вв. до н.э. (могильник Тасмола V, курган 3). Листовидные бляхи известны в Ордосе, на Алтае (могильник у Бийска). Деревянные имитации как круглых, так и листовидных уздечных украшений происходят из Башадара, Первого Пазырыкского кургана и др., что свидетельствует об устойчивости этого типа изделий, входящего в различные комплексы конского снаряжения. Тем не менее, следует учитывать существенную разницу в погребальной традиции, так как в алды-бельском обряде «клад» конского снаряжения как бы замещает захоронение самого коня. Кроме того, обычай помещать часть (или весь) инвентаря в курганное сооружение восходит к более ранним этапам развития курганных культур Тувы. В алды-бельских курганах помимо уздечного инвентаря встречаются и другие «клады», а также керамика.

Алды-Бельское оружие представлено несколькими экземплярами втульчатых чеканов (могильники Усть-Хадынныг, Сарыг-Булун, Аржан 2 и др.), кинжалами с вотивным навершием и желобчатой рукоятью. В кургане Аржан 2 кинжал и меч, плакированные золотыми аппликациями, выкованы из железа. Лук и стрелы лучше всего представлены на могильнике Сарыг-Булун, где целиком сохранились древки стрел, оснащенные бронзовыми и костяными наконечниками, цельнодеревянные томары, а также чекан со втоком и цельной деревянной рукоятью. Наконечники стрел, как правило, черешковые трехлопастные, трехгранно-трехлопастные, втульчатые и железные (комплекс Аржан 2), а также пулевидные костяные. К престижным вещам относятся наборные пояса с литыми бронзовыми бляшками, которые можно относить к VII в. до н.э.

Искусство алды-бельской культуры представлено произведениями бронзового художественного литья, резьбой по кости, золотыми ювелирными изделиями, оленными камнями. В орнаменталистике сохраняются традиции

геометрического декора, восходящего к предскифскому периоду (культуры карасукского круга), сосуществующие с искусством звериного стиля.

Хронология скифских археологических памятников Тувы и Южной Сибири является наименее разработанной частью общей проблемы хронологии скифо-сибирского евразийского единства. Общие закономерности развития культур скифского круга, периодизация этапов тагарской культуры (с условными хронологическими привязками), верно выделенные М.П. Грязновым, потребовали своей коррекции после раскопок кургана Аржан. Последний выступает как основной хронологический репер для всех раннескифских памятников Саяно-Алтайского нагорья, хотя окончательная дата кургана остается все еще спорной. А.Д. Грач уверенно включал Аржан в число ранних алды-бельских памятников, а всю культуру в целом датировал в пределах VIII-VI вв. до н.э. При этом к аржанскому времени кроме самого Аржана им был отнесен всего один курган с могильника Усть-Хадынныг 1, все же остальные алды-бельские памятники включены в Усть-Хемчикский этап VII-VI вв. до н.э.

Метод перекрестного датирования между тагарскими (подгорновскими), алды-бельскими и майэмирскими памятниками с опорой на Аржан фактически исчерпал себя, но и датировки методом С14 также дают определенные сбои, часто не согласующиеся с данными археологии. В этих условиях единственно приемлемым путем определения более или менее удовлетворительных временных рамок остается синхронизация отдельных памятников степной зоны Евразии с дальнейшей работой по уточнению их хронологии. В данной работе предлагается синхронизация комплексов с золотыми серьгами, имеющими конусовидную подвеску, и комплексов с сегментовидными (плетевидными) бронзовыми подвесками, которые демонстрируют западные и восточные линии связей алды-бельской культуры Тувы, а также сравниваются комплексы с пекторальями, наборными бронзовыми поясами и У-видными псалиями, что

позволяет привязать алды-бельскую культуру к более широкому кругу памятников скифо-сибирского единства.

Серия дат 14С позволяет датировать курганы алды-бельской культуры VII-VI в.в. до н.э. Начальные стадии формирования этой культуры могут быть отнесены к VIII в. до н.э., а завершение к первой половине в. V до н.э.

Исследование проведено в рамках выполнения программы фундаментальных научных исследований государственных академий наук по теме государственной работы: №0184-2018-0009 «Взаимодействие древних культур Северной Евразии и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV тысячелетие до н. э. – I тысячелетие до н. э.)».

Грач, 1968 – Грач А.Д. Исследования на Куйлуг-Хеме и Алды-Беле // АО 1967 г. М., 1968. С.170-173.

Грязнов, 1947 – Грязнов М.П. Памятники майэмирского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае // КСИИМК, вып. XVIII. М., 1947. С.9-17.

Сорокин, 1966 – Сорокин С.С. Памятники ранних кочевников в верховьях Бухтармы // АСГЭ, вып.8. Л., 1966. С.64-84.

Шульга, 2008 – Шульга П.И. Снаряжение верховой лошади и воинского пояса на Алтае. Барнаул: Азбука, 2008. 276 с.

Н. Н.Серегин

ОСОБЕННОСТИ ПОЯВЛЕНИЯ И РАСПРОСТРАНЕНИЯ СТРЕМЯН У
ТЮРОК ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Ключевые слова: стремена, тюрки, Центральная Азия, археологические памятники, жужанское время, раннее средневековье

Одной из ключевых новаций в материальной культуре населения Центральной Азии и сопредельных территорий рубежа древности и средневековья стало появление стремян. Значение этого изобретения для кочевников обширного региона неоднократно подчеркивалось специалистами. К настоящему времени сформирована представительная историография по различным вопросам исследования стремян, которая сама по себе уже заслуживает отдельного рассмотрения. В настоящей работе кратко представлен опыт анализа процессов появления и первоначального распространения подобных изделий у раннесредневековых тюрок Центральной Азии.

Как известно, ранее высказывалась точка зрения о том, что тюрки являлись изобретателями стремян (*Вайнштейн*, 1966. С. 66). В настоящее время с высокой степенью вероятности установлено, что происхождение данной группы находок связано с племенами Северного Китая, а появление подобных предметов произошло в конце III – первой половине IV вв. н.э. (*Комиссаров*, 2006. С. 20–21). У тюрок стремена обнаружены уже в наиболее ранних комплексах. Целесообразным является рассмотрение процессов появления и распространения таких предметов в рамках двух групп находок – пластинчатых стремян и изделий с петельчатым ушком.

Наиболее ранними предметами первой группы являются плоские пластинчатые стремена с Т-образной подножкой. Судя по имеющимся сведениям, распространение таких предметов у кочевников Центральной Азии произошло в жужанское время и может быть отнесено к концу IV – V вв. н.э. (*Цзвэндорж и др.*, 2003. С. 28; *Эрэгзэн, Ишцэрэн*, 2014. Рис. 1; *Төрбат и др.*,

2016. С. 96). Основной массив известных стремян данной группы происходит из погребальных и «поминальных» памятников тюрков Алтая и сопредельных регионов. Небольшая серия таких изделий зафиксирована в комплексах раннего этапа культуры тюрков, датирующихся в рамках второй половины V – первой половины VI вв. н.э. (*Могильников*, 1994. Рис. 13.-2, 3; 14.-2; *Бобров и др.*, 2003. Рис. 53.-8; *Төрбат и др.*, 2016. Рис. 3; и др.). Распространение обозначенных предметов, очевидно, связано с экспансией тюрков в рамках Первого каганата. Памятники данного периода (вторая половина VI – первая половина VII вв. н.э.) с ранними пластинчатыми стремянами известны уже не только на территории Алтая, но и в сопредельных регионах (*Спришевский*, 1951. Рис. 3; *Гаврилова*, 1965. Табл. XIV.-7; *Грач*, 1982. Рис. 2.-6–7; и др.). Наиболее поздним комплексом, включающим Т-образные стремяна (при этом уже не плоские, а изготовленные из округлого в сечении прута), вероятно, является погребение второй половины VII – начала VIII вв. н.э., исследованное на Тянь-Шане (*Худяков, Табалдиев*, 2009. Рис. 66). Отметим, что до сих пор неразработанной остается проблема изучения типологической variability данной группы изделий. Проведение такой работы позволит более детально рассматривать вопросы хронологии стремян, а также специфику их распространения в центрально-азиатском регионе.

Несколько другая картина фиксируется при рассмотрении особенностей распространения петельчатых стремян. На основании имеющихся материалов представляется возможным утверждать, что появление данной группы находок фиксируется в памятниках тюрков Алтая второй половины V – первой половины VI вв. н.э. За пределами обозначенного региона изделия такого типа в это время не известны. Наиболее ранние предметы имеют ряд характерных признаков, сочетание которых позволяет осуществить их достаточно точную атрибуцию. Одним из важных показателей является оформление ушка изделий. Петля стремян в ряде случаев вертикально-вытянутая, либо чуть приплюснутая и

несомкнутая в основании. Подножка ранних находок прямая, узкая и плоская. Кроме того, проем, образуемый дужками таких стремян, в ряде случаев имеет несколько вытянутые очертания. Подобные находки обнаружены при исследовании памятников Кара-Коба-I (*Могильников, 1994. Рис. 2.-1*) и Усть-Карасу (*Бобров и др., 2003. Рис. 55.-11*), расположенных на Алтае. По всей видимости, к стремянам этого типа относится также изделие из памятника Кек-Оба (Минусинская котловина), который может датироваться несколько более поздним временем (*Скобелев, 2000. Рис. X.-1*).

Интересным обстоятельством является то, что практически все стремяна, зафиксированные в ранних памятниках тюрок, происходят из «поминальных» комплексов – оградок и «ритуальных» курганов, и не связаны с погребениями. Другой характерной чертой является фиксация в таких объектах, относящихся ко второй половине V – первой половине VI вв. н.э., только одного стремяни. Отметим, что такая же ситуация отмечена в ходе раскопок части объектов эпохи Первого Тюркского каганата на сопредельных территориях. Судя по всему, преимущественная фиксация подобной традиции в ранних комплексах отражает особенности первоначального использования стремян как приспособления для посадки на лошадь (подножки).

Таким образом, появление пластинчатых стремян у тюрок было, вероятно, связано либо с позднесяньбийским импульсом, либо с влиянием материальной культуры жужаней. В то же время петельчатые стремяна, судя по имеющимся сведениям, стали «новацией», происходящей из среды самих тюрок, представляя собой параллельную линию развития рассматриваемой группы изделий.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №18-09-00536а.

Бобров и др., 2003 – Бобров В. В., Васютин А. С., Васютин С. А. Восточный Алтай в эпоху великого переселения народов. Новосибирск, 2003.

- Гаврилова, 1965* – Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л., 1965.
- Грач, 1982* – Грач В. А. Средневековые впускные погребения из кургана-храма Улуг-Хорум в Южной Туве // Археология Северной Азии. Новосибирск, 1982.
- Комиссаров, 2006* – Комиссаров С. А. Распространение стремян (в контексте межэтнических контактов) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2006. Т. 5. Вып. 4: Востоковедение.
- Могильников, 1994* – Могильников В. А. Культовые кольцевые оградки и курганы Кара-Кобы-I // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. Горно-Алтайск, 1994.
- Скобелев, 2000* – Скобелев С. Г. Древнетюркские оградки могильника Кек-Оба // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. Новосибирск, 2000.
- Спришевский, 1951* – Спришевский В. И. Погребение с конем середины I тыс. н.э., обнаруженное около обсерватории Улугбека // Труды Музея истории народов Узбекистана. 1951. Вып. 1.
- Төрбат и др., 2016* – Төрбат Ц., Баярхүү Н., Лепец С., Бернад В. «Монгол алтайн түрүү ба түүхэн үеийн оршин суугчдын цогц судалгаа» төслийн хээрийн шинжилгээний товч үр дүн // Монголын археологи – 2015. Улаанбаатар, 2016.
- Төрбат и др., 2016* – Төрбат Ц., Эрдэнэ-Очир Н., Батсүх Д., Энхбаяр Г. «Монголчуудын угсаатны бүрэлдэхүүн ба монголчуудын угсаа гарлын цогц судалгаа» төслийн хүрээнд эрдэнэ уул ба хөх нуурт малтлага хийсэн тухай // Монголын археологи – 2015. Улаанбаатар, 2016.
- Худяков, Табалдиев, 2009* – Худяков Ю. С., Табалдиев К. Ш. Древние тюрки на Тянь-Шане. Новосибирск, 2009.
- Цэвээндорж и др., 2003* – Цэвээндорж Д., Цэрэндагва Я., Эрдэнэ-Очир Н. Санамсаргүй хөндөгдсөн нэгэн булшны тухай // Түүхийн сэтгүүл. 2003. Том IV. Fasc 2.
- Эрэгзэн, Ишцэрэн, 2014* – Эрэгзэн Г., Ишцэрэн Л. Худгийн халзангийн олдворын холбогдох он цаг ба Жужаны археологийн дурсгалын судалгааны асуудалд // Археологийн судлал. 2014. Т. XXXIV.

Л. А.Соколова

ТЕХНОЛОГИЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ КЛАССИЧЕСКИХ ТАШТЫКСКИХ МАСОК

Погребальные маски - это универсальное явление, которое встречается практически повсеместно в разное время. Чаще всего погребения с масками носят характер элитарности и изготавливаются для людей, обладавших особо высоким общественным статусом. Известны только два региона, где гипсовые маски находились в значительном большинстве погребений – это Египет и Южная Сибирь III-VI вв. н.э. – древний Фаюм и Таштыкская археологическая культура.

Эти явления абсолютно конвергентны – их ничто не связывает друг с другом, кроме, возможно, самой причины возникновения этого обряда, а именно желание сохранить внешний облик покойного. Мотивация также может быть разной: выражение уважения и любви к покойнику, почитание божества подземного мира, к которому отправляется покойник или. В любом случае, это признак высокой культуры погребального обряда, с которым связаны определенные идеологические представления.

Таштыкские маски отличается от всех остальных погребальных масок тем, что в своем классическом варианте они не накладывались на лица покойников, а служили лицевыми погребальными урнами, в которые помещался пепел от кремации конкретного покойника.

Классические таштыкские маски всегда выполнены предельно реалистично и, в целом, на хорошем художественном уровне. Они всегда точно передают пропорции лица, хотя лишены мелких индивидуальных особенностей – шрамов, родинок, морщин и т. п (рис.1, 2). К сожалению, завершающим актом погребального обряда являлось традиционное сожжение склепа, в котором постепенно накапливались маски с сопроводительным инвентарем. В результате,

до нас доходят маски со значительными утратами: обожженные, отсыревшие, фрагментированные.

Тем не менее, таштыкские маски, являясь уникальным признаком погребальных памятников Южной Сибири, дают представление об уровне развития, идеологии, и внешнем облике носителей древней культуры.

Первый исследователь масок С.В. Киселев считал, что их отливали в форме, снятой с лица умершего или его изображения. Формовку производили частями и затем склеивали. Жидкий гипс с внутренней стороны придавливался кожаными шаблонами (*Киселев, 1935, 1949. С. 250*).

Этой точке зрения несколько противоречат наблюдения Л.Р. Кызласова, по которым отпечатки с обратной стороны демонстрируют целую кожаную форму, а не ее части (*Кызласов, 1960. С. 149*) (рис.3, 4).

М.П. Грязнов считал, что для основ масок сшивались специальные формы в виде гладкого овала с выступом на подбородке – головы погребальных кукол, в которые зашивался пепел кремированного покойника. Таким образом, появилась гипотеза, что таштыкские изображения являются не масками, а облицовками голов погребальных кукол (*Грязнов, 1979. С. 94*). Эту точку зрения, в целом, разделяла и Э.Б. Вадецкая (*Вадецкая, 1999*). При этом Э.Б. Вадецкая утверждала, что маски не могут быть портретными, так как изготавливались произвольно на кожаной форме. В этом аспекте появляется некоторое несоответствие с реальностью, так как портретность классических таштыкских масок очевидна.

Допустим, что целью мастеров было изготовить облицовку головы куклы, тогда подобные скульптурные портреты логично было бы делать из глины, так как это делали в предшествующей культурной традиции – тесинской археологической культуре, где изготавливали глиняные маски на черепаках. Череп предварительно искусственно освобождался от ткани, затем глиной заполнялись все пустоты - глазницы, носовые каналы, пространство между дугами нижней

челюсти до верхнего неба. Так глиной моделировалось лицо, которое имело обобщенный вид без индивидуальных особенностей (рис. 3, 1-3). Затем полученную голову покрывали одним или несколькими слоями жидкого гипса. Это гипсовое покрытие использовалось как основа для росписи.

Окраска тесинских масок разделяется на две группы: 1 – роспись на белом фоне со стилизованными цветочными орнаментами на щеках (рис. 3, 1, 2), и 2 – роспись на красном фоне с редкими деталями, выполненными черной краской – полосы по краю маски, полосы поперек лица и т.п (рис. 3, 3). Половозрастные определения по черепам были проведены антропологом д.и.н. М.Б. Медниковой. Это исследование позволило определить пол и выявить цветовые закономерности в раскраске масок (Медникова, 2002. С. 217). Отмечено, что светлые маски принадлежат женским скелетам, а красные - мужским.

Таштыкские маски отчасти продолжают тесинскую традицию в окраске масок, причем орнаментальные схемы женских масок поменялись (рис. 5, 1-4), а мужские практически нет (рис. 5, 1). В отличие от тесинских таштыкские маски полностью выполнены из гипса. Таштыкские маски связаны с лицом опосредованно – поскольку покойники кремировались, а сами маски представляли собой лицевые урны для хранения пепла. Другое существенное отличие от тесинских масок – то, что тесинцы создавали абстрактный образ, хотя и на подлинном черепе, а таштыкские классические маски отличаются реализмом в передаче черт лица покойного.

Надо сказать, что таштыкские погребальные памятники разных типов конструкций содержат и различные типы масок: 1 – склепы, в которых и находились классические погребальные маски, 2 – грунтовые могилы, в которых продолжалась тесинская традиция лицевых масок, с тем отличием, что гипсом покрывалась сама кожа лица с последующей окраской. Понятно, что такие маски при процессах гниения разрушались, и к моменту раскопок превращались в белое пятно вокруг черепа. Только в песчаных дюнах на могильнике Оглахты

органика и маски прекрасно сохранились (рис. 3) из-за исключительных почвенных условий. Песчаные дюны способствовали тому, что в склепах произошла естественная мумификация, и маски не пострадали (рис. 3, 4).

В принципе, сама возможность лепки из гипса такого сложного предмета, как человеческое лицо весьма сомнительна. Разведенный гипс быстро застывает, и лепить из него что-либо очень сложно, да и результат не будет соответствовать качеству масок. Из гипса, конечно, можно вырезать любую фигуру, но резной гипс имеет свои особенности и его легко узнать. И вообще, с практической точки зрения, зачем использовать гипс там, где можно легко использовать глину? Кроме, того, есть еще проблема производства самого гипса, а это довольно трудоемкая операция.

Однако, присмотримся к еще раз к самим маскам. Если бы маски всегда изготавливались на кожаной емкости, то швы и фактура кожи на внутренней стороне также должны всегда быть хорошо отпечатаны, поскольку жидкий гипс передает даже самые мелкие детали (рис. 4, 1). На самом деле, есть большие серии масок, где швы почти не видны или совсем не видны, при том, что сохранность самой поверхности удовлетворительная (рис.4, 6).

Все становится на свои места, если вернуться к гипотезе С.В. Киселева. Представим, что таштыкские маски изготавливались так же, как и современные посмертные маски – путем гипсовой отливки с глиняного или гипсового негатива, который снимали с лица умершего. В этом случае маски передавали бы и все индивидуальные особенности лица – складки век, морщины, брови, ресницы, родинки и т.п., а их на масках нет. Похоже, что эти детали таштыкцев не интересовали - им нужен был идеальный портрет, дополненный ритуальными орнаментами. Поэтому полученную гипсовую отливку покрывали слоем жидкого гипса, выравнивая все ненужные подробности и придавая лицу более обобщенную форму (рис. 5). Эта операция часто многократно повторялась в

ходе ремонтов масок. Слои крашеного гипса хорошо заметны на сколах фрагментов масок (рис. 4, 5).

После того, как маска была готова, ее вставляли в постамент, также отлитый из гипса и точно соответствующий маске. Есть разные варианты креплений маски и постамента, возможно, варианты креплений отрабатывались каждым мастером индивидуально (рис. 5, 3, 4).

Похоже, что только после всех этих действий наступал момент, когда маска соединялась с кожаной емкостью, в которую был упакован пепел покойного. Для этого внутренняя поверхность маски снова покрывалась жидким гипсом. В тех случаях, когда все происходило быстро, и гипс не успевал высохнуть, отпечатки получались четкими, если время было упущено, отпечатки становились едва заметными или вообще не пропечатывались. Таким образом, отпечатки кожаной емкости на обратной стороне маски отражают последнюю операцию с маской, и не могут служить основанием для реконструкции способа ее первичного моделирования.

После этого наступала очередь окраски. Женские маски раскрашивались весьма красочно в три, а иногда и в четыре цвета. Применялись натуральные красители типа темперы. Сначала наносился общий тон белого или желтоватого цвета. По нему происходила разметка рисунка, от которой часто остаются прочерченные контуры. Далее рисунок аккуратно закрашивался внутри полученного контура (рис. 5).

Роспись женских масок имела как обязательные детали, так и дополнительные. Обязательным узором была спираль на лбу, которая расходилась от точки в центре лба и окрашивалась красной краской. Обязательными деталями также были окрашенные красной краской две волуэты на висках, овальные фигуры на скулах и губы. Овальные фигуры на скулах могли отличаться по форме – вытягиваться к вискам, или приобретать более

округлую форму (рис. 5, 2, 3). Губы окрашивались красной краской, а прорезь закрытых глаз – синей.

На щеках, спускаясь на шею, наносились круги более или менее правильной круглой формы голубого или синего цвета (рис. 5, 2). Трудно сказать, были ли эти круги обязательной принадлежностью таштыкской маски – так как, практически все маски были обожжены, а синий пигмент является самым нестойким. Иногда эти круги дополнительно заштриховывались мазками черной или темно синей краски.

На наиболее пышно раскрашенных масках изображалась дополнительная композиция на носу, состоящая из полос и волют. Иногда верхний обрез маски подчеркивался широким бордюром контрастного, чаще черного цвета (рис. 5, 2).

Очень редко на шее женских масок изображались украшения в виде бус (рис. 5, 3).

Мужские маски раскрашивались более скромно и без обязательной схемы (рис. 2, 1-6), (рис. 5, 1). Иногда черной краской по обязательному красному фону прорисовывались дополнительные детали: брови, поперечные штрихи, широкие полосы по абрису скул и подбородка (рис. 2, 5, 6).

Обязательная черта для всех масок – щель, прорезанная поперек закрытого верхнего века, условно изображающая закрытый глаз. Эта характерная черта, усиливает впечатление монголоидности лица, потому что при таком разрезе создается пухлое нижнее веко, не характерное для европеоидов (рис. 2, 1, 3). При хорошей сохранности, видно, что внутри она прокрашивалась синей краской.

Еще одна черта, общая для всех масок – это условная манера изображения ушей, при довольно большом количестве различных вариантов. По тому, как изображаются уши, можно определить индивидуальную манеру мастера (рис. 2, 2, 3, 5).

У нас нет никаких свидетельств о том, как выглядела полученная лицевая урна в конечном итоге, но учитывая такую сложную подготовку можно

допустить, что кожаный мешок с пеплом, вмонтированный в маску с помощью жидкого гипса, закрывался шапкой или париком (скальпом умершего?).

После завершения всех действий, урна помещалась в склеп, который на самом деле являлся подземным домом мертвых (рис. 5, 1). Здесь, судя по раскопкам Л.Р. Кызласова (*Кызласов*, 1960), стояли скамьи и другая мебель, необходимая для обрядовых действий (рис. 6, 2). В склепе помещались все маски-урны данного рода. Действовал этот дом мертвых довольно долго. Об этом говорят те же маски, вернее их сохранность. В коллекциях часто можно видеть маски, поверхность которых носит следы ремонта. Один красочный слой перекрывается новым слоем, раскрашенным другой рукой. Иногда видны несколько слоев подновлений. Зафиксированы трещины, которые замазывались новым гипсом.

Некоторые маски представлены полностью или с незначительными утратами, а некоторые только отдельными фрагментами. Значит, прошло довольно много времени, когда родственники переставали следить за масками, те падали, рассыпались и их фрагменты были выкинуты из склепа как мусор. В склепе 1 могильника Кривинское была найдена маска, разбившаяся на два больших фрагмента. Один из фрагментов, упал на пол, где была влажная среда и он сильно размок до того как склеп подожгли. Второй фрагмент оказался где-то наверху, сильно обгорел и закоптился. Оба фрагмента удалось подклеить. То есть этот факт фиксирует значительный период времени, прошедший между захоронением маски-урны, ее разрушением, падением и пожаром. В течение этого времени склеп функционировал и пополнялся новыми масками-урнами, причем, поздние по времени маски были значительно лучшей сохранности.

После того, как деревянные конструкции склепа разрушались, его посещение становилось небезопасным. Об этом говорят последние захоронения, которые совершались у самого входа, так как родственники, вероятно, боялись

проходить внутрь. Старый склеп поджигался и засыпался землей – образовывался курган.

Большая проблема работы с таштыкскими масками – это их плохая сохранность. Маски разрушались уже при функционировании склепа, о чем говорит множество отдельных фрагментов, не относящихся к определенным мыскам. Если фрагменты масок падали на влажную землю, то они размокали до полной потери формы. Если попадали в огонь, то иногда оплавлялись до полной потери формы. Подавляющее большинство масок пропитались сажей при пожаре и в настоящее время выглядят практически черными. Сквозь этот слой сажи трудно разглядеть росписи и их цвет (рис. 2, 1, 3, 6).

Таким образом, мы приходим к ответу на вопрос об исключительном художественном таланте древних таштыкцев при создании погребальных масок. Их талант, на самом деле, лежал в области технологии, они самостоятельно вышли на технологию выжигания гипса, создания отливок, и применения этого нового знания при создании погребальных масок.

Медникова, 2001 – Медникова М.Б. Трепанации у древних народов Евразии. Москва, 2001, с.217.

Киселев, 1935 – Киселев С.В. Маски из древнейших чаа-тас// Известия Гос. Музея им.Мартьянова № 1. Минусинск, 1935.

Киселев, 1949 – Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М., 1949: с.250.

Кызласов, 1960 – Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-минусинской котловины. М. 1960: 149.

Грязнов, 1979 – Грязнов М.П. Таштыкская культура//Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск, 1979.

Вадецкая, 1999 – Вадецкая Э.Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб, 1999.

Киселев, 1929 – Киселев С.В. Материалы археологической экспедиции в Минусинский край в 1928 г. // Ежегодник Гос. музея им. Н.М. Мартьянова.Т6, вып.2. Минусинск, 1929.

Рис. 1. Фаюмские гипсовые маски.

Рис. 2. Таштыкские гипсовые маски из разных погребальных памятников.

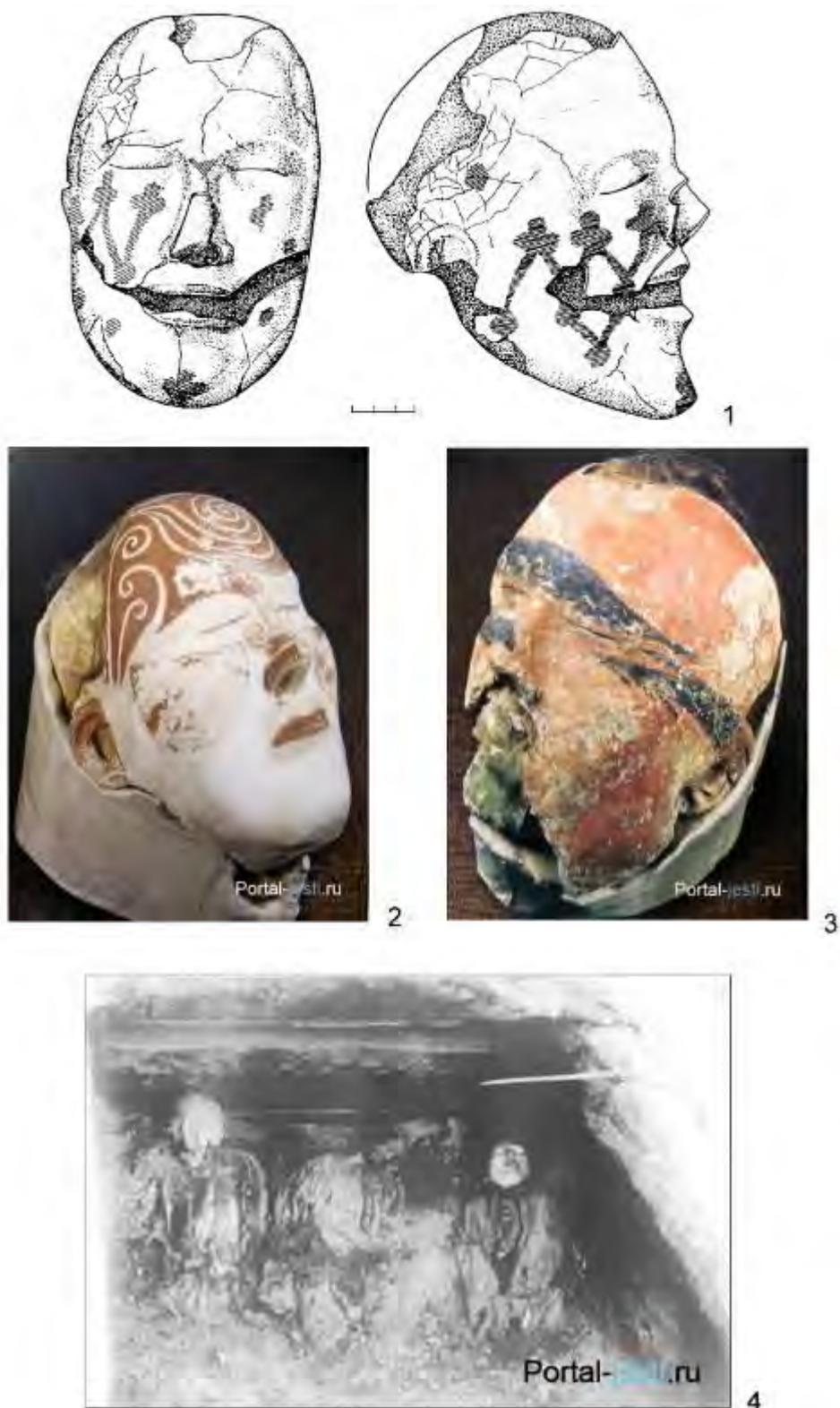

Рис. 3.1. Тесинская женская маска из грунтового могильника Каменка III. Раскопки Я.А. Шера; 2-3. Тесинские маски из могильника Оглахты. Раскопки Л.Р. Кызласова; 4. Тесинский склеп из могильника Оглахты. Раскопки и фото Л.Р. Кызласова.

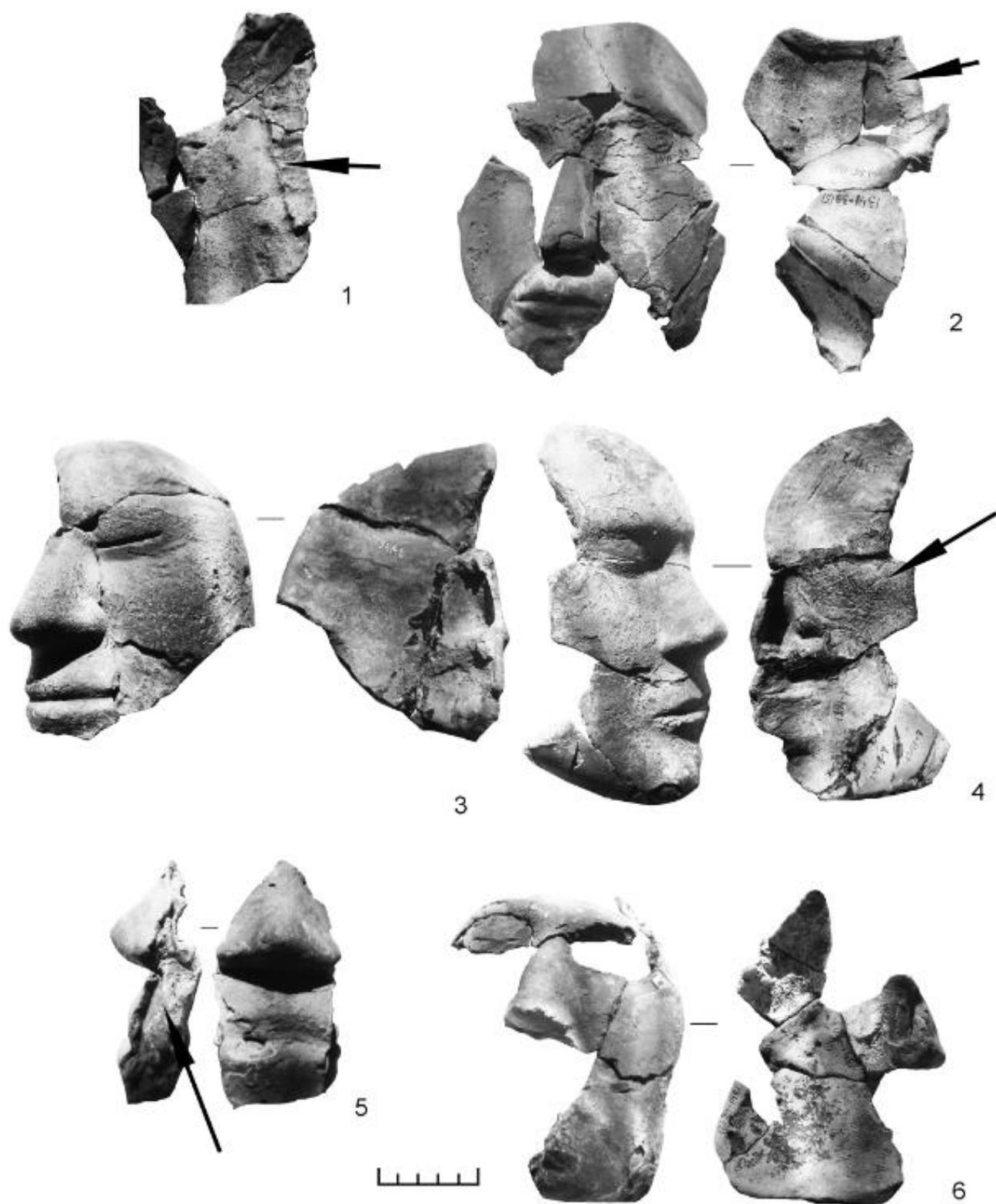

Рис.4, 1-6. Отпечатки шаблонов на внутренней стороне таштыкских масок. Фото автора.

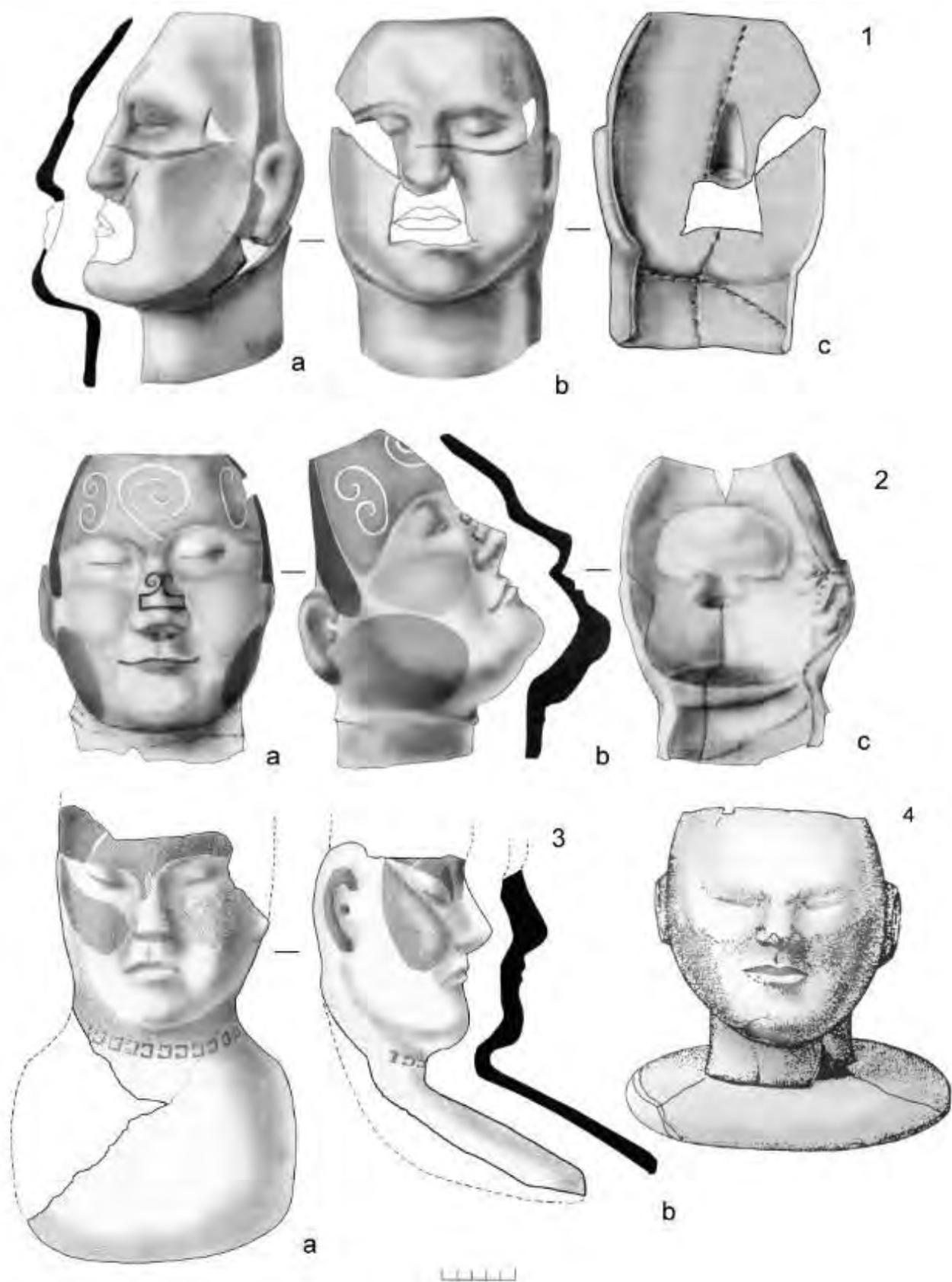

Рис. 5. Прорисовка масок в 2 проекциях, с разрезом и с отпечатками на внутренней стороне.
(Рис. автора).

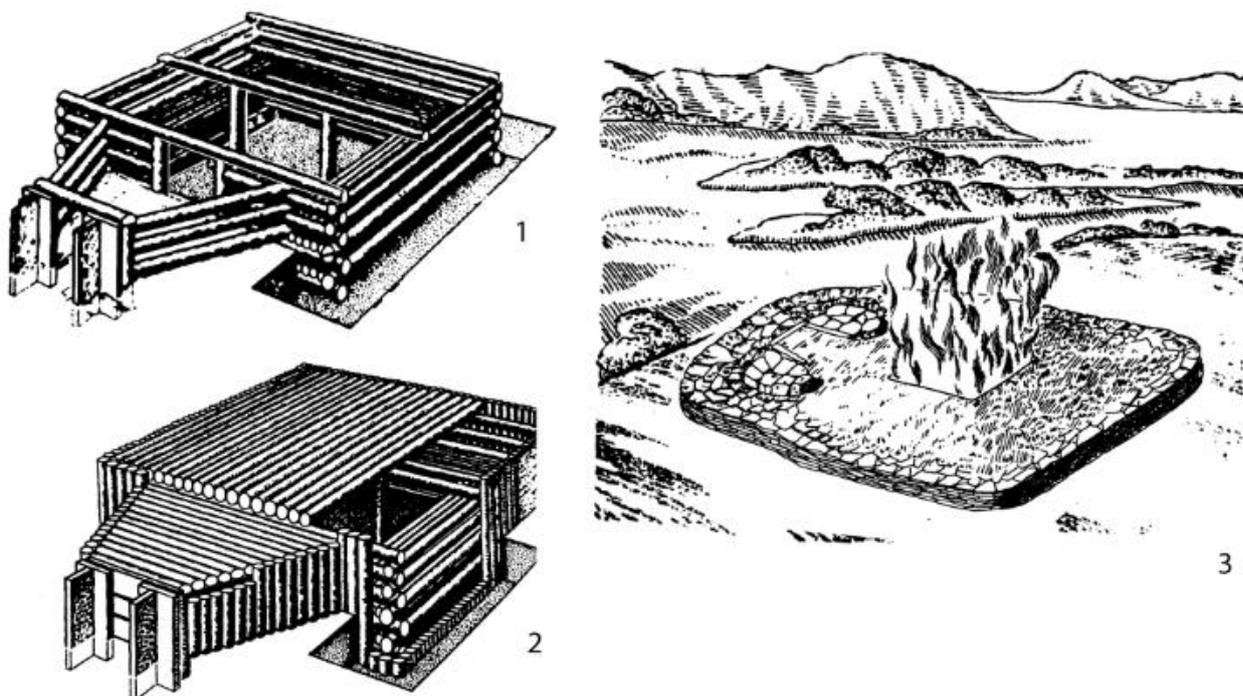

Рис. 6, 1-2. Таштыкский склеп, реконструкция деревянных конструкций склепа. 3. Реконструкция ритуального сожжения (автор - В.Г.Ефимов).

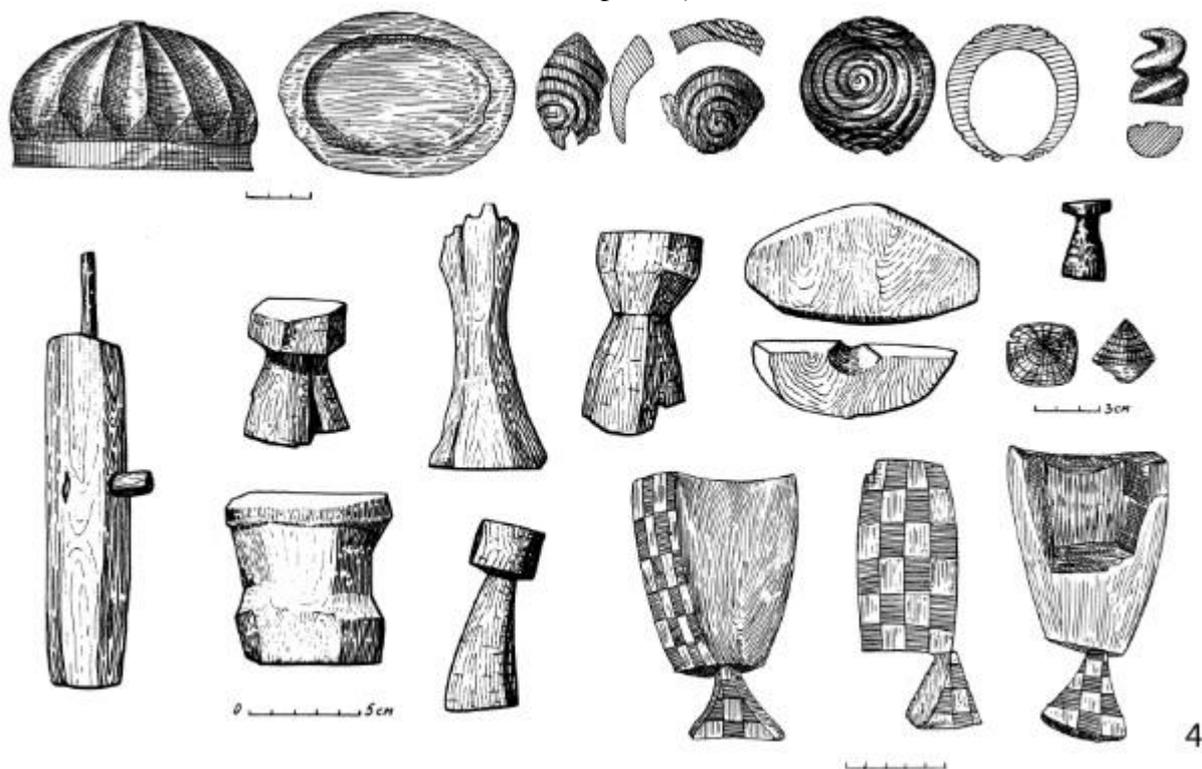

Рис. 7. Деревянные детали внутреннего убранства таштыкского склепа. Раскопки Л.Р. Кызласова.

С. В. Сотникова

**ПАРНЫЕ РАЗНОПОЛЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ АНДРОНОВСКОЙ
(ФЕДОРОВСКОЙ) КУЛЬТУРЫ ЮГА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ**

Ключевые слова: Западная Сибирь, эпоха бронзы, андроновская (федоровская) культура, парные разнополые погребения

Федоровская культура восточных районов входит в андроновскую культурно-историческую общность и занимает территорию юга Западной Сибири. Она отличается от федоровской западной группы, прежде всего, по способу захоронения. В восточной группе преобладает труположение, в западной – кремация на стороне и помещение кремированных останков в могилу. В восточной федоровской группе для одиночных погребений характерно труположение в скорченном положении, на левом боку, головой на ЮЗ, что аналогично традиции алакульского населения. В парных разнополых погребениях взрослых индивидов федоровская восточная группа существенно отличается от алакульской. Для алакульского населения характерно захоронение мужчины и женщины лицом друг к другу, в том числе в «позе объятия», мужчины на левом, женщины на правом боку. Для федоровского восточного населения характерны парные захоронения разнополых взрослых индивидов на левом боку, скорченно, головой на ЮЗ, женский костяк располагается за спиной мужского. Особенно отчетливо эта традиция проявляется в федоровских памятниках енисейских степей.

В ограде 7 могильника Пристань I могила 4 содержала парное захоронение мужчины и женщины в скорченном положении, на левом боку, головой на ЮЗ. Костяк женщины находился за спиной мужского. Между взрослыми – потревоженные кости младенца. В головах взрослых находилось по сосуду. У локтей мужчины – берестяной туес, за спиной женщины – деревянная бадейка с нитками и иглой. В районе ушной раковины женского костяка – бронзовая серьга с раструбом, на голени – остатки кожаной обуви с бронзовыми бусами.

На черепках мужчины и женщины имелись остатки шерстяных головных уборов (Максименков, 1978. С. 14).

В могильнике Орак обнаружено три парных разнополых взрослых захоронения. Могила 32 находилась в оградке округлой формы с насыпью высотой 40 см. Мужчина и женщина в возрасте 20–25 лет захоронены на левом боку, скорченно, головой на ЮЗ. Женский скелет размещался за спиной мужского. С обеих сторон женского черепа находились бронзовые височные кольца с несомкнутыми концами, около грудной кости – бронзовая бляшка полусферической формы с пунсонным орнаментом по краю, на левой плечевой кости – роговая пуговица подпрямоугольной формы. На левой ноге этого скелета обнаружены бронзовые бусины с остатками ремешка, на правой ноге – кусочек плетеной тесьмы. У юго-западной стенки – 3 сосуда. По углам в СВ части могилы и между сосудами – ребра барана. Могила 35 находилась в оградке круглой формы. На глубине 1,40 м в ЮЗ части ямы найдена пяточная кость быка и фаланги медведя. В общей большой могильной яме, размерами 2,75 x 1,96 м находились в неглубоких отдельных ямах два погребения на расстоянии 80 см друг от друга. Погребение 1, северо-западное, мужское; погребение 2, юго-восточное, женское. Таким образом, женское погребение находилось за спиной мужского. Обе ямы имели деревянные рамы и были перекрыты лиственничной корой. Погребенные захоронены на левом боку, скорченно, головой на ЮЗ. В мужском погребении в южном углу находился сосуд. В женском погребении в южном углу также располагался сосуд. Кроме того, под черепом женщины зафиксирован кусочек кожи, на челюсти – фрагмент плетеной тесьмы. Возле пяточной кости фрагменты подобной же тесьмы. Под скелетом следы зеленоватого тлена. Могила 38 имела неясно выраженную оградку. На глубине около 2,0 м в могильной яме была сооружена гробница из 15 рядов горизонтально положенных плиток. Сверху она перекрыта 8 плитами. Мужчина и женщина захоронены на левом боку, скорченно, головой на ЮЗ. Женский

скелет размещался за спиной мужского. На черепе женского костяка найдена пара бронзовых височных колец с несомкнутыми концами, в области голеностопного сустава – 1 бронзовая бусина. У ЮЗ стенки – два сосуда, между ними – кости барана (тазовые, бедренные, кость голени) (Комарова, 1961. С. 40, 42–44).

Таким образом, парные разнополюе погребения восточной группы федоровского населения демонстрируют совершенно самостоятельную традицию, отличающуюся от алакульской. Женщины сопровождаются украшениями, характерными для федоровского населения.

Значительный интерес представляют материалы с территории степного и лесостепного Алтая, прежде всего федоровского могильника Фирсово-XIV. В этом могильнике среди парных разнополюх погребений преобладают те, в которых мужчина и женщина захоронены лицом друг к другу (могилы №№ 7, 213, 311) (Федорук, 2015. С. 194), что соответствует алакульской традиции. Только в одной могиле № 29 женский костяк находился за спиной мужчины. Мужчина в возрасте около 40 лет и женщина 40-45 лет были захоронены в скорченном положении, на левом боку, головой на ЮЗ. В районе висков женского черепа обнаружены бронзовые подвески в 1,5 оборота, на щиколотках – бронзовые бусины. За черепом – 2 сосуда (Погребальный обряд, 2015. С. 14–16, 23, 191). Захоронение в могиле 29 совершено в соответствии с федоровской традицией, но украшения из этого погребения (подвески в 1,5 оборота), характерны для алакульского населения. Наличие в могильнике Фирсово-XIV парных разнополюх погребений алакульского и федоровского типа достаточно убедительно свидетельствует о контактах алакульского и федоровского населения.

Комарова, 1961 – Комарова М. Н. Памятники андроновской культуры близ улуса Орак // Археологический сборник. Л.: ГЭ, 1961. Вып. 3.

Максименков, 1978 – Максименков Г. А. Андроновская культура на Енисее. Л.: Наука, 1978.

Погребальный обряд, 2015 – Погребальный обряд древнего населения Барнаульского Приобья: материалы раскопок 2010–2011 гг. грунтового могильника Фирсово-XIV. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2015.

Федорук, 2015 – Федорук О.А. Совместные захоронения в андроновских могильниках степного и лесостепного Алтая//Человек и Север: Антропология, археология, экология. Тюмень: ИПОС СО РАН, 2015. Вып. 3.

А. А.Тишкин

МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ ДЕТАЛИ НАБОРНОГО ПОЯСА МОНГОЛЬСКОГО
ВРЕМЕНИ ИЗ КУРГАНА №9 ПАМЯТНИКА КАРМАЦКИЙ (ВЕРХНЕЕ
ПРИБОБЬЕ): РЕНТГЕНОФЛЮОРЕСЦЕНТНЫЙ АНАЛИЗ

Ключевые слова: Верхнее Приобье, Кармацкий, монгольское время, курган, наборный пояс, рентгенофлюоресцентный анализ

Разновременный археологический комплекс Кармацкий находится на правом берегу Оби, практически напротив г. Барнаула. Его основу составляют курганы (более 70), относящиеся к XIII–XIV вв. н.э. (Тишкин, 2009. С. 94). При исследовании объекта №9 в одной из могил были зафиксированы остатки кожаного пояса с деталями металлической гарнитуры (рис. 1) в виде пряжки, тренчика и трех блях-обойм (Тишкин, 2009. С. 87, рис. 52). Результатам рентгенофлюоресцентного анализа этого материала посвящена данная публикация. Коллекция предметов находится в Музее археологии и этнографии Алтая АлтГУ (г. Барнаул).

Для определения состава сплава всех изделий использовался рентгенофлюоресцентный спектрометр ALPHA SERIES™ (модель Альфа-2000, производство США), который имеется в АлтГУ. Исследования проводились по методике, уже многократно апробированной автором.

Сначала в разных местах тестировалась пряжка (рис. 1, 1). Следует отметить, что изделие к этому моменту было освобождено от поверхностных окислов и покрыто антикоррозийным составом. Анализ лицевой стороны в месте, где хорошо просматривался металл, обозначил следующие показатели: Cu (медь) – 85,95%; Pb (свинец) – 12,54%; Zn (цинк) – 1,25%; Fe (железо) – 0,26%. Эти данные свидетельствуют о медно-свинцово-цинковом сплаве, который использовался при отливке пряжки. Дополнительно исследовался участок внешней стороны рамки, расположенный ближе к центру. Зафиксированы такие результаты: Cu – 74,17%; Pb – 22,14%; Zn – 2,34%; Fe – 1,35%. Этот

поэлементный ряд количественно отличается от предыдущих данных и указывает на присутствие окислов. Повышенное содержание железа демонстрируют оставшиеся следы от применявшегося язычка.

Тестирование тренчика (рис. 1, 2) отражает проникновение процессов коррозии вглубь изделия. Данное обстоятельство показывают сведения, полученные в разных местах, в том числе в слом:

– Cu – 77,8%; Pb – 18,5%; Zn – 0,67%; Fe – 3,03%;

– Cu – 58,03%; Pb – 25,6%; Zn – 11,38%; Fe – 4,98%; Bi – 0,28%.

Результаты также демонстрируют медно-свинцово-цинковый сплав с существенным процентом железа и сопровождающего висмута в одном случае.

Имеющиеся в комплекте бляхи-обоймы, которые оказались сильно покрыты окислами, представляют более сложную конструкцию, состоящую из основы и двух других элементов. Первым из них изучалось изделие с лучше сохранившейся петлей (рис. 1, 3). Тестировалась каждая составляющая часть. Сначала были получены результаты рентгенофлюоресцентного анализа основы, вылитой в одной форме со скобами и петлей. Удалось на хорошо сохранившемся участке удалить поверхностные окислы и зафиксировать следующие показатели: Cu – 81,23%; Pb – 15,38%; Sn (олово) – 1,81%; Zn – 1,47%; Fe – 0,11%. Аналогичным образом получены данные по одной из внутренних скоб, которые уточнили реальный многокомпонентный (медно-свинцово-цинково-оловянный) состав: Cu – 73,61%; Pb – 24,04%; Zn – 1,27%; Sn – 1,08%. Далее тестировалась круглая шайба, находящаяся в центре изделия. Имелась возможность лишь частично снять верхний слой коррозии, что отразилось в представленном результате: Cu – 69,98%; Pb – 24,24%; Sn – 2,93%; Zn – 2,08%; As (мышьяк) – 0,65%; Fe – 0,12%. Данный состав схож с двумя предыдущими и позволяет предположить, что исследуемая деталь была изготовлена из такого же металла, как и основа. Выявленный дополнительный элемент (мышьяк), вероятнее всего, демонстрирует его первоначальное присутствие в меди в качестве рудной

примеси. Исследование штифта, с помощью которого закреплялась шайба на основе, подтверждает сделанное заключение: Cu – 77,23%; Pb – 17,36%; Sn – 2,94%; Zn – 2,11%; As – 0,36%.

Далее изучалась бляха-обойма без дополнительной нижней петли (рис. 1, 4). Это изделие сохранилось хуже всех, так как находилось под умершим человеком. Исследовался участок на одной из скоб, освобожденный от окислов. Получен следующий поэлементный ряд: Cu – 81,32%; Pb – 11,77%; Zn – 4,13%; Sn – 2,57%; Fe – 0,15%; Ni – 0,06%. Эти результаты близки к определению реального состава сплава, но отражают и фон от частично оставшихся окислов. Получить сведения о других элементах бляхи-обоймы оказалось затруднительно из-за ее плохой сохранности.

Внешняя сторона бляхи-обоймы с обломанной петлей (рис. 1, 5) сохранилась хорошо, что позволило музейным работникам удалить окислы. Исследование ее с помощью прибора обеспечило такой результат: Cu – 84,86%; Pb – 8,84%; Sn – 4,66%; Zn – 1,64%. Тестирование шайбы, демонстрирует несколько иные показатели количественного плана: Cu – 83,86%; Pb – 10,27%; Sn – 3,03%; Zn – 2,41%; As – 0,29%; Fe – 0,14%. Частичное снятие окислов осуществлялось на скобе у слова петли. Эти данные дополняют сделанные заключения: Cu – 77,15%; Pb – 11,2%; Sn – 6,04%; Zn – 5,31%; Fe – 0,3%.

В завершении представления полученных результатов необходимо отметить один момент. При просмотре полученных спектров на части из них выявляется особенность, демонстрирующая наличие серебра (Ag) на уровне следов, что не нашло отражение в количественных показателях из-за разрешающих возможностей прибора.

Представленные детали пояса практически идентичны аналогичным изделиям, обнаруженным в Ангарской тайге на памятнике Проспихинская Шивера-IV. Отличие заключается в том, что отсутствуют миниатюрные накладки для украшения кожаного ремня и нет дополнительного тренчика

(Сенотрусова и др., 2015, с. 119, рис. 1.-IV). Зафиксированные показатели химического состава обоих наборов обозначают проблему определения места производства металлических деталей для поясов, обнаруженных на памятниках монгольского времени, которые находятся друг от друга на существенном расстоянии.

В заключение следует указать, что одна из представленных блях с Кармацкого, имеет аналогии с находкой из кургана №3 памятника Красноярское-I (Змеевка), который был раскопан С.М. Сергеевым в предгорьях Алтая (Гаврилова, 1965, с. 73, табл. XXXI, 87; Неверов, 1982).

Работа выполнена в рамках реализации государственного задания Алтайского государственного университета (проект №33.867.2017/ПЧ «Реконструкции технологических приемов и методов производств древних обществ Северной Азии»).

Гаврилова, 1965 – Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л., 1965.

Неверов, 1982 – Неверов С.В. Погребения могильника Змеевка на Алтае (по материалам раскопок С.М. Сергеева) // Археология и этнография Алтая. Барнаул, 1982.

Сенотрусова, Мандрыка, Тишкин, 2015 – Сенотрусова П.О., Мандрыка П.В., Тишкин А.А. Металлическая гарнитура поясных наборов монгольского времени в Ангарской тайге // Археология, этнография и антропология Евразии. 2015. Т. 43. №2.

Тишкин, 2009 – Тишкин А. А. Алтай в монгольское время (по материалам археологических памятников). Барнаул, 2009.

Рис. 1. Металлические детали наборного пояса из кургана №9 памятника Кармацкий (Верхнее Приобье) с лицевой и оборотной стороны

Я. В. Фролов

О ПАРАЛЛЕЛЯХ В МАТЕРИАЛАХ НЕКРОПОЛЕЙ СКИФО-САКСКОГО
ВРЕМЕНИ ИЗ БАРНАУЛЬСКОГО ПРИОБЬЯ И ТУВЫ

Ключевые слова: скифо-сакское время, миграции, Тува, Барнаульское Приобье

Между материалами могильников начала скифо-сакского времени (VI-V вв. до н.э.) из Барнаульского Приобья (староалейская культура) и рядом некрополей Тувы наблюдается значительное сходство. Это проявляется в близких типах и составе погребального инвентаря и особенно заметно при сравнении деталей поясной гарнитуры. Исследователи уже обращали внимание на эти параллели. К.В. Чугунов и автор данной публикации объясняли это сходство единими миграционными процессами связывающими эти два региона (Фролов, 1999. С. 217; 2001. С. 258; 2008а. С. 96-97; 2008б. С. 154, 156-158; Чугунов, 2001. С. 176-177).

Обнаруженные, в последнее время – 2012-2014 гг., материалы из тувинских некрополей Эки-Оттуг 2 и Саускен 3, датирующихся VI-V вв. до н.э., расширили серию аналогий между тувинскими и приобскими материалами (Килуновская, Семенов, 2013. С. 199, 218, рис. 3; Килуновская и др., 2015. С. 203-214, рис. 28-31,37). Особого внимания заслуживает группа петельчатых поясных блях – наладок обнаруживающих большое сходство с материалами некрополей староалейской культуры. Очень близки, имеющие общий прототип, бабочковидные бляхи с изображениями противопоставленных голов грифонов из могильников Фирсово 14 и Эки-Оттуг 2 (Фролов, 2008. Рис. 133,3; Килуновская, Семенов, 2013. С. 218). Близки типологически и стилистически бляхи с изображением на щитке лежащего хищника из могильников Фирсово 14 и Эки-Оттуг 2 (Фролов, 2008. Рис. 151, 3; Килуновская и др., 2015. Рис. 28). Интересно единообразное оформление петель этих блях, которое предполагает расположение их на поясе в вертикальном положении. Большое сходство имеет и серия блях со щитком из 6 полусфер (Фролов, 2008. Рис. 147, 13-16;

Килуновская и др., 2015. Рис. 30, 37-6). Это достаточно специфические предметы, встречающиеся, в своем большинстве, в памятниках Южной Сибири в скифо-сакское время, в староалейских и тувинских памятниках, а так же в памятниках культуры плиточных могил и северном Китае (*Фролов*, 2008. С. 160-161).

Близкое сходство предметов поясной гарнитуры из Барнаульского Приобья и Тувы не может объясняться только общими эпохальными тенденциями распространения данного типа изделий. Например, у блях с изображением грифонов могильников Фирсово 14 и Эки-Оттуг 2 имеющих единую иконографию и сходное стилистическое оформление деталей изображения грифона, вероятно, был один прототип. Это может свидетельствовать о существовании единого центра их производства, или объясняться контактами между группами населения Приобья и Тувы. Петельчатые бляхи-накладки довольно просты в изготовлении. Следы производства изделий подобного типа встречаются в Барнаульском Приобье и Причумышье. Так в могильнике Фирсово 14 обнаружены бронзовые бабочковидные бляхи имеющие литейный брак (*Фролов*, 2008. Рис. 136, 2,3). На поселении Гробница-3 встречены глиняные литейные формы для отливки бабочковидных блях (*Симонов, Шурин*, 2006. С. 124, рис. 4, 1-3). Это свидетельствует о том, что серьезных потребностей в импорте подобных изделий у населения Южной Сибири не было и их местное производство было достаточно распространено. Если все же предположить наличие некоего центра снабжавшего изделиями поясной гарнитуры и население скифо-сакского времени Тувы и Барнаульского Приобья, то это само по себе является фактом показывающим близость культур этих двух регионов. Наличие единых источников поступления предметов поясной гарнитуры в Туву и Барнаульское Приобье, а также общие традиции использования поясной гарнитуры, свидетельствуют о сходстве отдельных культурных элементов у населения этих

регионов. Это не доказывает наличие прямых контактов, но в тоже время свидетельствует о том, что группы мигрантов, при участии которых формировались новые культурные образования в начале скифо-сакского времени (VI в до н.э.) в Верхнем Приобье и Туве имели общие культурные корни.

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ регионального научного конкурса «Российское могущество прирастает будет Сибирью и Ледовитым океаном» № 17-11-22011 «Барнаульское Приобье в древности».

Килуновская, Семенов, 2013 – Килуновская М. Е., Семенов Вл. А. Исследования Тувинской археологической экспедиции по трассе железной дороги Кызыл–Курагино // Бюллетень Института истории материальной культуры РАН. [№] 3(охранная археология). СПб., 2013.

Килуновская, Лазаревская, Садыков, Семенов, 2015 – Килуновская М. Е., Лазаревская Н. А., Садыков Т. Р., Семенов Вл. А. Исследования Тувинской археологической экспедиции ИИМК РАН в долине р. Ээрбек в 2014 г. // Бюллетень Института истории материальной культуры РАН. [№] 5 (охранная археология). СПб., 2015.

Симонов, Ширин, 2006 – Симонов Д. А., Ширин Ю. В. Бронзолитейная мастерская быстрианской культуры на р. Чумыш // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Вып. 3-4. Горно-Алтайск, 2006.

Фролов, 1999 – Фролов Я. В. Некоторые проблемы в изучении памятников, датируемых VI-V вв. до н.э. в Барнаульско-Бийском Приобье // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999.

Фролов, 2001 – Фролов Я. В. Староалейская культура (по данным погребальной обрядности) // Историко-культурное наследие Северной Азии. Барнаул, 2001.

Фролов, 2008а – Фролов Я. В. К вопросу о реконструкциях этнокультурной ситуации в лесостепном Алтае в эпоху раннего железа // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. II. М., 2008а.

Фролов, 2008б – Фролов Я. В. Погребальный обряд населения Барнаульского Приобья в VI в. до н.э. – II в. н.э. (по данным грунтовых могильников). Барнаул, 2008б.

Чугунов, 2001 – Чугунов К. В. Локально-хронологические особенности культуры Тувы в середине I тысячелетия до н.э. // Евразия сквозь века. СПб, 2001.

Ю. С. Худяков, А. Ю. Борисенко

ИЗУЧЕНИЕ ДРЕВНЕТЮРКСКИХ ИЗВАЯНИЙ САЯНО-АЛТАЯ И ТЯНЬ-ШАНЯ

Ключевые слова: древние тюрки, антропоморфные каменные изваяния, поминальные сооружения, Саяно-Алтай, Тянь-Шань, Центральная Азия

Среди археологических памятников в Центральной Азии важное место принадлежит «каменным бабам». Большой вклад в их изучение в Туве внес А.Д. Грач.

Первый опыт описания каменных статуй был предпринят участниками российской научной экспедиции в Сибири в XVIII в. Д.Г. Мессершмидтом были осмотрены статуи на р. Черный Июс и Тесь. Предложенное им объяснение одного изваяния в качестве изображения китайца было ошибочно. В Красноярске участники экспедиции осмотрели скульптуры львов и баранов с р. Тубы. Благодаря книге Ф.И. Страленберга рисунки каменных статуй вызвали интерес у любителей древностей.

В 1730-х гг. по Минусинской котловине совершили часть своего путешествия участники Великой Северной экспедиции, Г.Ф. Миллер и И.Г. Гмелин. На изваянии с р. Черный Июс они отметили пояс с бляшками и саблю. Еще одно изваяние с сосудом и саблей было осмотрено ими на р. Туим. В 1741 г. каменная статуя с р. Черный Июс, была зарисована И. Шишковым. В ходе работы одной из «физических» экспедиций в Северной Азии в 1772 г. П.С. Палласом на юге Сибири было осмотрено два изваяния с личинами. Рисунок каменной статуи с р. Черный Июс был издан в книге И.П. Фалька.

В середине XIX в. свои представления о древних памятниках Сибири в статье о «чудских копиях» изложил К.Э. Эйхвальд. Он описал каменные изваяния, отнесенные к легендарному древнему народу – «чуди».

В 1856 г. путешествие на Тянь-Шань совершил известный казахский исследователь, находившийся на российской военной службе, Ч.Ч. Валиханов.

На оз. Иссык-Куль он зарисовал несколько «каменных баб». В 1957 г. экспедицию на Тянь-Шань совершил П.П. Семенов-Тянь-Шаньский. Он осмотрел ряд каменных статуй.

В 1860-х гг. внимание на каменные изваяния юга Сибири обратил В.В. Радлов. Он описал несколько статуй из Минусинской котловины, Алтая и Казахстана, отметил их в Монголии и Восточной Европе. Ученый предположил, что сосуды у них в руках были «погребальными урнами».

Большой вклад в изучение тюркских этносов Средней Азии внес В.В. Бартольд. Он изучил сведения о тюрках в источниках. Опираясь на результаты изучения памятников в Монголии, он отнес каменные изваяния Тянь-Шаня к тюркам.

Работавший на юге Сибири Д.А. Клеменц также отнес каменные статуи тюркам. Несколько каменных изваяний было зарисовано участниками финской экспедиции И.Р. Аспелина в Саяно-Алтае и Монголии в конце XIX в. Эти материалы были изданы в 1931 г. Я. Аппельгрэн-Кивало.

В конце 1920-х гг. М.П. Грязновым и Е.Р. Шнейдером были изучены древние изваяния Минусинской котловины. Среди них были статуи, «не характерные» для этого края. В начале 1950-х гг., М.П. Грязнов снова обратился к анализу минусинских каменных статуй, повторно рассмотрев их. Некоторые из них он оценил в качестве «ранних форм» каменных изваяний «тюркского типа» и отнес к началу н. э.

В 1948 г. в книге Л.А. Евтюховой отмечено, что средневековые каменные изваяния встречаются на Енисее редко. В ее статье о каменных изваяниях Южной Сибири и Монголии, отмечено, что они установлены у поминальных оград. В монографии С.В. Киселева сказано, что каменная скульптура барана из с. Чарково относится к тагарской культуре.

В 1950-х гг. некоторые каменные статуи на Тянь-Шане были изучены А.Н. Бернштамом. Он отнес их к культуре тюрков и сравнил с изваяниями с Алтая.

В этот же период каменные изваяния на территории Тувы были изучены и систематизированы А.Д. Грачом. В те же годы тюркские изваяния культуры в Туве изучались С.И. Вайнштейном. В 1960-1970-х гг. изучал изваяния Л.Р. Кызласов. В книге о таштыкской культуре, он отнес к ней изваяния баранов. В книге по средневековой истории Тувы он отнес некоторые каменные скульптуры к тюркам, а другие к уйгурской эпохе.

В те же годы изучением каменных изваяний Тянь-Шаня и Семиречья занимался Я.А. Шер. Он выделил несколько групп изваяний мужчин и женщин с сосудами в одной или обеих руках, которые отнес к древним тюркам и уйгурам. Ученый выделил два района сосредоточения тюркских статуй в Чуйской долине и на восточном берегу Иссык-Куля. В Казахстане изучением средневековых изваяний занимались Ф.Х. Арсланова и А.А. Чариков.

В 1970-х г. каменные скульптуры древних тюрков были рассмотрены в работах В.П. Мокрынина. Он изучил женские каменные изваяния Тянь-Шаня, которые отнес к культуре эфталитов. В те же годы к анализу каменных скульптур в Казахстане обращался С.М. Ахинжанов. Он предположил, что статуи женщин в трехрогих головных уборах изображали шаманок.

В начале 1980-х гг. данные о каменных изваяниях древних тюрков в степях Евразии обобщил В.А. Могильников. В 1984 г. древнетюркские скульптуры в пределах Горного Алтая рассмотрены в книге В.Д. Кубарева. Каменные изваяния из восточной Монголии были изучены Д. Баяром. Поминальные комплексы высшей знати были изучены В.Е. Войтовым. В 1980-х гг. изучением тюркских каменных изваяний на Тянь-Шане занимался К.Ш. Табалдиев. В последние годы каменные изваяния Кыргызстана изучались М.И. Москалевым, О.А. Солтобаевым и А.Т. Сулаймановой. В последние годы к изучению тюркских изваяний в Казахстане обращалась Л.Н. Ермоленко и А. Досымбаева.

Видимо, традиция поминания умерших была воспринята тюрками у носителей булан-кобинской и кок-пашской культур. Она появилась у тюрков в

период Первого Тюркского каганата. Ряд элементов оформления поминальных комплексов высшей знати, в том числе постамент в виде черепахи, памятную стелу с надписями и навершием в виде дракона, они заимствовали у китайцев. Вероятно, традиция оформления памятной стелы «нарисованным обликом покойного» также возникла в это время, поскольку она распространилась среди западных и восточных тюрок.

После распада единого тюркского государства на два каганата развитие поминальной обрядности в каждом из них пошло отдельно. В Восточном Тюркском каганате поминальный обряд приобрел воинский характер. На памятниках высшей знати, помимо скульптур кагана и его супруги стали сооружать ограду с валами и рвами, поминальный храм, устанавливать изваяния участников поминальной церемонии, стелу с надписями, прославляющими умершего, увенчанную драконами, на каменном постаменте черепахе. На восток от ограды устанавливались каменные столбики – балбалы по числу убитых воином врагов. У поминальных оградок рядовых воинов рядом с оградкой устанавливалась каменная скульптура и ряд балбалов.

Поминальные памятники высшей знати западных тюрок пока не обнаружены. Найдена одна скульптура черепахи, которая могла служить постаментом для стелы с надписью. На Тянь-Шане и Семиречье, кроме изваяний мужчин, найдены статуи тюркских женщин, и детей. Это свидетельствует о специфике поминальной обрядности западных тюрок.

Исследование проведено в рамках государственного задания в сфере научной деятельности (проект № 33.5677.2017/8.9).

К. В. Чугунов

**ТУВА В ПЕРВОМ ТЫСЯЧЕЛЕТИИ ДО Н.Э.: МОДЕЛЬ
МУЛЬТИКУЛЬТУРНОСТИ**

Ключевые слова: эпоха поздней бронзы, скифское время, Тува, периодизация, мультикультурность

Археологические исследования показывают, что на рубеже 2 – 1 тысячелетий до н.э. в горно-степных регионах Центральной Азии этнокультурная ситуация была чрезвычайно сложной. Определение всего круга древностей Тувы, предшествующего эпохе ранних кочевников, как монгун-тайгинская культура, безусловно, имеет право на существование, но только в понимании исследовательского конструкта, включающего в себя всё многообразие типов памятников. Не случайно, А.Д. Грач, впервые систематизировавший безынвентарные подкурганые захоронения, оперировал понятием «курганы монгун-тайгинского типа» (Грач, 1971). Построение на имеющемся материале колонной секвенции культур эпохи финальной бронзы и переходного к раннему железному веку времени едва ли возможно по причине отсутствия в комплексах устойчивого набора признаков. Показателем культурной мозаичности населения в регионе является выделенный недавно иджимский тип памятников, который в целом можно датировать в пределах XII – IX вв. до н.э. (Амзараков и др., 2015. С. 80). Возможно, дальнейшая разработка хронологии и периодизации культур на территории Монголии и Китая помогут вычлени из общего массива монгун-тайгинских комплексов складывающиеся этот культурный пласт компоненты. Однако едва ли это будут «чистые» мунх-хайрханские или байтагские памятники, выделенные в Монголии (Ковалёв, Эрдэнэбаатар, 2010; 2014). Ситуация мультикультурности в горно-степных областях хорошо известна по данным этнографии. Очень показательные примеры дают исследования этнической истории южных районов Таджикистана и Кавказа, где на очень ограниченной территории одновременно обитали

десятки разноэтничных народов, имеющих свою материальную культуру, язык и происхождение (*Кармышева, 1976; Карпов, 2007; Карпов, Капустина, 2011*). Их относительная изолированность была обусловлена ландшафтом разделённых горными хребтами долин, а взаимопроникновение традиций – общей ориентированностью хозяйственной деятельности на скотоводство. Внешние импульсы способствовали микшированию различных культур в горных областях. Подобные процессы вероятно имели место и в древности. Далеко не всегда их можно зафиксировать археологическими исследованиями, особенно учитывая специфический безынварный погребальный обряд, распространённый у субстратного населения Центральной Азии. Тем не менее, такую мультикультурность – одновременное проживание в пределах одного региона населения с различными по происхождению традициями – необходимо учитывать при анализе источников и разработке периодизации.

На первый взгляд, древности эпохи ранних кочевников можно гораздо увереннее систематизировать и представить в виде периодизации. Разработки в этом направлении начались еще в середине прошлого столетия и основывались на материалах первых и очень немногочисленных на тот момент комплексах скифского времени (*Кызласов, 1958; Вайнштейн, 1958; Маннай-оол, 1970*). Первые периодизации в целом демонстрировали эволюционный подход к древностям Тувы в рамках уюкской или казылганской культуры. В то же время необходимо отметить, что Л.Р. Кызласов допускал сосуществование в Туве различных этнических групп в раннескифское время (*Кызласов, 1979. С. 32–47*). Несмотря на то, что такие выводы строились подчас на основании отнесения ряда монгун-тайгинских курганов к этому периоду без особых доказательств, сама идея мультикультурности в рассуждениях исследователя имела место.

С началом работ СТЭАН база источников многократно увеличилась, что послужило основанием для нового взгляда на развитие культуры скифского типа в регионе. Периодизация А.Д. Грача декларировала идею поликультурности –

последовательную смену населения в результате внешних инвазий. Несмотря на активную критику со стороны сторонников эволюционной модели, она показала свою жизнеспособность. Так или иначе, все дальнейшие исследования древностей Тувы скифского времени опираются на выделенные А.Д. Грачом культурные дефиниции, развивая их на новом материале.

Не принимая во внимание отдельные расхождения в названиях, в целом периодизацию Тувы скифского времени можно представить в виде колонной секвенции археологических культур следующим образом:

1. Памятники аржанского типа, включая курган Аржан, и синхронные им курганы шанчигского типа: IX – середина VIII вв. до н.э.

2. Алды-бельская культура, включая курган Аржан-2: сер. VIII – начало или середина VI вв. до н.э.

3. Уюкско-саглынская (саглынская) культура. Уюкский этап (тип): середина VI – V вв. до н.э.; саглынский этап (тип): V – III вв. до н.э.; озен-ала-белигский этап: III – II вв. до н.э.

Такая периодизация, восходящая к поликультурной модели, предложенной А.Д. Грачом, в целом отвечает требованиям систематизации материалов эпохи ранних кочевников, получаемых в ходе исследований Тувы. Однако, если археологическое исследование предусматривает реконструкцию культурно-исторической ситуации в регионе, то каждый из трех пунктов этой колонки нуждается в существенных дополнениях и комментариях.

1. Начало эпохи кочевников связывается с курганом Аржан и памятниками шанчигского типа. Сейчас известен комплекс кургана Аржан-5, синхронный Аржану, расположенный рядом с ним и явно возведенный тем же населением. Курган 17 могильника Баданка IV, исследованный в соседней долине р. Ус, вероятно, близок по времени, хотя предположение о его несколько более раннем времени заслуживает внимания (Боковенко, 1995. С. 89). По-видимому, к этому же культурному кругу можно отнести и элитный курган Туннуг, раскопки

которого только начались. Во всяком случае, первые радиоуглеродные даты, полученные для образцов дерева из этого памятника (*Caspari et al.*, 2018. С. 86), не выходят за пределы IX в. до н.э. Еще один комплекс, содержащий, как и в Баданке, захоронение с лошадьми и имевший деревянные конструкции с захоронением на горизонте, исследован В.А. Киселем на могильнике Догээ-Баары 2 (*Кисель*, 2015). Автор предполагает еще более раннюю его датировку и реконструирует вероятное проникновение в Туву носителей всаднических традиций уже в последней трети 2 тыс. до н.э. (*Кисель*, 2015. С. 65). Датировка кургана, предлагаемая в интервале XII – IX вв. до н.э. соответствует упомянутому выше иджимскому типу памятников, что указывает на мультикультурность населения Тувы и в этот период.

2. При выделении алды-бельской культуры раннескифского времени А.Д. Грач оперировал материалами лишь 14 могильников из раскопок СТЭАН. Сейчас их количество насчитывает несколько десятков и, кроме того, исследован «царский» погребально-поминальный комплекс Аржан-2, относящийся к ней. Несмотря на многократно возросшую базу источников надо признать, что ареал этих памятников не распространяется на всю территорию Тувы. На юге классические алды-бельские памятники неизвестны, но раскопан большой курган Холаш с наземными цистами вокруг центральной ограбленной могилы (*Семенов*, 1997). Это позволяет предполагать продолжение существования традиций монгун-тайгинской культуры здесь еще в раннескифское время. Вероятно, такую мультикультурную модель можно распространить на Туву в целом. На это указывают случаи взаимного перекрытия алды-бельских и монгун-тайгинских курганов (*Грач*, 1980. С. 122–124), а также планиграфическое сочетание их в пределах одних некрополей (*Длужневская*, 1985. С. 201; *Савинов*, 2002. С. 91; *Килуновская*, 2014. С. 88). Это позволяет рассмотреть алды-бельскую культуру Тувы несколько под другим углом. Относительная немногочисленность её памятников, вероятно, может говорить о том, что эти

курганы оставлены группой пришлого населения, которая заняла доминирующую позицию по отношению к местному монгун-тайгинскому субстрату, но не поглотила его, а сосуществовала с ним, по каким-то причинам не смешиваясь. Доживание носителей монгун-тайгинской культуры до уюкско-саглынского времени сейчас подкреплено антропологическими исследованиями. Сравнительный анализ краниологических серий из Тувы показал разный антропологический субстрат у населения, оставившего алды-бельскую и уюкско-саглынскую культуры, что, казалось бы, является окончательным аргументом в решении вопроса последовательной смены населения в середине скифского времени. Однако, наиболее близкой в антропологическом отношении группой для более поздней серии из уюкско-саглынских памятников является серия черепов из курганов монгун-тайгинской культуры (*Чикишева, 2008. С. 135–137*). Не исключено, что единичные случаи коллективных захоронений по монгун-тайгинскому обряду (*Савинов, 2002. С. 91*) демонстрируют позднейшую фазу развития этой культуры и датируются уже концом раннескифского времени.

3. Памятники уюкского типа – комплексы, переходные от раннескифского к скифскому времени так предложено именовать Вл. А. Семеновым (1992) – распространены только в северных и центральных районах Тувы, то есть там, где исследованы и курганы алды-бельской культуры. Они сочетают в своих материалах признаки алды-бельского культурного комплекса и более позднего саглынского (по А.Д. Грачу), что, казалось бы, возвращает к жизни эволюционную модель развития культуры в Туве. Однако это не так.

Безусловно, какая-то часть носителей алды-бельской культуры могла быть ассимилирована мигрантами, пришедшими в Туву из западных областей, и сохранить некоторые свои традиции. Однако, в культуре населения, начиная с середины VI в. до н.э. фиксируются изменения, которые невозможно объяснить эволюцией традиций раннескифского времени. Коренным образом меняется

погребальный обряд, на что указывал еще А.Д. Грач; в металлургии начинают доминировать мышьяковистые бронзы взамен оловянистой рецептуры сплавов (Хаврин, 2002); способ подвешивания оружия с использованием массивных обойм, ворворок и крючков также является инновацией. Характерными признаками уюкского типа памятников, помимо некоторых архаичных предметов, можно считать очень единообразные в типологическом отношении колчаные наборы (трехлопастные и трехгранные наконечники стрел с укороченным черешком), включающие несколько экземпляров втульчатых трехгранных стрел, восходящих еще к традициям предшествующего времени. Исчезают алды-бельские наборные пояса со свисающими вниз концами, украшенными художественными обоймами. Взамен их новое население использует пояса с бабочковидными бляхами и крупные пряжки, застегивающиеся на поясе. В искусстве звериного стиля появляются образы фантастических существ, отсутствующие у носителей алды-бельской культуры. Различия в антропологии, на которые указано выше, завершают картину смены населения в Туве в это время.

Уюкский тип памятников практически неизвестен на юге Тувы, на что уже указывалось (Чугунов, 2001). Это можно объяснить тем, что смена культуры в регионе совпала с аналогичными изменениями на территории соседнего Горного Алтая и появлением там носителей пазырыкской культуры. Южные области, безусловно, находились под ее мощным воздействием, что наложило отпечаток на весь облик саглынской культуры. На севере Тувы население, оставившее уюкский тип памятников, вероятно, сохранялось дольше, чем в других районах. Возможно, что это объясняется существованием здесь некрополей элиты еще со времени Аржана, с которыми оно сохраняло связь.

Поздний, озен-ала-белигский этап культуры Тувы достаточно монолитен. Верхняя его дата – II в. до н.э. – едва ли отражает реальное время завершения существования уюкско-саглынских традиций. На это указывают как ряд

элементов погребального обряда, так и некоторые находки в грунтовых некрополях Терезин и Ала-Тей I, датированных уже рубежом эр. В частности, здесь встречены специфические бронзовые прорезные наконечники стрел, а в искусстве продолжают бытовать образы ушастого грифона (*Леус, Бельский, 2016. С. 101, рис. 6*). Вероятно, местное население далеко не сразу было ассимилировано. Именно с ним можно связать памятники, которые выделялись А. Д. Грачом в улуг-хемскую культуру, на что указывают и авторы раскопок (*Килуновская, Леус, 2018*). Эти грунтовые могильники появились здесь несомненно под влиянием культуры сюнну, но сам бескурванный погребальный обряд не имеет истоков в местной среде. В качестве гипотезы можно предположить, что их оставило оседлое население, пришедшее с юга и занимающееся земледелием в пойме Енисея. Такая ситуация аналогична мультикультурной модели, которая выявляется в бассейне Верхней Оби для более раннего времени, где в сравнительно небольшом регионе выделено несколько одновременных археологических культур. Не исключено, что грунтовые могильники староалейской культуры (*Фролов, 2008. С. 158*) так же, как и более поздние памятники Тувы, можно связать с миграцией из областей распространения бескурванного погребального обряда (из Северного Китая или даже южнее?).

Итак, если рассматривать культурно-историческую ситуацию в Туве в 1 тыс. до н.э. с позиций мультикультурности, то необходимо учитывать процессы, фиксируемые как в соседних областях, так и на востоке Евразии в целом. В эпоху поздней бронзы здесь выявляется довольно мозаичная картина, которая предполагает сосуществование на определённом этапе различных культурных традиций. Представляется, что в это время горные долины Верхнего Енисея с одной стороны, были периферийной зоной круга культур Монголии, с другой – транзитной территорией, через которые проходили пути в Минусинскую котловину и обратно. Кроме того, памятники шанчигского типа по всем

признакам соответствуют ранним комплексам бийкенской культуры Горного Алтая, что, по сути, свидетельствует об их однокультурности. Общность их происхождения, вероятно, связана с близким субстратом, определяемым на данном этапе как монгун-тайгинская культура. Решение вопроса формирования в Туве культурного комплекса аржанского типа несомненно связано с процессами, происходившими далеко на юго-востоке, в пограничной зоне государств Древнего Китая, которая определяется Джессикой Роусон как Дуга (*Rawson, 2017*). Однако по-прежнему актуальной задачей остается определение направления вектора влияний, обусловивших очевидные параллели в культурном комплексе памятников предскифского времени Кавказа и Северного Причерноморья с одной стороны, и Аржана с другой.

Носители алды-бельской культуры появились в Туве, вероятно, с территории Казахстана, чему способствовала родственная субстратная основа племен Горного Алтая в предыдущий период. Близость материального комплекса тасмолинской культуры синхронным древностям Тувы очевидна и отмечалась еще А.Д. Грачом на несравненно меньшем материале (*Грач, 1980. С. 78*). Несколько погребальных комплексов, отличающихся по особенностям погребального обряда, но содержащих материалы раннескифского времени, открытые в Центральной Туве (*Семенов, 2012. С. 432–435*), показывают присутствие инокультурного компонента и в среде алды-бельского населения, появившего здесь, вероятно, уже после сооружения кургана Аржан.

Период смены археологических культур в Туве в середине 1 тыс. до н.э. проходил в контексте глобального изменения этнополитической картины на огромной территории. Помимо ахеменидской активности на западе (*Савинов, 2002. С. 102, 103*), нельзя забывать, что и на юго-востоке от Тувы эпоха относительной стабильности – период Вёсен и Осеней, сменился периодом Враждующих Царств. Сейчас очевидно, что это время прекращения существования многих культур, распространенных в первой половине 1 тыс. до

н.э. Исследователи вынуждены констатировать, что памятники, ранее соотносимые с поздними этапами региональных периодизаций скифского времени, сейчас могут датироваться более ранним временем. Такая ситуация наблюдается для культуры плиточных могил Забайкалья и Монголии (Цыбиктаров, 1998. С. 114–125), а также для тасмолинской культуры Казахстана (Бейсенов, 2015. С. 28). Население степи, и до того очень подвижное, еще больше микшируется, о чем говорят и заключения антропологов, констатирующие чрезвычайную гетерогенность многих популяций, вовлеченных в процесс становления номадизма. Разнонаправленные миграции и чрезвычайно возросшая коммуникативная активность не способствовали сохранению гомогенности населения как в отдельных локальных областях, так и вообще в азиатском регионе.

Таким образом представляется, что при составлении колонной секвенции культур, которую безусловно необходимо разрабатывать для каждого региона, нужно учитывать фактор мультикультурности. Чрезвычайно микшированное население, различное по происхождению и часто сохраняющее связанные с ним культурные особенности, несомненно усложняет работу по анализу культурных процессов, но позволяет приблизить искусственные исследовательские конструкторы к реальной истории.

Амзараков и др., 2015 – Амзараков П. Б., Лазаретов И. П., Поляков А. В.

Погребение финальной стадии эпохи поздней бронзы в истоках реки Иджим (Ермаковский район Красноярского края) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2015. Том 14, выпуск 7: археология и этнография. С. 72–83.

Бейсенов, 2015 – Бейсенов А. З. Центральный Казахстан в раннем железном веке // Историческая и социально-образовательная мысль. Т. 7. №6. Часть 2. Краснодар, 2015. С. 22–31.

Боковенко, 1995 – Боковенко Н. А. Новый памятник аржанского этапа в центре Азии // Южная Сибирь в древности. Археологические изыскания № 24. СПб, 1995. С. 85–90.

Вайнштейн, 1958 – Вайнштейн С. И. Некоторые итоги работ Тувинского НИИЯЛИ в 1956–1957 гг. // УЗ ТНИИЯЛИ. Вып. VI. Кызыл, 1958. С. 217–

237.

- Грач, 1971* – Грач А. Д. Новые данные о древней истории Тувы // Ученые записки Тувинского НИИЯЛИ. Вып. 15. Кызыл, 1971. С. 93–106.
- Грач, 1980* – Грач А. Д. Древние кочевники в центре Азии. М., 1980.
- Длужневская, 1985* – Длужневская Г. В. Раскопки могильников Бедиг-Хорум и Сарыг-Хая III. АО 1983 г. М., 1985. С. 201, 202
- Кармышева, 1976* – Кармышева Б. Х. Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана / АН СССР. Ин-т этнографии. М.: Наука, 1976, 323 с.
- Карпов, 2007* – Карпов Ю. Ю. Взгляд на горцев. Взгляд с гор: Мировоззренческие аспекты и социальный опыт горцев Дагестана. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2007. 656 с.
- Карпов, Капустина, 2011* – Карпов Ю. Ю., Капустина Е. Л. Горцы после гор. Миграционные процессы в Дагестане в XX – начале XXI века: их социальные и этнокультурные последствия и перспективы. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2011. 448 с.
- Килуновская, 2013* – Килуновская М. Е. Памятники раннескифского времени Тувы (по материалам раскопок ТАЭ в 2011-2013 гг.) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Материалы международной научной конференции. Часть 1. Кызыл, 2014. С. 88–93.
- Килуновская, Леус, 2018* – Килуновская М. Е., Леус П. М. Новые материалы улуг-хемской культуры в Туве // АВ. Вып. 24. СПб., 2018. С. 125–152.
- Кисель, 2015* – Кисель В. А. Начало кочевнической культуры в центре Азии // АСГЭ. Вып. 40. СПб., 2015. С. 54–67.
- Ковалёв, Эрдэнэбаатар, 2010* – Ковалёв А. А., Эрдэнэбаатар Д. Поздний бронзовый век и начало раннего железного века Монголии в свете открытий Международной Центрально-Азиатской археологической экспедиции // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Материалы международной научной конференции. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та. 2010. С. 104–117.
- Ковалёв, Эрдэнэбаатар, 2014* – Ковалёв А. А., Эрдэнэбаатар Д. Открытие в центре Евразии новой культуры эпохи развитой бронзы (мунх-хайрханская культура) // Российский археологический ежегодник. Вып. 4. СПб., 2014. С. 194–225.
- Кызласов, 1958* – Кызласов Л. Р. Этапы древней истории Тувы (в кратком изложении) // Вестник МГУ. Сер. историко-филологическая. №4. 1958.
- Кызласов, 1979* – Кызласов Л. Р. Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М.: Изд-во МГУ, 1979.
- Леус, Бельский, 2016* – Леус П. М., Бельский С. В. Терезин I – могильник эпохи хунну в Центральной Туве // Археологические Вести. Вып. 22. СПб., 2016. С. 93–104.

- Маннай-оол, 1970* – Маннай-оол М. Х. Тува в скифское время (уюкская культура). М., 1970.
- Савинов, 2002* – Савинов Д. Г. Ранние кочевники Верхнего Енисея (археологические культуры и культурогенез). СПб., 2002.
- Семёнов, 1992* – Семёнов Вл. А. Уюкские курганы // Вторые исторические чтения памяти М. П. Грязнова. Ч. 2. Омск, 1992. С. 63–65.
- Семёнов, 1997* – Семёнов Вл. А. Монгун-Тайга (археологические исследования в Туве в 1994–1995 гг.). СПб., 1997.
- Семёнов, 2012* – Семёнов Вл. А. Погребение раннескифского времени на могильнике Суме-Беш в Туве // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Кн. 2. СПб., 2012. С. 432–435.
- Фролов, 2008* – Фролов Я. В. Погребальный обряд населения Барнаульского Приобья в VI в. до н.э. – II в. н.э. (по данным грунтовых могильников). Барнаул, 2008.
- Хаврин, 2002* – Хаврин С. В. Металлургия Саяно-Алтая скифского времени // Ладога и Северная Евразия от Байкала до Ла-Манша. Связующие пути и организующие центры. Шестые чтения памяти Анны Мачинской. СПб., 2002. С. 70–71.
- Цыбиктаров, 1998* – Цыбиктаров А. Д. Культура плиточных могил Монголии и Забайкалья. Улан-Удэ, 1998.
- Чикишева, 2008* – Чикишева Т. А. К вопросу формирования антропологического состава ранних кочевников Тувы // АЭАЕ. №4, 2008. С. 120–139.
- Чугунов, 2001* – Чугунов К. В. Локально-хронологические особенности культуры Тувы в середине 1 тысячелетия до н. э. // Евразия сквозь века : сб. научн. тр., посв. 60-летию со дня рождения Д. Г. Савинова. СПб., 2001. С.173–178.
- Caspari et al., 2018* – Caspari G., Sadykov T., Blochin J., Hajdas I. Tunnug 1 (Arzhan 0) – an early Scythian kurgan in Tuva Republic, Russia. // *Archaeological Research in Asia*. Т. 15. Elsevier, 2018. С.82–87.
- Rawson, 2017* – Rawson J. 2017. China and the steppe: reception and resistance // *Antiquity*, 91. P. 375–388.

Д. П. Шульга

СПЕЦИФИКА ПОГРЕБЕНИЙ ЮЖНЫХ СЮННУ (ЭПОХА ВОСТОЧНОЙ ХАНЬ)

Ключевые слова: южные сюнну, поздние сюнну, Северный Китай, Восточная Хань, Поздняя Хань, погребальный обряд.

В нынешнем Китае было обнаружено много хуннских захоронений, созданных в период Хань. Впрочем, очень немногие из них могут быть точно определены как оставленные южными хунну в эпоху Восточной Хань. Потому особо выделим памятники, служащие источниковой базой: пять погребения на могильнике Лицзятаоцзы (уезд Тунсинь, Нинся-Хуэйский АР); девять захоронений в Будунгоу (г. Дуншэн, Внутренняя Монголия); некрополь Суньцзячжай (уезд Датун, провинция Цинхай); ханьский могильник Дабаодан (уезд Шэньму, провинция Шэньси). Помимо могильников, есть и отдельные захоронения, например, погребение №1 на археологическом памятнике Чжанлунгэдань (г. Баотоу, Автономный район Внутренняя Монголия). Погребения сгруппированы в могильники, вероятно, в одном некрополе погребались связанные между собой люди (*Чжан Хайбинь*, 2000. С. 18).

Все обнаруженные до сих пор в Китае могильники южных сюнну распространены в северной и северо-западной частях Восточной Хань, что хорошо соответствует записям в письменных источниках о поселении «умиротворенных сюнну» среди подданных империи. После окончательного подчинения государям Поднебесной в кон. I–II вв. н.э. хунну стремительно китаизировались. Устройство богатых гробниц (очевидно, вмещавших останки знати южных хунну) почти полностью повторяет ханьский стиль. В большинстве случаев погребальная камера сложена из кирпича, над могилой имелась насыпь, в некоторых случаях встречаются каменные рельефы. Умершие (нередко таковых в погребении несколько) укладывались на спину с вытянутыми конечностями. Ориентация усопших сильно варьируется.

Менее высокопоставленное население продолжало возводить внутримогильные конструкции из дерева и каменных плит (иногда, как в Дабаодан, без насыпи). Прямые параллели с Забайкальем наталкивают на мысль, что «национальный колорит» среди рядового населения сохранялся лучше, чем у нобилитета.

Если погребальная архитектура показывает высокую степень китаизации, то сопроводительный инвентарь куда более своеобразен (что не отменяет постепенного нарастания ханьских влияний и здесь). Во-первых, значительную часть артефактов составляла посуда характерных форм, в том числе сосуды с узким горлом, гладкой поверхностью, подчас украшенные волнообразным орнаментом. Своеобразным «маркёром» поздних сюнну может служить серая керамика. Очевидно, хуннский обычай помещать с усопшим немалое количество изделий именно из этого материала может помочь исследователям в вычленении погребений этого народа из окружающей ханьской среды. Во-вторых, в перечисленных в начале статьи могильниках традиционно обнаруживается большое количество бронзовых и железных изделий. Бронзовые артефакты включают ножи, наконечники стрел, колокольчиковидные украшения, кольца, поясные пряжки и иные детали поясной (и сбруйной) фурнитуры. Среди железных артефактов преобладают удила и псалии, поясные пряжки, ножи, наконечники стрел, мечи, топоры, лопаты и гвозди. Захоронение оружия было традиционным для номадов, а вот появление среди погребального инвентаря сельскохозяйственных орудий показывает изменение в хозяйстве южных хунну, которые постепенно переходили от скотоводства к земледелию. Впрочем, и по археологическим данным мы видим, что переход этот был очень неодинаков в различных районах проживания «умиротворенных варваров». В-третьих, было обнаружено большое количество украшений из металла, стекла, агата, нефрита, камня и кости, оформленных в характерном стиле (в том числе элементы головных уборов, серьги, поясные бляшки и бусины). Самыми

многочисленными являются бусины (разнообразные как по материалу изготовления, так и по форме), что не особенно характерно для синхронных ханьских некрополей. Вообще, артефакты, сделанные из кости, были очень популярны среди поздних сюнну (ножи, лопаточки, ложки, гребни, трубки, шпильки, иглы и т.п.). Популярность данного материала в Северном Китае (равно как и в степях Сибири, Монголии и Казахстана) среди кочевников прослеживается с раннего железного века (общности жунов и ди). При этом у ханьцев кость распространена не была (Ду Линъюань, 2007. С. 75–82).

Подводя итоги, можно сказать, что иные сферы культуры южных сюнну (например, погребальная архитектура элиты), очень похожи на синхронные поздниханьские аналоги. В то же время рядовое население продолжало применять каменные конструкции вплоть до позднейшего времени, создавая, например, каменные ящики из гальки или рваного камня. В отличие от китайцев, хунну часто помещали части (в том числе черепа) лошадей, быков и овец. Керамика присутствует как ханьская, так и описанная выше специфическая сюннуская.

Ду Линъюань, 2007 – Ду Линъюань. Нань сюнну муцзан чубу яньцзю [杜林渊. 南匈奴墓葬初步研究 // 考古. 2007. №4] Первичное изучение погребений южных сюнну // Каогу (Археология). 2007. №4. С. 74–86.

Чжан Хайбинь, 2000 – Чжан Хайбинь. Шилунь Чжунго цзиннэй Дунхань шици сюнну муцзан цзи сянгунань вэньти [张海斌. 试论中国境内东汉时期匈奴墓葬及相关问题 // 内蒙古文物考古. 2000. №1] Восточноханьские захоронения сюнну в границах Китая и смежные вопросы // Нэймэнгу вэнью каогу (Археология и культурное наследие Внутренней Монголии). 2000. №1. С. 14–22.

П. И. Шульга, Д. П. Шульга
НЕКОТОРЫЕ СЛОЖНОСТИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ МАТЕРИАЛОВ
МОГИЛЬНИКА МОХУЧАХАНЬ

Ключевые слова: могильник Мохучахань, раннескифское время, культура Чауху, Синьцзян

В 2016 г. представления о выделенной примерно 20 лет назад культуре Чауху (всего на четыре могильника, Чаухугоу-4 был полностью раскопан (вскрыто 248 могил), а на Чаухугоу-1 вскрыто 234 могилы из 700 (Комиссаров, 2011) были существенно дополнены материалами полностью исследованного могильника Мохучахань (236 погребений культуры чауху), расположенного в Южном Притяньшанье примерно в 50 км от могильников в Чаухугоу (Чжан Тенань и др., 2016). Погребальный обряд в Мохучахань имеет некоторые отличия, но по основным параметрам могильник, без сомнения, относится к культуре чауху. В погребениях его наиболее ранней юго-восточной части (сектор 1) были обнаружены архаичные бронзовые втульчатые двухлопастные наконечники стрел, а также уздечные наборы с псалями аржанского типа (рис. 1, 5). Эти находки в совокупности с радиоуглеродными датами в интервале X–IX вв. до н. э. (Чжан Тенань и др., 2016. С. 317, 352–353), как будто позволяют отнести раннюю часть могильника, по меньшей мере, к IX в. до н. э. По мнению К.В. Чугунова могильник, возможно, начал формироваться даже раньше Аржана-1 (Чугунов, 2018. С. 274). С этих позиций культура чауху может рассматриваться как одно из наиболее ранних хорошо документированных раннескифских образований. Данное мнение подкрепляется и сходством погребального обряда ранних погребений в Мохучахань с захоронением в Курту-2, где у морды лошади находились роговые псалии аржанского типа (Сорокин, 1966), известные в ранних памятниках Тувы, Южного Алтая и Верхнего Приобья, что уже отмечалось (Чугунов, 2017. С. 494).

Вместе с тем, в ранней группе погребений могильника Мохучахань присутствуют изделия, традиционно датируемые более поздним временем. Так, в могиле М54 вместе с псалием аржанского типа были найдены бронзовые распределители уздечки с цельным верхним щитком (рис. 1, б). Аналогии им известны в значительном количестве в памятниках VII-VI вв. до н. э. Казахстана и Южной Сибири. В Аржане-1 и в других комплексах с подобными псалиями на Саяно-Алтае какие-либо распределители ещё отсутствуют. На юге Восточной Европы эти детали бытовали в IX-VIII вв. до н. э. (*Махортых*, 2017. С. 173), но у нас пока нет оснований считать это аргументом в пользу их столь же раннего бытования в Синьцзяне. Довольно поздним выглядит и фрагмент рогового псалия из могилы М32 (сектор 1) с окончанием, похожим на клювовидное (рис. 1.-8) (*Чжан Тенань и др.*, 2016. Табл. 24.-3), а также бронзовое «колёсико-амулет» (рис. 1, 9). Приведённые примеры показывают, что материалы Мохучахань довольно специфичные и не вполне укладываются в сложившиеся представления о хронологии и эволюции некоторых деталей конского снаряжения.

Ещё одним свидетельством столь ранней даты Мохучахань, по мнению К.В. Чугунова, является отсутствие там звериного стиля (*Чугунов*, 2017. С. 492). Однако, необходимо отметить, что в соседствующей с северо-востока культуре субейси на раннем этапе (VIII-VII вв. до н. э.) могильника Янхай-2 практически весь замечательный звериный стиль представлен изображениями на сохранившихся деревянных вёдрах и блюдах (*Шульга*, 2010. Рис. 39, 41, 43, 45, 46, 49). В Мохучахань, в отличие от Янхай-2, сохранность дерева крайне плохая, а потому нельзя полностью исключить, наличие там деревянных изделий с изображениями в зверином стиле. Важно подчеркнуть, что звериного стиля нет и в позднем северо-западном секторе могильника. Не обнаружено звериного стиля и в погребениях раннего периода хорошо документированных могильников Чаухугоу-1, 4 (*Шульга*, 2010. Рис. 3, 4), которые синхронизируются китайскими

исследователями с северо-западным сектором Мохучахань. Напрашивается предположение, что до VII в. до н. э. в культуре чауху звериный стиль ещё не получил распространения, или он, как в Янхае-2, присутствовал лишь на не сохранившихся деревянных сосудах. Так или иначе, материалы из Мохучахань, представляют особый интерес, а выявляемые в них противоречивые особенности послужат дополнительным стимулом изучения взаимосвязей Синьцзяна с Саяно-Алтаем в период сложения культур раннескифского облика.

- Комиссаров, 2011* – Комиссаров С.А. Культура чауху – центральная культура скифской эпохи на территории Синьцзяна (КНР) // «Terra Scythica»: Материалы международного симпозиума «Terra Scythica». Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2011. С. 121–129.
- Сорокин, 1966* – Сорокин С.С. Памятники ранних кочевников в верховьях Бухтармы // АСГЭ. 1966. Вып. 8. С. 39–60.
- Чжан Тенань и др., 2016* – Чжан Тенань, Алифуцзян Нияз, Тань Нинчжи. Синьцзян Мохучахань муди [张铁男、阿里甫江·尼亚孜、谈宁执。新疆莫呼查汗墓地。北京：科学出版社，2016]. Могильник Мохучахань в Синьцзяне. Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 2016. 410 с.
- Чугунов, 2017* – Чугунов К.В. Проблемы датирования азиатских материалов эпохи ранних кочевников и вопросы их синхронизации с древностями Восточной Европы // Старожитності раннього залізного віку / Археологія і давня історія України. Київ, 2017. Випуск 2 (23). С. 484–499.
- Чугунов, 2018* – Чугунов К.В. Трансконтинентальные связи Европы и Азии в предскифское время: старые проблемы и новые данные // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. XXX «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Материалы Международной научной конференции. Карачаевск, 2018. С. 272–275.
- Шульга, 2010* – Шульга П.И. Синьцзян в VIII-III вв. до н. э. (Погребальные комплексы. Хронология и периодизация). Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2010. 238 с.

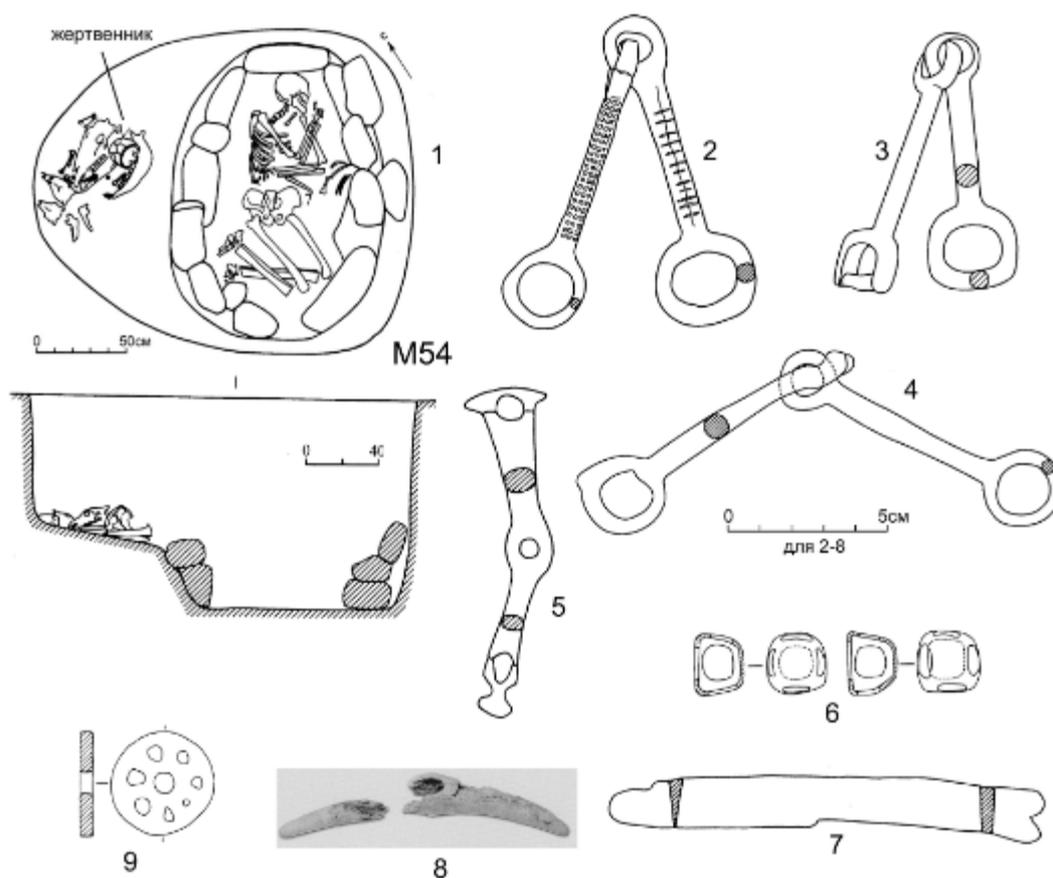

Рис. 1. Могильник Мохучахань: 1 – план погребения М54; 2-7 – бронзовые изделия из М54; 8 – фрагменты рогового псалія из М32; 9 – бронзовое «колѣсико-амулет» из М12 (по: Чжан Тенань и др., 2016. Рис. 20; 77; 78; табл. 24, 3).

Секция 2. Археология Санкт-Петербурга

**С. В. Александров, Н. А. Боковенко, В. И. Кильдюшевский,
В. Я. Стеганцева**

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ XVIII ВЕКА: НА ПРИМЕРЕ МАТЕРИАЛОВ ИЗ РАСКОПОК ВО ДВОРАХ ВОСТОЧНОГО КРЫЛА ГЛАВНОГО ШТАБА 2009–2011 гг.

В первой четверти XVIII в. территория между рекой Мойкой и Дворцовой площадью на участках, выделенных по указу Петра I, была застроена домами ремесленников и купцов. К середине XVIII века часть участков поменяла своих владельцев и была застроена каменными двух- и трехэтажными домами на высоких подклетах. В архивных источниках упоминаются имена генералов Брюса и Измайлова, адмирала Сенявина, чиновников, купцов и ремесленников, обслуживавших дворцовое ведомство.

С 1820 по 1828 гг. на месте этих домов по проекту Карло Росси было построено здание Министерств, а все ранее существовавшие дома были разобраны.

В 2008 году сотрудниками отдела архитектурной археологии ГЭ О. М. Иоаннисяном, Ю. М. Лесманом и др. была проведена шурфовка дворов Главного штаба и выявлено наличие слоя и строительных остатков XVIII века.

В 2009–2011 гг. в связи с масштабными работами по реставрации и приспособлению зданий Восточного крыла Главного штаба для нужд ГЭ экспедицией ИИМК РАН совместно с сотрудниками ГЭ во дворах были проведены археологические исследования. Раскопки велись одновременно с реставрационными работами, что создавало значительные неудобства. К тому же большие участки слоя во дворах были испорчены поздними перекопами XIX–XX вв. После снятия балластного слоя до уровня середины XIX в. и зачистки

слоя разборки зданий XVIII в. было принято решение сначала вручную выбрать все поздние перекопы с переборкой грунта и сбором всех находок. Это дало возможность часть находок подклеить к фрагментам, найденным при разборке участков с непо потревоженным культурным слоем.

Уровень материка (серый илистый песок) составлял от 1,5–1,3 м до 1,1–0,9 м. БС и понижался к реке Мойке.

На материке был выявлен темно-серый культурный слой с примесью щепы и остатками нижнего яруса застройки. Мощность слоя составляла 20–15 см. Строительные остатки нижнего яруса были обнаружены во всех дворах. В основном это были отдельные фрагменты срубов, поставленные на материк и иногда впущенные в него и настилы из досок, остатки дренажных лотков, сколоченных из досок, выгребные ямы. Наиболее сохранившиеся постройки были исследованы во дворах 1 и 3.

Во дворе 1 был обнаружен сруб 7,546,2 м, впущенный в материк на высоту 3–4 венцов, внутри – 2 лаги и древесный тлен от досок пола. Порубочная дата бревен – 1705–1707 гг. Скорее всего, это был подклет дома или хозяйственная постройка. Юго-западная часть такого же сруба была обнаружена и во дворе 3. Порубочная дата бревен – 1712–1714 гг. На дне этих построек были найдены обломки печных кирпичей, изразцов с зеленой поливой, фрагменты белоглиняных курительных трубок и т.д. Отметим большое количество обломков различных деревянных изделий, в том числе днища, крышки и клепки деревянных бочек. Особенно много таких изделий в постройке 2 двора 3. На некоторых крышках вырезаны метки, в том числе латинскими буквами. Там же найдены деталь безмена, большая железная гиря, войлочная сумка, обломки нескольких бутылей из каменной массы с серой соляной глазурью. Их изготавливали в Западной Европе как тару для перевозки жидкостей. Среди керамического материала нижнего горизонта в основном горшки из серой и красножгущейся глины, чернолощеные кувшины. По своей форме и типу они

близки керамике XVII–XVIII вв., распространенной на северо-западе России. Среди столовой посуды преобладают изделия, покрытые серо-зеленой и коричневой глазурью, иногда с полихромной росписью. Незначительное число фрагментов фаянсовой посуды с кобальтовой росписью, а также стеклянных стопок, стаканов, бутылок обнаружено в перекопах или выгребных ямах.

Надо отметить, что при зачистке материка были обнаружены фрагменты фундаментов, сложенные насухо из валунов или плитняка, уложенного в два-три слоя, и слегка углубленных в материк. Возможно, что некоторые из них относятся к раннему горизонту застройки. После пожара 1736 г., когда большая часть домов этого квартала сгорела, императрица Анна Иоанновна в 1737 году запретила строить деревянные дома в центральной части города.

К середине XVIII века на этом участке строятся каменные двух-трехэтажные здания, обращенные фасадами к Зимнему дворцу и реке Мойке. Часть участков изменила своих владельцев на более статусных. За это время петербургские строители получили достаточный опыт по возведению каменных зданий на водонасыщенных болотистых грунтах города. Фундаменты домов ставились на скрепленные планками бревенчатые лаги, углубленные в материк. На них укладывались известняковые плиты на растворе. Ширина фундаментов достигала 1,5–2 м. В ряде случаев нижний ряд выкладывался из крупных валунов. Фрагменты подобных фундаментов были обнаружены при наблюдениях за земляными работами в подвалах зданий Главного штаба. Так как фасады зданий, построенных после пожара, были обращены к реке Мойке и Зимнему дворцу, то, основные их объемы ушли под строящиеся здания Министерств. На территории дворов располагались хозяйственные и служебные помещения: погреба, склады, сараи, выгребные ямы. Для осушения участков и подвальных помещений была сооружена целая сеть дренажных канав и колодцев, которые выводили грунтовые воды в Мойку.

Наряду с изменениями в строительной технике за прошедшие 30-40 лет изменились и требования к бытовым условиям и культуре. В жилых помещениях ставятся печи, облицованные расписными изразцами с кобальтовой росписью с растительным орнаментом и жанровыми сценами. Обломки этих изразцов от разобранных печей найдены в слое разборки этих зданий. В отличие от нижнего горизонта, на уровне 1,8–1,7 м БС на участках с сохранившимся слоем, обнаружены остатки дворовых вымосток из досок между сохранившимися хозяйственными постройками (двор 3). Отметим, что выгребные ямы в большинстве имеют облицованные досками стенки и дно. Судя по их конструкции, они периодически вычищались.

Изменился и характер находок. На первое место по количеству выходят фрагменты белоглиняных курительных трубок с разнообразными клеймами. Поменялся и набор столовой посуды. Наряду с глиняной поливной посудой встречено большое количество фрагментов фаянсовой и фарфоровой посуды, в том числе чайной западноевропейского и восточного китайского (?) производства. В выгребных ямах, в слое и перекопах собрано большое количество стеклянной посуды: разнообразных винных бутылок, фляг, стопок. Кроме этого найдено довольно много фрагментов рюмок, бокалов с разнообразной гравировкой, формой и размерами. Среди них довольно много привозных.

Подводя итоги, можно констатировать, что к середине XVIII века в материальной культуре жителей Петербурга произошли большие изменения. Резко увеличивается количество привозных товаров, активно используемых в быту прежде всего зажиточной частью населения. Широкие торговые и культурные связи с Западной Европой, иностранные специалисты, проживающие в новой столице, способствовали быстрому проникновению в быт горожан новых традиций и обычаев.

Н.П. Дьяконов, А.В. Ерёмченко

УТРАЧЕННЫЕ КЛАДБИЩА САНКТ-ПЕТЕРБУРГА: ПАМЯТНИКИ
АРХЕОЛОГИИ ИЛИ ПРОСТРАНСТВО ДЛЯ ОЗЕЛЕНЕНИЯ ГОРОДА?

Ключевые слова: археология СПб, утраченные кладбища, государственная охрана культурного наследия, archaeology S-Peterburg, lost cemeteries, state conservation of cultural heritage.

Современный Санкт-Петербург как большая городская агломерация занимает обширную территорию в устье Невы. Согласно письменным источникам, освоение этих земель имеет тысячелетнюю историю. Об этом свидетельствуют также и погребения, которые, как правило, сопутствуют местам продолжительной жизни человеческих сообществ.

В начале XVIII в., в связи с образованием Петербурга, происходит резкое увеличение плотности населения на данной территории и, как следствие, возрастает количество сначала стихийных, а затем и регулярных кладбищ. К 40-м гг. XVIII в. здесь было устроено более десятка кладбищ, которые в большинстве являлись церковно-приходскими и не имели четких границ. В 1746 г. Елизавета Петровна издала указ о закрытии Калининского и Вознесенского кладбищ (*ПСЗР*. С. 542, № 9276). В последующие десятилетия большинство некрополей на территории Петербурга были закрыты, их территории засыпаны землей, а хоронить людей предписывалось за границами города (*Кобак, Пирютко*, 2011. С. 44). Оставшиеся в Петербурге кладбища стали регулярными, некоторые из них существуют и в наши дни, например: Смоленское православное кладбище, кладбище при Александро-Невской лавре и др.

Петербургские некрополи становились объектами изучения. История кладбищ наиболее полно освещена в монографии А. В. Кобака, Ю. М. Пирютко «Исторические кладбища Санкт-Петербурга» (2011). Существуют также отдельные работы, как каталоги, так и исследовательские работы, по конкретным историческим кладбищам (*Новодевичье...* 2007).

Археологические работы на территории Российской Федерации регулируются Федеральным законом № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации». С 2014 г. в России, в связи с необходимостью проведения государственной историко-культурной экспертизы земельных участков, количество производимых перед началом строительных работ археологических разведок увеличилось. Исследователи начали находить большое количество памятников, требующих пристального изучения. В том числе в поле зрения археологов стали попадать ранее неизвестные места захоронений (на Сытнинской (*Отчет... Л.* 109), на Кронверке (*Кузьмин и др.*, 2005. С. 100–122), Спас на Сенной (*Семенов.* 2015. С. 101–105) и др., и известные, но ранее утраченные кладбища (Благовещенское кладбище на Васильевском острове (*Блохин, Поликарпов,* 2013. С. 12–25), Сампсониевское православное кладбище и др.

Существует законодательная база для сохранения исторических кладбищ. Некрополи, являющиеся объектами культурного наследия (ОКН), охраняются Законом №73-ФЗ; некрополи, которые не являются ОКН, но отнесены к ценным элементам планировочной и ландшафтно-композиционной структуры города, включены в Приложение 1 к Режимам Закона Санкт-Петербурга № 820-7 «О границах объединенных зон охраны объектов культурного наследия, расположенных на территории Санкт-Петербурга, режимах использования земель и требованиях к градостроительным регламентам в границах указанных зон». Любая деятельность на действующих кладбищах регламентируется Законом № 8-ФЗ «О погребении и похоронном деле». Перечисленным категориям некрополей не грозит разрушение и уничтожение.

Несмотря на то, что утраченные кладбища попадают в поле зрения исследователей, их археологическое изучение ведется стихийно. Как правило, места погребений обнаруживаются во время строительных работ. Такая ситуация сложилась в виду того, что территории утраченных исторических

кладбищ не имеют охранного статуса и попадают под хозяйственное освоение. Таким образом, большинство утраченных кладбищ и мест погребений остается уязвимым.

В 2018 г. началась работа по внесению изменений в Генеральный план Санкт-Петербурга. Общественные градозащитные организации предложили внести утраченные исторические кладбища в Генеральный план Санкт-Петербурга, чтобы ограничить хозяйственную деятельность на их территориях. Для решения этого вопроса была создана рабочая группа при участии представителей общественных организаций, депутатов Законодательного собрания и исполнительных органов государственной власти Санкт-Петербурга.

Чтобы внести территории утраченных кладбищ в Генеральный план Санкт-Петербурга и установить там особые условия землепользования, необходимо знать точные границы землеотводов. Поскольку археологическая наука обладает методикой поиска, изучения и сохранения мест погребений, необходимо привлечение специалистов-археологов для выполнения поставленной задачи. Однако общественные организации обеспокоены тем, что при проведении археологических раскопок утраченные кладбища будут раскапываться, земельные участки освобождаться от погребений и передаваться под хозяйственное освоение.

В связи с вышеизложенным, учитывая условия жизни и развития мегаполиса, перед археологами стоит непростая задача: исследовать памятник, соблюдая методику археологических работ и не уничтожить его историческую значимость для города.

Блохин, Поликарпов, 2013 – Блохин Е.К., Поликарпов А.Л. Предварительное археологическое исследование кладбища при церкви Благовещения на Васильевском острове // Бюллетень Отдела охранной археологии ИИМК РАН. 2013. № 3. С.13–25.

Кобак, Пирютко 2011 – Кобак А. В., Пирютко Ю. М. Исторические кладбища Санкт-Петербурга. СПб., 2011.

- Кузьмин и др. 2005* – Кузьмин С.Л., Михайлова Е.Р., Тарасов И.И., Шмелев К.В. Предварительные итоги раскопок на Кронверке Петропавловской крепости в 1998–2003 гг. // Археологическое изучение Санкт-Петербурга в 1996–2004. Т.1. СПб., 2005. С. 100–122.
- Новодевичье... 2007* – Новодевичье кладбище. Каталог, 2-е издание СПб, 2007.
- Отчет...* – Отчет о работах Сытнинского отряда ООА ИИМК РАН по обследованию территории близ лютеранской церкви Святой Марии в ур. Козье болото на Петроградской стороне Санкт-Петербурга // Архив КГИОП. Ф. 950VI-22. Ед. хр. Н-13527.
- ПСЗР* – Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Т. XII. СПб., 1830.
- Семенов 2015* – Семенов С.А. Исследование погребений утраченного храма Пресвятой Богородицы (Спас на Сенной) в Санкт-Петербурге, церкви св. Александра Невского в дер. Александровка и исторического некрополя Черемнецкого Иоанна-Богословского монастыря // Археология и общество. Археология исторических монастырских некрополей: методика, открытия, проблемы восстановления. Вторая ежегодная конференция. М., 2015. С.101–105.

Д.Д.Ёлшин, Р.В.Реброва

**СТРОИТЕЛЬНЫЕ И ОТДЕЛОЧНЫЕ МАТЕРИАЛЫ В ПЕТЕРБУРГСКОМ
КУЛЬТУРНОМ СЛОЕ. ПРОБЛЕМЫ ОТБОРА В МУЗЕЙНУЮ КОЛЛЕКЦИЮ**

Ключевые слова: городская археология, массовый материал, музейные коллекции

Отечественная археология Нового времени – молодая наука, родившаяся во второй половине XX в. во многом благодаря своевременному алармизму археологов, не связанных своими основными научными изысканиями с памятниками и материальной культурой XVIII–XIX вв. Формирование научного аппарата этой отрасли дисциплины происходило и до сих пор происходит «на колесах» охранной археологии. Хотя за последние 20 лет накоплен колоссальный фактологический материал, темпы этих работ чаще всего не позволяют не только выйти на уровень обобщения, но даже и уделить должное время и внимание обработке вещевой коллекции. Отсутствие даже зачатков типологии отдельных категорий материальной культуры вынуждает увеличивать объемы собираемой коллекции, а в дальнейшем создает проблемы при передаче коллекций в музейные собрания. Задача отбора действительно важного материала перекладывается на музейных хранителей, изначально имеющих гораздо меньшее представление об археологической ценности тех или иных предметов. Особенно это касается массового материала: керамики и строительных материалов. В этой работе остро ощущается недостаток справочной литературы с базовыми типологией и терминологией материальной культуры Нового времени

Коллекция Сектора архитектурной археологии Государственного Эрмитажа, полученная по итогам работ на территории дворов музея, позволяет внести вклад в эту насущную задачу. Завершена подготовка каталога облицовочных керамических плиток голландского производства, в процессе подготовки находится каталог печных изразцов. Разнообразие черепицы XVIII в. позволило разработать первичную ее типологию, соотнесенную с уверенной хронологией построек на этом месте.

Е.Р. Михайлова

НАЧАЛЬНЫЙ ПЕТЕРБУРГ КАК ПАМЯТНИК АРХЕОЛОГИИ

Ключевые слова: археология Петербурга, петровское время, периодизация, материальная культура, archeology of Petersburg, time of Peter the Great, periodization, material culture

В современном Петербурге объектов первой половины XVIII века сохранилось не так уж много, ранний Петербург дошел до нас по преимуществу как объект археологии. Планируемый доклад представляет собой попытку дать предварительный очерк облика начального Петербурга по археологическим материалам.

Под начальным Петербургом автор подразумевает период жизни города от его основания до конца 1730-х гг. Это время возникновения города, его бурного первоначального развития при Петре I, определенного забвения при преемниках Петра и, наконец, возвращения императорского двора в Петербург и окончательного закрепления за городом столичного статуса при императрице Анне Иоанновне. На анненское время выпал и важный рубеж городской истории: 11 августа 1736 г. и 25 июня 1737 г. происходят два катастрофических пожара, уничтоживших застройку по левому берегу Невы. Учрежденная в 1737 г. Комиссия о Санкт-Петербургском строении под руководством П.М. Еропкина заново распланировала части города и установила систематический контроль за строительством. Прежнюю хаотичную застройку сменила регулярная, система вновь намеченных улиц и площадей в основных чертах сохранилась по сей день.

В первой трети XVIII века внешний облик Петербурга сильно отличался от позднейшего. В общем и целом, довольно стихийно растущий город был очень похож на прочие русские города. Городское пространство представляло собой конгломерат солдатских и ремесленных слобод, разделенных незастроенными пространствами. Некоторые из ранних петербургских слобод стали позднее улицами в центральной части, другие составили отдельные небольшие районы

или были упразднены. Лоскутности городской застройки способствовал ландшафт Невской дельты, где возвышенные участки чередовались с обширными болотами и многочисленными протоками.

Неопределенность городского облика усугублялась постоянно менявшимися планами застройки города. Административный центр предполагалось поместить то на острове Котлин, то на Васильевском острове, несколько раз менялось функциональное зонирование растущего поселения. Перемены в градостроительных планах сопровождалась требованием срочно строиться на вновь назначенных местах или даже переносить уже существующие постройки.

Типологически начальный Петербург сопоставим, пожалуй, даже не с городами нового времени, а с так называемыми протогородскими центрами предшествующих эпох. С протогородскими центрами его сближают рыхлость городской структуры, частые смены значительной части населения, экономическая оторванность от ближайшей округи, ориентированность торговли на дальние связи. Не надо забывать также, что в начале XVIII в. Петербург – это город в прифронтной полосе, с двумя готовыми к обороне дерево-земляными крепостями в центре (Петербургской и Адмиралтейской). Военные действия непосредственно на территории Петербурга велись еще в июне 1705 г. В окрестностях города были разбросаны многочисленные укрепления и батареи, прикрывавшие подступы к нему. В петровское время городской гарнизон составляли четыре полка (еще два полка – гарнизон Кронштадта), в Петербурге же были расквартированы оба полка русской гвардии, флотские части и некоторые другие соединения. В дополнение к ним в городе пребывали различные воинские команды и отряды, временно присылавшиеся в город как для собственно военных целей, так и в качестве рабочей силы на многочисленных стройках.

Особенности городской жизни отразились в культурном слое раннего Петербурга. Культурные напластования 1700–1730-х гг. во многих частях города несут следы хозяйственного освоения пространства (следы вспашки и перекапывания огородов, дренажные каналы, конструкции укрепления берегов и мостки), но почти не сохранили остатков рядовой застройки начального Петербурга. Материальная культура этого времени представляет собой сплав традиционного русского быта, принесенного в Петербург переведенцами, и новаций европеизирующегося города и порта.

В целом археологические источники рисуют нам начальный Петербург как город с еще не оформившейся структурой и планировкой, со многими традиционными чертами. Ярко выраженная специфика петербургского быта обусловлена его крайним положением на вновь отвоеванных землях, неблагоприятными природными условиями, близостью военных действий и пребыванием здесь царского двора и высшей бюрократии.

**Е.Р. Михайлова, Д.Н. Мурзенков, И.А. Федоров, В.Ю. Соболев,
К.В. Шмелев, И.И. Тарасов**

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ КОЛТОВСКОЙ СЛОБОДЫ

В 1998–2018 гг.

Ключевые слова: археология Петербурга, новое время, Петроградская сторона, archeology of Petersburg, the Modern Times, island Petrogradskaya storona

Территория исторической Колтовской слободы расположена в западной части острова Петроградская сторона. Вскоре после основания Петербурга здесь был размещен гарнизонный полк под командованием Петра Колтовского (Колтовской полк, с 1727 г. – Невский гарнизонный), прикрывавший располагавшиеся поблизости казенные пороховые заводы. Полковая слобода стала называться Колтовской (позднейшее название местности – Колтовские). Несмотря на то, что на уже на карте Крониорта 1698 г. показана дорога, ведущая через Фомин (Петербургский) остров на запад, к стрелке рек Ждановки и Малой Невки и к острову Рестранд-гольм (ныне Петровский о-в), Колтовская слобода с ее строениями появляется на городских планах только с 1730-х гг.

Центром слободы стала Спасо-Преображенская церковь, построенная в 1728 г. Церковь стояла на участке нынешнего школьного здания (ГБОУ «Центр образования № 173») по адресу Новоладожская улица, 8а. На Колтовском кладбище вокруг церкви хоронили в основном жителей Колтовской слободы и солдат Невского полка. Здесь же погребали тела, переданные по отношению из располагавшейся рядом Тайной канцелярии (отсюда другое название кладбища – Тайное).

С расформированием Невского гарнизонного полка в 1764 г. и передачей оборудования пороховых заводов на Охтенский завод в начале XIX в. закончился «военный» этап развития Колтовской слободы. Участок вдоль берега Малой Невки от устья Карповки до устья Ждановки постепенно приобрел характер пригородной местности; преобладающим типом застройки здесь стали

небольшие деревянные дома, окруженные садами. В 1770-х гг. в сторону реки Ждановки была пробита 5-я Колтовская улица (ныне Новолодожская), на которой в конце XVIII – первой половине XIX в. появились промышленные предприятия, в том числе ситцевая фабрика купца Броувера, в 1856 г. перешедшая к братьям Леонтьевым, которые расширили и модернизировали производство. От фабрики братьев Леонтьевых получил свое современное название Леонтьевский мыс при впадении Ждановки в Малую Невку. На территории мыса вплоть до конца XIX в. располагался парк.

С конца 1870-х гг. западная часть Петроградского острова постепенно становится промышленным районом: появляются каменные заводские здания, осуществляются подсыпки территории для повышения заливаемого низкого берега. В 1891 г. Е.А. Яковлев основывает в Колтовских «Первый русский завод керосиновых и газовых двигателей». В 1907 г. завод перешел во владение Ц.Г. Гольстрема и получил название «Вулкан», под которым просуществовал вплоть до своего закрытия в 1998 г. В 1998 г. завод «Вулкан» был закрыт, а его территория отведена под новую застройку. В настоящее время территория близ Леонтьевского мыса интенсивно застраивается жилыми и офисными зданиями.

Археологические исследования на территории Колтовской слободы ведутся с 1998 г. Работы 1998 г. и 2001 г. были связаны с решением научных задач: поиском и изучением культурных напластований раннего Петербурга, обследованием остатков Спасо-Преображенской Колтовской церкви и кладбища при ней. Полевые исследования 2011–2017 гг. носили охранной характер и проводились в связи с развернувшейся застройкой территории. Изученные в результате работ культурные напластования позволяют подробно охарактеризовать историю и быт исторической местности.

Первая половина XVIII в. по результатам раскопок предстает как период разреженной застройки, представленный в раскопах 2011–2017 гг. единственной постройкой, а также следами огородов, частоколами, канавами, отдельными

прибрежными сооружениями. Начиная с середины XVIII в. на территории Колтовской слободы откладывается слой темно-серой гумусированной супеси, насыщенный навозом и щепой, хорошо сохраняющий органические материалы. Находки из этого слоя отражают интенсивную хозяйственную деятельность населения слободы, среди них много предметов, связанных с военным делом. С напластованиями этого времени связаны многочисленные хозяйственные сооружения, в том числе несколько однотипных мусорных и выгребных ям с дощатыми коробами внутри них.

В 2017 г. при раскопках были прослежены намывные слои речного песка, связанные с катастрофическим наводнением 7 (19) ноября 1824 г. – крупнейшим в истории Санкт-Петербурга. Культурные напластования выше горизонта наводнения 1824 г. сохраняют свой характер, но содержат меньшее число органических материалов (слой «высыхает») и большее – разнообразного строительного мусора. Раскопками изучены основания и подвалы нескольких домов XIX – нач. XX в., давшие обильный вещевой и массовый материал. Хозяйственные сооружения аналогичны более ранним: это мусорные и выгребные ямы с подпорными коробами, дощатые мостки, разнообразные дренажные сооружения.

Был изучен также слой, отложившийся во время функционирования завода «Вулкан», из которого происходит ряд интересных находок, характеризующих заводские работы конца XIX – нач. XX в. Самый верхний слой, состоящий сплошь из строительного мусора, отложился в течение XX в. на территории завода «Вулкан» и был перекрыт перемешанным грунтом в последние несколько лет, при сносе заводских корпусов и планировании территории.

Работы на территории Колтовской слободы вновь продемонстрировали значительный историко-культурный потенциал изучения культурного слоя Петербурга.

Н.В. Новоселов, И.А. Гарбуз

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ РАЗВЕДКА НА ТЕРРИТОРИИ МЫЗЫ

А.Д. МЕНШИКОВА «ФАВОРИТ» В 2018 году

Ключевые слова: археология Петербурга, археологические разведки

Строительство мызы А.Д. Меншикова «Фаворит» в районе Стрельны было начато на исходе Северной войны, в 1717 г. К началу 20-х годов XVIII в. здесь возник комплекс построек, включавший дворец с двумя флигелями, скотный двор, оранжерею, людские избы. На территории усадьбы имелся пруд, для подвода воды к которому в 1722 г. был построен канал протяженностью более 2 км. Ансамбль основной части имения состоял из дворца и фланкирующих его Г-образных флигелей. Постройки располагались на высокой террасе и были развернуты по дуге в сторону Финского залива (*Горбатенко, 2006. С. 294-295*).

После опалы Меншикова в 1726 г. мыза «Фаворит» была конфискована в казну. Усадьба находилась в запустении и постепенно разрушалась. В 1763 г. дворец получил сильные повреждения от урагана и был разобран (*Ардикуца, 1967. С. 12–13*). Место, где располагалась усадьба, вскоре было забыто. Сведения о хозяйственном освоении территории в XIX в. отсутствуют.

Место расположения усадьбы «Фаворит» определено в 1990-е годы С.Б. Горбатенко: в западной части поселка Стрельна, на отрезке Санкт-Петербургского шоссе к северо-востоку от улицы Крылова. Основные постройки имения локализованы на террасе к северу от Нагорной улицы (*Горбатенко, 2006. С. 296; 2013. С. 281*).

Объект «Имение А.Д. Меншикова –Фаворит?» включен в список выявленных объектов культурного наследия приказом председателя КГИОП Н.И. Явейна № 15 от 20.02.2001 г. Границы территории объекта утверждены КГИОП 15.06.2007 г. В границы объекта включена лишь часть имения «Фаворит», на которой предполагалось нахождение дворцового ансамбля и пруда с плотиной. Предмет охраны выявленного объекта определен не был,

охранные документы не составлены. Археологические исследования на период выявления объекта не проводились.

В 2015 г. была проведена государственная историко-культурная экспертиза объекта (государственный эксперт Т.Г. Егорова) с целью включения его в Единый государственный реестр объектов культурного наследия народов Российской Федерации. В результате проведенной экспертизы сделан вывод о том, что целесообразность включения объекта в Единый государственный реестр не обоснована (отрицательное заключение).

В настоящее время статус объекта окончательно не определен. Основная часть территории усадьбы (в границах ОКН) занята частными участками, на которых имеются хозяйственные и в редких случаях жилые постройки, разбиты сады и огороды.

Летом 2018 г. на территории мызы «Фаворит» экспедицией НИЦ «Актуальная археология» была проведена археологическая разведка. В ходе разведки выполнено 12 археологических шурфов общей площадью 52 кв. м. Большинство шурфов было заложено на площадке и на склоне береговой террасы к северу от Нагорной улицы, где предполагалось расположение основных построек усадьбы. К сожалению, некоторые из участков оказались недоступными для исследований.

В результате проведенного обследования выявлены культурные отложения и остатки сооружений, которые можно соотнести с имением А.Д. Меншикова. Проведенные исследования подтверждают предложенную С.Б. Горбатенко локализацию усадьбы «Фаворит» и позволяют уточнить расположение ее построек.

В ходе исследований было установлено, что распространение культурного слоя на обследуемой территории носит мозаичный характер. В большинстве случаев культурные отложения представлены слоем суглинка с включениями строительного мусора XVIII в. мощностью от 0,5 до 1,1 м, который можно

интерпретировать как слой нивелировки территории. На некоторых участках (в центральной части территории, к северу от участка № 22 по Нагорной улице, и в западной части, на основной площади участка № 35) культурный слой отсутствовал. Вероятно, это объясняется тем, что материковая поверхность на этих участках располагалась относительно высоко, и культурный слой XVIII в., мощность которого, вероятно, была здесь очень незначительна, был полностью уничтожен в результате хозяйственной деятельности в XX в.

К наиболее интересным открытиям относятся обнаруженные в двух шурфах (№ 2 и № 12) участки неглубокого искусственного котлована с остатками кирпичной облицовки склона (рис. 1). Граница склона проходила по линии запад – восток. Высота склона около 0,8 м, уклон к югу 45°. От лицевой поверхности облицовки склона сохранился лишь нижний ряд кирпичей. Между лицевыми кирпичами и грунтовой поверхностью склона имелась забутовка (выравнивающие слои), выполненная из кирпичей (целых и фрагментов), скрепленных известковым раствором. Мощность забутовки около 0,4 м.

Пространство к югу от склона представляло собой пониженную площадку. В направлении север – юг она была прослежена на протяжении 2,1 м. Над дном площадки была выполнена песчаная подсыпка – вероятно, подготовка под мощение из кирпичей или каменных плит. Мощность подсыпки – 0,1–0,15 м. Отсутствие каких-либо следов гидроизоляции свидетельствует о том, что выявленное сооружение не являлось бассейном или каналом. С большей вероятностью его можно считать буленгрином – пониженной площадкой с цветниками или газонами, уровень которой ниже уровня прилегающей территории парка.

С востока пониженная площадка буленгина была ограничена кирпичной кладкой (выявлена в шурфе № 12). Кладка выполнена из кирпича (формат 23–24Ч12Ч5 см) на известковом растворе. В пределы шурфа попадала лишь часть конструкции, вероятно, ее северо-восточный угол (рис. 2). Высота

сохранившейся части кладки 0,5 м. Подошва кладки находилась на уровне дна пониженной площадки. В подбье, выполненном в материковых отложениях ниже подошвы кладки, продолжения кирпичной кладки или фундаментного основания, выполненного из других материалов, выявлено не было.

Незначительная площадь раскрытой части кладки делает затруднительной ее интерпретацию. С наибольшей вероятностью ее следует соотнести с конструкциями дворца Меншикова, возможно не с основными частями здания, а с крыльцом или подпорной стенкой перед его западным фасадом. С запада к дворцу примыкал буленгрин. Таким образом, пространство между дворцом и западным флигелем могло иметь вид разноуровневого партера.

Масштабные раскопки на этой территории позволят реконструировать не только планировку усадьбы, но и особенности организации пространства между основными зданиями этого дворцово-паркового комплекса.

Ардикуца, 1967 – Ардикуца В.Е. Стрельна. Л., 1967.

Горбатенко, 2006 – Горбатенко С.Б. Архитектура Стрельны. СПб., 2006.

Горбатенко, 2013 – Горбатенко С.Б. Петергофская дорога. Историко-архитектурный путеводитель. СПб., 2013.

Рис. 1. Шурф № 2. Общий вид шурфа. Искусственный котлован с остатками кирпичной облицовки склона (буленгрин). Вид с юго-запада

Рис. 2. Шурф 12. Участок кирпичной кладки с примыкающей к ней пониженной площадкой. Вид с запада

И. А. Федоров**ОПЫТ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ САДОВО-ПАРКОВЫХ КОМПЛЕКСОВ (НА ПРИМЕРЕ САДА КАМЕННООСТРОВСКОГО ДВОРЦА)**

Ключевые слова: городская археология, археология Санкт-Петербурга, Каменный остров, Каменноостровский дворец и сад, urban archeology, archeology of Saint-Petersburg, Kamenny Island, Kamennoostrovsky Palace and garden.

Доклад посвящен разведочному археологическому обследованию на территории парка Каменноостровского дворца (Каменноостровского дворцового сада) и Угольного садика, которое проводилось сотрудниками Лаборатории археологии, исторической социологии и культурного наследия им. Г. С. Лебедева СПбГУ в рамках работ по приспособлению для современного использования зданий Санкт-Петербургского государственного учреждения «Каменноостровская резиденция» в 2010 г.

Цели работ непосредственно определялись архитектурно-реставрационным заданием на производство работ, предусматривающим восстановление парковых дорожек, Угольного садика и исторической береговой линии в пределах парка.

История освоения территорий Каменного острова, расположенного в северной островной части дельты Невы, между Большой и Малой Невкой началась в XIV–XV вв., когда эти земли принадлежали Великому Новгороду. Название «kiwi-saagi» (от финск. «камень») фиксируется на шведских картах Ингерманландии с середины XVII века. Именно с Каменным островом связана последняя попытка шведов удержать за собой эти земли. 7 июня 1704 года сюда высадился десант генерала Майделя, однако уже в конце июня он был разбит русскими войсками под командованием коменданта Петербурга Романа Брюса.

Первым владельцем острова в 1704 году стал канцлер граф Головкин. При нем был выстроен усадебный деревянный дом, а позже каменный дворец на месте будущего Каменноостровского дворца. В 1720–1740-е гг. возникает сад с

регулярной планировкой – три боскета по обе стороны от широкой центральной аллеи.

В 1746 г. владельцем становится канцлер граф Бестужев-Рюмин. При нем формируется особый тип столичного усадебного комплекса, предназначенного для приемов знатных особ, устройства празднеств и различных театрализованных представлений. С этим связано появление на острове определенного этикетного набора помещений: гроты, зверинцы, галереи для прогулок, эрмитажи, оранжереи, пруд. К 1754 году был возведен загородный дом канцлера. Усадебно-парковый комплекс работы Пьетро-Антонио Трезини на Каменном острове стал одним из значительных произведений архитектуры барокко в России.

С 1765 года территории острова переходят в казну, и начинается императорский и великокняжеский этап в его истории. Екатерина II дарит Каменный остров своему сыну великому князю Павлу Петровичу. В 1776 году начинается строительство Каменноостровского дворца. Авторство дворца до сих пор точно не установлено. Известно, что в работах принимали участие Джакомо Кваренги и Винченцо Бренна, а архитектурный надзор за работами осуществлял архитектор Фельтен. Также был создан новый проект регулярно-пейзажного переустройства всей островной территории. В результате к началу XIX века сформировались два садово-парковых объекта: собственно парк и дворцовый сад.

Дворец становится доминантой архитектурного образа Каменного острова, парковая система которого, устроенная в начале XIX века, сохранила основные черты до наших дней.

В ходе археологического исследования заложено 5 траншей и шурф общей площадью 100 кв. м. Также проводились наблюдения за инженерно-архитектурными шурфами у фундаментов. В результате разведочных раскопок археологически прослежены основные этапы развития комплекса сада

Каменноостровского дворца, определена степень сохранности ряда объектов культурного наследия.

Шурф 1, заложенный в центре современного северного среднего партера, продемонстрировал отсутствие культурных напластований допетербургского периода. Поверхность погребенной почвы, отмеченная в шурфе, является дневной поверхностью начала – первой половины XVIII в.

Находок, которые могли бы датироваться временем ранее XVIII в., не встречено и в материалах ни одной из разведочных траншей, в том числе и среди переотложенных артефактов. (кроме кремня)

Наиболее ранние объекты были выявлены в траншее 3, заложенной на берегу Большой Невки от края берега вглубь парка. Стратиграфически самым ранним сооружением здесь является основание массивной деревянной конструкции, расчищенное в юго-западных квадратах траншеи 3 – перпендикулярный берегу ряд вбитых в погребенную почву и материк толстых деревянных свай и следы фундаментной известняковой кладки, углубленной в материк. Исходя из совмещения исторических планов с современными, можно предположить, что это остатки стены «пруда», сооруженной на северном берегу острова в 1756 г. тогдашним владельцем острова канцлером А.И. Бестужевым-Рюминым. Известно, что для устройства «пруда» часть водного пространства Большой Невки была отгорожена каменной стеной с небольшими проемами. По углам пруда на берегу реки были построены трельяжные беседки, завершенные луковичными куполами, а между беседками на берегу пруда стояли два одноэтажных домика на высоких цоколях.

Помимо конструктивных особенностей сооружения, его датировка подтверждается стратиграфическими данными: влажный слой, насыщенный щепой и отмечающий период строительства деревянной постройки, покоится непосредственно на материке, представляя собой фактически погребенную

почву берега Большой Невки. Таким образом, вскрытая траншеей постройка относится к самому началу освоения территории Каменного острова.

Траншеи, заложенные в центральной части дворцового сада, подтвердили сделанный историками города вывод о преемственности в целом планировки сада на всем протяжении его истории.

Собранный при археологических исследованиях материал одновременно и типичен для культурного слоя Петербурга XVIII–XX вв. и своеобразен, учитывая особенности функционирования такого специфического городского пространства как парк, а позднее общественный сад.

Черленок Е. А.

АРХЕОЛОГИЯ ПЕТЕРБУРГА: ИСТОЧНИКИ ПО АРХЕОЛОГИИ ИЛИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ?

Ключевые слова: археология Петербурга, археологические источники

Небольшая книга А. Д. Грача «Археологические раскопки в Ленинграде» освящает результаты первых археологических работ в нашем городе (Грач, 1957). Интересно, что, кроме практической стороны, это исследование содержит ряд теоретических положений, касающихся задач археологии Петербурга и связанных с ними источников. Всего, на мой взгляд, можно выделить три таких положения:

1. Археология Петербурга для А. Д. Грача – это **БЫТОВАЯ** археология, ее задача – реконструкция древнего быта, воссоздание «этнографического облика населения» (Грач, 1957. С.10). Благодаря позднему времени основания города археологические остатки оказываются здесь лишь одним из видов вещественных источников. Второй вид в отечественной археологической литературе иногда называют «стариной» (Клейн, 1995. С.109-110). Имеются ввиду портативные и монументальные вещественные объекты сохранившиеся в культуре до наших дней. Такие объекты для Петербурга выделялись в особую группу еще в середине XVIII века (Богданов, 1997. С.238-240). О них же, видимо, пишет и А. Д. Грач, упоминая в начале своей работы вещи в музейных собраниях и домик Петра I (Грач, 1957. С. 7).

2. Сохранившихся памятников старины не достаточно для полной реконструкции, потому что археология Петербурга – это еще и **КЛАССОВАЯ** археология. Дошедшие до нашего времени объекты связаны с жизнью высших классов, а археологические источники необходимы, чтобы воссоздать быт «немного» рабочего населения, «петербургского люда», как его называет исследователь (Грач, 1957. С. 7, 28). Это сближает позицию А. Д. Грача с базовыми установками целого ряда направлений в археологии Нового Времени,

например, археологии афро-американцев (African American archaeology) (Yong, 2002. С. 11-14).

3. Обнаруженные вещественные памятники не существуют в вакууме, они соотносятся с другими типами источников: изобразительными, картографическими и письменными. Это происходит потому, что археология Петербурга – это ИСТОРИЧЕСКАЯ археология. Широкий источниковедческий подход необходим для решения археологических задач, например, атрибуции обнаруженных объектов. Неархеологические источники – это источники по археологии или скорее для археологии. Именно так еще в начале 20-го века археологические источники делились на вещественные памятники, воспроизведения памятников и сведения о памятниках (Жебелев, 1923. С. 4). Кроме того, в конце атрибуция может привести к известной персоне, что позволит включить материальные остатки в широкий исторический контекст. Так и произошло в случае с деревянной постройкой, обнаруженной в ходе раскопок А. Д. Грача. Опираясь на данные различных источников, ее удалось связать с именем известного ученого – астронома Ж. Н. Делиля (Грач, 1957. С.21-28).

В заключении необходимо отметить, что основные теоретические установки исследования А. Д. Грача превратили археологию Петербурга в актуальную для своего времени археологию. Она отвечала насущным задачам: изучению прошлого пролетарского города, центра науки и образования в канун празднования 250-го юбилея со дня его основания. С другой стороны, значение этой книги выходит за границы середины XX века. Здесь содержится ответ на вопрос, как формировать крупные фрагменты исторической реальности Петербурга на основании в первую очередь археологических источников, что, на мой взгляд, делает эту небольшую работу актуальной и в наше время.

Богданов, 1997 – Богданов А. И. Описание Санкт-Петербурга. СПб., 1997.

- Жебелев, 1923* – Жебелев С. А. Введение в археологию. Часть 2. Теория и практика археологического знания. Петроград, 1923.
- Грач, 1957* – Грач А. Д. Археологические раскопки в Ленинграде. К характеристике культуры и быта населения Петербурга XVIII в. М.-Л., 1957.
- Клейн, 1995* – Клейн Л. С. Археологические источники. СПб., 1995.
- Yong, 2002* – Young A. L. African American archaeology // Encyclopedia of Historical Archaeology. London and New York, 2002.

К.В. Шмелев, И.И. Тарасов

**ПОГРЕБЕНИЯ ВОЕННОГО ЛАГЕРЯ НА КРОНВЕРКЕ: ЛОКАЛЬНЫЙ
ВАРИАНТ ОБРЯДА ИЛИ ТРАДИЦИЯ МОСКОВСКОГО ВРЕМЕНИ**

Обнаруженное в 2002 году в ходе исследований Кронверка Петропавловской крепости коллективное погребение (см.: *Кузьмин, Соболев, Тарасов, 1999; Шмелев, Кузьмин, 2001; Шмелев, Кузьмин, 2003; Аранович, 2003. С. 7–11; и др. работы*) оказывается важным этапом в изучении военных захоронений эпохи раннего нового времени. Отметим, что в настоящее время прослежен ряд захоронений и кладбищ раннего Петербурга на территории Фомина (Петербургского) острова. Принципиальный момент, отличающий от них погребальный комплекс в Кронверке – явная «временность» погребения, предполагающая последующее перезахоронение, а также использование в качестве могильной ямы подземной части жилого сооружения – землянки. Способ захоронения в котлованах жилых построек не имеет прямых аналогов среди известных погребальных памятников, как России, так и остальной Европы. Единственный известный авторам аналог относится к несколько более раннему времени – 1680-м годам, и находится на крайнем востоке земель Московского царства. Жилые сооружения и погребения Албазинского острога в период его обороны от китайских войск в 1685 и 1686–1687 гг. в последние десятилетия широко изучаются отечественными исследователями.

Важно отметить, что жилые сооружения, прослеженные на территории военного лагеря на Кронверке, имеют значительное сходство с т.н. «земляными избами» Албазинского острога (*Сухих, 1978*). Объединяет их достаточно примитивная конструкция из неглубокого и небольшого котлована с вертикальными стенками без внутренней обшивки, наличия некоего легкого сооружения в верхней наземной части, близость отопительных сооружений. Возможно, подобная конструкция была общепринятой в качестве временного

жилого сооружения, использовавшего как в случаях военных лагерей, так и в остроге, где была необходимость быстрого возведения жилых построек, нетипичных для русских засельщиков Сибири и Дальнего Востока XVII века. Помимо сходства жилых сооружений, данные памятники объединяет так же и характер захоронений, совершенных в котлованах жилых построек. В ситуации с погребениями Албазина, авторы раскопок интерпретируют ее в соответствии с известными документами, относящимися к обороне крепости. В частности, отмечается временный характер захоронений – фактически это складирование тел, наиболее близкое к т.н. «скудельницам»; так как вследствие гибели священника невозможно было проведение посмертных ритуалов, участники обороны предполагали впоследствии провести полноценное захоронение (*Артемьев, 1996*).

Сравнение прослеженного обряда, характерного для захоронений Кронверка и Албазинского острога, с более ранними случаями массовых захоронений, определенно связанных с последствиями военных действий, известных для западно- и северо-западнорусских территорий (Смоленска, Пскова и Новгорода) показывает значительную их близость, хотя ряд деталей выделяет поздние комплексы. Таким образом, выскажем осторожное предположение, что прослеженные на Кронверке погребения представляют собой один и вариантов характерного для северорусской традиции обряда.

С.Е. Шуньгина

**ИТОГИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ РАЗВЕДКИ 2016 года НА ТЕРРИТОРИИ
БЫВШЕГО САХАРНОГО ЗАВОДА В г. САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ**

Ключевые слова: Санкт-Петербург, XIX-XX вв., Сахарный завод, керамические формы для изготовления сахарных голов, St. Petersburg, XIX-XX centuries, Sugar factory, ceramic molds for making sugarloaf.

В связи с проектом реконструкции территории сотрудниками ООО «НИиПИ Спецреставрация» в 2016 г. было проведено археологическое обследование двух соседних участков, расположенных по адресам: г. Санкт-Петербург, наб. Пироговская, д. 13, лит. Т, пер. Евпаторийский, д. 10, лит. В, заложено 10 шурфов.

В более раннее время прибрежные территории были освоены: по данным шведских планов XVII века неподалеку от места исследований располагалась деревня Masula (финск. Маа-кyлд, «деревня на твердой земле»), широкой полосой вдоль берега лежали пашни и луга, «нагорная» часть была занята лесом. В петровское время здесь стали создаваться первые предприятия, куда по реке удобно было доставлять сырье и другие материалы, и, соответственно, отгружать готовый товар. В 1720 г. в границах современной территории на участках исследования был основан сахарный завод, который принадлежал в разное время разным владельцам: московскому купцу П. Вестову (с 1720 г.), петербургскому купцу 1-й гильдии И. Бангу (начало XIX в.), нарвским купцам 1-й гильдии Л.И. Штиглицу и И.Х. Мейеру (с 1820 г.), купцу 1-й гильдии и фабриканту М.Е. Карру (с 1851 г.), предпринимателю Л.Е. Кенигу (с 1862 г.) и его наследникам (до 1918 г.). За это время территория сахарного завода разрасталась, производство увеличивалось и совершенствовалось. Важным источником по истории Сахарного завода семьи Кенигов является описание, составленное Н. М. Орловым и предназначенное для Всероссийской Киевской Сельскохозяйственной и Промышленной выставки 1913 года. В нем отражена

краткая история завода, обозначена функция корпусов и их состояние, подробно описан процесс изготовления сахара (*Орлов, 1913*).

В 1930 г. территория бывшего Сахарного завода была присоединена к территории завода «Двигатель», который в дореволюционное время назывался «Машинно-строительный, чугунно-литейный и котельный завод Г.А. Лесснера» и располагался на соседней от Сахарного завода прибрежной территории. С этого времени на предприятии выполнялись военные заказы.

В ходе проведенной археологической разведки были получены материалы, свидетельствующие о деятельности сахарного завода во 2-й половине XIX – начале XX в. когда он принадлежал Л.Е. Кенигу и его наследникам. К этому времени относятся выявленные напластования, связанные с активными подсыпками мощностью около 1,40–1,50 м, выделенными в западной части исследуемого квартала и связанные с благоустройством территории, ее осушением, последующим освоением.

Следы деятельности сахарного завода представлены фрагментами производственной красноглиняной керамики (толстостенных горшков и форм для изготовления сахарных голов), которая была собрана в мешаных слоях, как в нижней части отложений, так и в верхней. Производственная керамика сделана из хорошо отмученного однородного теста. Поверхность гладкая, особенно на внутренних поверхностях (что объясняется ее назначением), одноцветная, при этом полива (темно-коричневого цвета) присутствует на внутренней стороне только у горшков. Формы для сахарных голов имеют форму конуса (широкая часть вверху) с прямым венчиком и отверстием в днище. Диаметр венчиков 24 см, диаметр дна около 3 см, диаметр нижнего отверстия для вытекания патоки 5–6 мм, толщина венчиков у различных фрагментов колеблется от 7 до 15 мм, что касается придонной части, то были встречены лишь фрагменты с толщиной стенки около 7–10 мм. Полная высота форм может быть определена только предположительно и при реконструкции составила около 50 см. В целом, все

зависело от объемов поставляемой продукции: сахарные головы весили 1 пуд, 5 пуда и менее. Таким образом, и формы были разной высоты и, вероятно диаметра, но в нашем случае присутствует только один размер.

Горшки для установки форм обладают свойствами хорошей устойчивости, поскольку они предназначены были держать относительно большой вес наполненной уфелем формы для сахарной головы. Это сосуды закрытой формы со скошенным внутрь венчиком, с поливой на внутренней стороне темно-коричневого цвета или прозрачной, дно горшка опирается на кольцевой невысокий поддон. Максимальная толщина венчика составляет около 15 мм, диаметр 10 см, диаметр тулова около 20 см, дна – около 8–10 см. Толщина стенки горшка около 7 мм, в придонной части достигает 12–16 мм, размеры бортика поддона (высота Ч толщина) 14Ч14 мм, 6Ч12 мм, 10Ч5 мм. Полная высота горшков не определена.

В целом, фрагменты производственной керамики отличаются высоким качеством, на некоторых из них есть клейма «M&S» и «С.Н.». Пока остается открытым вопрос ее происхождения. Датируются эти находки 2-й половиной XIX в., вероятнее всего, ими пользовались в период с 1850-х до конца XIX в. или рубежа XIX–XX в., когда произошла смена форм с керамических на металлические.

Кроме представленных находок, в шурфах 1 и 2, заложенных на земельном участке по Евпаторийскому пер., д. 10, лит. В зафиксированы горизонтально залегающие напластования мощностью от 24 до 62 см, насыщенные отходами сахарного производства – отработанной костяной крупкой, которая использовалась для очистки сахарного сиропа.

Таким образом, несмотря на то, что практически повсеместно напластования нарушены коммуникациями, связанными с деятельностью современного производства, в т. ч. активной строительной деятельностью советского периода, в результате проведенных работ удалось обнаружить

некоторые следы деятельности сахарного завода 2-й половины XIX в., представляющие интерес для изучения истории этого предприятия. Материалы более раннего времени отсутствуют.

Орлов, 1913 – Орлов Н. М. С.-Петербургский Сахаро-рафинадный завод
Л.Е. Кениг-наследники. СПб., 1913.

Сведения об авторах

Акулов Алексей Гаврилович – независимый исследователь, Санкт-Петербург, e-mail - elteber@yandex.ru

Александров Сергей Викторович — научный сотрудник, Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург

Астахов Сергей Никитич – доктор исторических наук, ведущий сотрудник, Отдел палеолита, Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, e-mail - astakhov.sn@gmail.com

Боковенко Николай Анатольевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, e-mail - nibo25@yandex.ru

Борисенко Алиса Юрьевна — кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник, Новосибирский государственный университет, Новосибирск, aborisenko2@mail.ru

Бородовский Андрей Павлович – доктор исторических наук, доцент, Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, e-mail - altaicenter2011@gmail.com

Бусова Варвара Сергеевна – стажер Отдела археологии Центральной Азии и Кавказа, Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург; реставратор по коже 2 категории ВХНРЦ им. И.Э. Грабаря, e-mail - kulturnijkarman@gmail.com

Варенов Андрей Васильевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры востоковедения, Новосибирский государственный университет, Новосибирск, e-mail - avvarenov@mail.ru

Власова Елена Валерьевна – старший научный сотрудник Отдела античного мира, Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Гарбуз Игорь Анатольевич – ассистент кафедры археологии СПбГУ, генеральный директор НИЦ «Актуальная археология», e-mail – igor.garbuz@gmail.com

Головченко Николай Николаевич — старший преподаватель, кафедра Отечественной истории, Исторический факультет, Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, e-mail - nikolai.golowchenko@yandex.ru

Горячев Александр Анатольевич — старший научный сотрудник отдела урбанизации и номадизма, Института археологии им. А.Х. Маргулана (г. Алма-Ата, Казахстан), aga.2805@mail.ru

Грушин Сергей Петрович – доктор исторических наук, профессор, кафедра археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета, Барнаул, e-mail - gsp142@mail.asu.ru

Дашковский Петр Константинович – доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой политической истории, национальных и государственно-конфессиональных отношений; заведующий лабораторией этнокультурных и религиоведческих исследований, Алтайский государственный университет, Барнаул, e-mail - dashkovskiy@fpn.asu.ru

Дьяконов Николай Павлович – специалист Управления зон охраны объектов культурного наследия Комитета по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры Санкт-Петербурга, e-mail – djaknvn@gmail.com

Дэвлет Марианна Арташировна – доктор исторических наук, ведущий сотрудник Института археологии РАН, Москва

Егорова Татьяна Александровна, специалист-филолог отдела урбанизации и номадизма Института археологии им. А.Х. Маргулана (г. Алма-Ата, Казахстан), ega.0108@mail.ru

Елихина Юлия Игоревна – кандидат исторических наук, хранитель тибетской, монгольской и хотанской коллекций, ведущий научный сотрудник Отдела Востока, Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, e-mail - julia-elikhina@yandex.ru

Ерёменко Артем Валерьевич – специалист Управления зон охраны объектов культурного наследия Комитета по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры Санкт-Петербурга, e-mail – a.v.eremenko87@gmail.com

Ёлшин Денис Дмитриевич – кандидат исторических наук, ученый секретарь сектора архитектурной археологии Государственного Эрмитажа, e-mail – denis.jolshin@gmail.com

Килуновская Марина Евгеньевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, e-mail - kilunmar@mail.ru

Кильдюшевский Владимир Игоревич – научный сотрудник, Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, e-mail - kildush@list.ru

Кисель Владимир Антониевич — кандидат исторических наук, старший хранитель фонда «Сибирь», Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург, e-mail - kisel@kunstkamera.ru

Красниенко Сергей Владимирович — научный сотрудник Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, e-mail - krasnienkos@mail.ru

Крюкова Виктория Юрьевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Музей антропологии и этнографии им. Петра

Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург, e-mail - zorovictoria@gmail.com

Куулар Аяна Ивановна – научный сотрудник, Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований, г. Кызыл, e-mail - amphitrida@mail.ru

Лазаретов Игорь Павлович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа, Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, e-mail - lazaretov@yandex.ru

Леус Павел Михайлович – научный сотрудник, Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, e-mail - leuss@mail.ru

Лурье Вера Михайловна – бакалавр, научный сотрудник, Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа, Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, e-mail - verqa@list.ru

Марсадолов Леонид Сергеевич - доктор культурологии, академик Петровской академии наук и искусств, ведущий научный сотрудник, ОАВЕС, Государственный Эрмитаж (ГЭ), Санкт-Петербург, e-mail - marsadolov@hermitage.ru

Матвеев Василий Николаевич – младший научный сотрудник, хранитель, Государственный Эрмитаж, e-mail –vmatveev88@inbox.ru

Мерц Виктор Карлович - кандидат исторических наук, директор, Павлодарский государственный университет им. С. Торайгырова, Объединенный археологический научно-исследовательский центр им. А. Х. Маргулана, Казахстан, г. Павлодар, e-mail - v_merz@mail.ru

Мерц Илья Викторович – кандидат исторических наук, научный сотрудник, Павлодарский государственный университет им. С. Торайгырова, Объединенный археологический научно-исследовательский центр им. А. Х. Маргулана, Казахстан, г. Павлодар, e-mail - barnaulkz@mail.ru

Миняев Сергей Степанович - кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа, Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, e-mail - ssmin@yandex.ru

Михайлова Елена Робертовна – кандидат исторических наук, зав. Лабораторией археологии, исторической социологии и культурного наследия им. проф. Г.С. Лебедева, Санкт-Петербург, e-mail – e.mikhailova@spbu.ru

Мурзенков Денис Николаевич—кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Лаборатории археологии, исторической социологии и культурного наследия им. проф. Г.С. Лебедева, Санкт-Петербург, e-mail – d.murzenkov@spbu.ru

Мурзина Софья Робертовна — бакалавр, кафедра археологии Института Истории СПбГУ, Санкт-Петербург, e-mail - sonya.murzina96@mail.ru

Новосёлов Николай Валентинович – старший научный сотрудник НИЦ «Актуальная археология», Санкт-Петербург, e-mail – diogen-n@yandex.ru

Оборин Юрий Владимирович пенсионер, независимый исследователь, Красноярск, e-mail - lacky1959@yandex.ru

Овчинникова Бронислава Борисовна — кандидат исторических наук, профессор, Уральский федеральный университет им.первого Президента России Б.Н.Ельцина, Екатеринбург, e-mail - bovchinnikova@mail.ru.

Панкова Светлана Владимировна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Отдел археологии Восточной Европы и Сибири, Государственный Эрмитаж, e-mail - svpankova@gmail.com

Папин Дмитрий Валентинович - кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Алтайский государственный университет, Барнаул, e-mail - papindv@mail.ru

Паршикова Татьяна Сергеевна - кандидат исторических наук, научный сотрудник Лаборатории междисциплинарного изучения археологии Западной Сибири и Алтая, Алтайский государственный университет, e-mail - taty-parshikova@yandex.ru

Пахунов Александр Сергеевич — младший научный сотрудник, Центр палеоискусства, Институт археологии РАН, e-mail - science@pakhunov.com

Переводчикова Елена Владимировна — кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела сохранения археологического наследия Института археологии РАН, e-mail - perevelena@yandex.ru

Поляков Андрей Владимирович — кандидат исторических наук, заведующий Отделом археологии Центральной Азии и Кавказа, Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, e-mail - poliakov@yandex.ru

Реброва Роксана Викторовна – кандидат искусствоведения, научный сотрудник сектора архитектурной археологии Государственного Эрмитажа, e-mail – rox-rebr@yandex.ru

Садыков Тимур Рашитович — младший научный сотрудник Отдела охранной археологии, Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, e-mail - tim.sadykov@gmail.com

Семенов Анатолий Владимирович — младший научный сотрудник, Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, e-mail - blaze85@inbox.ru

Семенов Владимир Анатольевич — кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник, Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа, Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, e-mail - ranbov@yandex.ru

Серегин Николай Николаевич — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории междисциплинарного изучения

- археологии Западной Сибири и Алтая ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет», г. Барнаул, e-mail - nikolay-seregin@mail.ru
- Соболев Владислав Юрьевич** – старший научный сотрудник Лаборатории археологии, исторической социологии и культурного наследия им. проф. Г.С. Лебедева, e-mail – v.sobolev@spbu.ru
- Соколова Людмила Анатольевна** — кандидат исторических наук, Староладожский музей-заповедник; Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа, Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, e-mail - lasokol007@gmail.com
- Сорокин Петр Егорович** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела славяно-финской археологии ИИМК РАН, e-mail – petrsorokin@yandex.ru
- Сотникова Светлана Владимировна** — кандидат исторических наук, доцент, научный консультант, ООО «Центр археологических исследований», г. Надым, e-mail - svetlanasotnik@mail.ru
- Стеганцева Вероника Яковлевна** - научный сотрудник Института истории материальной культуры РАН, e-mail - veronika_s@mail.ru
- Тарасов Игорь Иванович** – инженер-исследователь Лаборатории археологии, исторической социологии и культурного наследия им. проф. Г.С. Лебедева, e-mail – i.tarasov@spbu.ru
- Тишкин Алексей Алексеевич** – доктор исторических наук, Алтайский государственный университет, г. Барнаул, e-mail - tishkin210@mail.ru
- Учанева Евгения Николаевна** - научный сотрудник Отдела антропологии МАЭ РАН, e-mail – ucha.89@mail.ru
- Федоров Илья Андреевич** – младший научный сотрудник Лаборатории археологии, исторической социологии и культурного наследия им. проф. Г.С. Лебедева, e-mail – i.fedorov@spbu.ru

Фрибус Алексей Викторович – кандидат исторических наук, научный сотрудник, Кемеровский государственный университет, Кемерово, e-mail - fribus@list.ru

Фролов Ярослав Владимирович — кандидат исторических наук, директор Музея археологии и этнографии Алтайского государственного университета, Барнаул, e-mail - frolov_jar@mail.ru

Худяков Юлиан Семенович – доктор исторических наук, Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, e-mail - khudjakov@mail.ru

Черленок Евгений Александрович — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры археологии Института истории, Санкт-Петербургский государственный университет, e-mail - eugcherlenok@list.ru

Широбоков Иван Григорьевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела антропологии МАЭ РАН, e-mail – ivansmith@bk.ru

Шмелев Кирилл Владимирович – научный сотрудник Лаборатории археологии, исторической социологии и культурного наследия им. проф. Г.С. Лебедева, e-mail – k.shmelev@spbu.ru

Шульга Даниил Петрович — старший преподаватель, Сибирский институт управления РАНХиГС, Новосибирск, e-mail - alkaddafa@gmail.com

Шульга Петр Иванович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН, e-mail - shulgapi55@yandex.ru

Шуныгина Светлана Евгеньевна — археолог, ООО «НИиПИ Спецреставрация», Санкт-Петербург, e-mail - sveshun@mail.ru

Чугунов Константин Владимирович — старший научный сотрудник Отдела археологии Восточной Европы и Сибири, Государственный Эрмитаж, e-mail - chugunovk@mail.ru